

Николай Семёнович Лесков

Переписка

Николай Лесков

Переписка

«Public Domain»

Лесков Н. С.

Переписка / Н. С. Лесков — «Public Domain»,

«...Милостивый государь! В № 23 «Новостей» от 24 апреля воспроизведен отрывок из моих воспоминаний о «предобром отце Ефиме». Я очень рад, что праведная память этого великодушного человека обращает на себя внимание печати и через то делается известною большому числу людей...»

Содержание

О русском левше	7
Письмо в редакцию	9
Письмо в редакцию	10
Письмо в редакцию	11
Письмо в редакцию	12
Письмо в редакцию	13
Авторское признание	14
Объяснение по трем пунктам	16
<В редакцию журнала «Новь»>	18
Чужое заглавие	19
<Письмо в редакцию «Нового времени»>	20
Товарищеский подарок	21
О повести «Зенон-златокузнец»	22
Об иродовой темнице	23
Дружеская просьба	24
Курская трель о Толстом	25
Письма	26
Письма 1859 года	26
Ф. В. ЧИЖОВУ	26
Письма 1863 года	27
М. М. ДОСТОЕВСКОМУ	27
А. А. КРАЕВСКОМУ	27
Письма 1864 года	28
Н. Н. СТРАХОВУ	28
Письма 1865 года	29
Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ	29
Н. Н. СТРАХОВУ	29
Н. Н. СТРАХОВУ	29
Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ	30
Письма 1866 года	31
С. С. ДУДЫШКИНУ	31
С. С. ДУДЫШКИНУ	31
А. А. КРАЕВСКОМУ	31
Письма 1867 года	33
Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ	33
Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ	36
Письма 1868 года	37
Н. Н. СТРАХОВУ	37
М. А. МАРКОВИЧ	37
Н. А. ЛЮБИМОВУ	38
М. А. МАРКОВИЧ	38
А. А. ФЕТУ	38
Письма 1869 года	40
А. П. МИЛЮКОВУ	40
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	40
Н. А. ЛЮБИМОВУ	41

Письма 1870 года	42
А. С. СУВОРИНУ	42
Н. А. ЛЮБИМОВУ	43
С. А. ЮРЬЕВУ	44
С. А. ЮРЬЕВУ	44
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	46
Письма 1871 года	49
С. А. ЮРЬЕВУ	49
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	49
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	50
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	51
Г. БЕННИ	52
А. С. СУВОРИНУ	52
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	53
А. С. СУВОРИНУ	53
С. А. ЮРЬЕВУ	54
А. Ф. ПИСЕМСКОМУ	55
С. А. ЮРЬЕВУ	56
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	57
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	59
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	62
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	63
А. С. СУВОРИНУ	64
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	65
А. Ф. ПИСЕМСКОМУ	66
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	67
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	69
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	70
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	70
М. Н. КАТКОВУ(?)	71
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	72
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	75
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	77
А. П. МИЛЮКОВУ	78
Письма 1872 года	79
А. Ф. ПИСЕМСКОМУ	79
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	79
А. Ф. ПИСЕМСКОМУ	81
А. Ф. ПИСЕМСКОМУ	82
С. А. ЮРЬЕВУ	82
А. Ф. ПИСЕМСКОМУ	82
М. Н. КАТКОВУ	83
М. Н. КАТКОВУ	84
Письма 1873 года	86
А. С. СУВОРИНУ	86
А. С. СУВОРИНУ	86
В. П. МЕЩЕРСКОМУ	87
Письма 1874 года	88
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	88

А. С. СУВОРИНУ	89
И. С. АКСАКОВУ	89
И. С. АКСАКОВУ	90
И. С. АКСАКОВУ	92
И. С. АКСАКОВУ	93
Письма 1875 года	96
Н. С. АКСАКОВУ	96
И. С. АКСАКОВУ	97
Н. С. АКСАКОВУ	98
А. Н. ОСТРОВСКОМУ	99
П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Николай Лесков

Переписка

О русском левше (Литературное объяснение)

Моя небольшая книжечка «О тульском левше и о стальной блохе» вызвала несколько литературных отзывов, из которых два убеждают меня в надобности сделать маленькое объяснение.

Говоря это, я разумею отзывы «Нового времени», которое нашло, что в моем рассказе народ несколько принижен, и отзыв «Голоса», которому кажется, что в этом рассказе народ очень польщен. Притом, как рецензенты «Нового времени» и «Голоса», так и все другие, высказавшие свое мнение о «левше», в одно слово утверждают, будто сказ о левше есть «легенда старая и общеизвестная».

Это требует поправки, и я прошу позволения ее сделать.

Все, что есть чисто *народного* в «сказе о тульском левше и стальной блохе», заключается в следующей шутке или прибаутке: «англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали да им назад отослали». Более ничего нет «о блохе», а о «левше», как о герое всей истории ее и о выразителе русского народа, нет никаких народных сказов, и я считаю невозможным, что об нем кто-нибудь «давно слышал», потому что, – приходится признаться, – я весь этот рассказ *сочинил* в мае месяце прошлого года, и *левша* есть лицо *мною выдуманное*. Что же касается самой подкованной туляками английской блохи, то это совсем не легенда, а коротенькая шутка или прибаутка, вроде «немецкой обезьяны», которую «немец выдумал», да она садиться не могла (все прыгала), а московский меховщик «взял да ей *хвост пришил*, – она и села».

В этой обезьяне и в блохе даже одна и та же идея и один и тот же тон, в котором похвальбы могло быть гораздо менее, чем мягкой иронии над своею способностью усовершенствовать всякую заморскую хитрость.

Рецензент «Нового времени» замечает, что в левше я имел мысль вывести не одного человека, а что там, где стоит «левша», надо читать «русский народ».

Я не стану оспаривать, что такая обобщающая мысль действительно не чужда моему вымыслу, но не могу принять без возражения укоры за желание принизить русский народ или польстить ему.

Ни того, ни другого не было в моих намерениях, и я даже недоумеваю, из чего могли быть выведены такие крайне противоречивые заключения. Левша сметлив, переимчив, даже искусен, но он «расчет силы не знает, потому что в науках не зашелся и вместо четырех правил сложения из арифметики все бредет еще по псалтырю да по полусоннику». Он видит, как в Англии тому, кто трудится, – все абсолютные обстоятельства в жизни лучше открыты, но сам все-таки стремится к родине и все хочет два слова сказать «государю о том, что не так делается, как надо», но это левше не удастся, потому что его на «парат роняют». В этом все дело.

Я никак не могу согласиться, чтобы в такой фабуле была какая-нибудь лесть народу или желание принизить русских людей в лице «левши». Во всяком случае, я не имел такого намерения.

*Николай Лесков.
10 июня 1882 г.
С.-Петербург.*

Письмо в редакцию (Об отчислении Н. С. Лескова «без прошения» от службы в Ученом комитете министерства народного просвещения)

Малозначительное событие – оставление мною службы в Ученом комитете министерства народного просвещения – неожиданно для меня сделалось предметом разнообразных толков, которые частью проникли в печать и, как у нас сказано, – «возбуждают недоумение», которое я имею побуждение разъяснить.

Я отчислен от министерства «без прошения» по причинам, лежащим совершенно вне моей служебной деятельности, которая в течение десяти лет признавалась полезною и никогда не привлекла мне никакого упрека и ни одного замечания при трех министрах: графе Д. А. Толстом, А. А. Сабурове и бароне Николаи. Для оставления службы мне не вменено никакой вины, а указана только «несовместимость» моих литературных занятий с службою.

Ничего более.

В том, что я отчислен не по прошению, а «без прошения», тоже нет ничего меня порочащего или обидного. Мне была предоставлена полная возможность отчислиться по той форме, которая обыкновенно признается удобнейшею, но я сам предпочел ту, которая, на мой взгляд, более верна истинному ходу дела.

Этим, я надеюсь, могут быть разъяснены все «недоумения» моих ближайших и дальних друзей и недругов.

*Николай Лесков.
8 марта 1883 г.
С.-Петербург.*

Письмо в редакцию

К прискорбию для себя и к очевидной досаде редакции, может быть и для некоторых читателей, я должен отказаться продолжать печатание начатого у Вас романа «Соколий перелет». Я сознаю всю неловкость этого отказа, но не могу поступить иначе. Роман этот начат писанием давно – более двух лет назад, при обстоятельствах, которые для печати весьма разнятся от нынешних. В романе я хотел изобразить «перелет» от идей, отмеченных мною двадцать лет назад в романе «Некуда», – к идеям новейшего времени. В романе «Соколий перелет» также должны были выступить на свет и многие из лиц, известных публике по роману «Некуда», который в одной из критических заметок г-на П. Щ<ебальского> был назван «пророческим». Во многом действительно намеченное в том романе совершилось как по писанному. Каков бы показался в этом *общественном значении* роман «Соколий перелет», – я не знаю; но я хорошо знаю, что он не пошел бы в тон нынешнему взгляду на литературу, и во что бы то ни стало я *останавливаюсь*. Останавливаюсь просто потому, что, – верно или неверно, – я нахожу эту пору совершенно неудобною для общественного романа, написанного правдиво, как я стараюсь по крайней мере писать, не подчиняясь ни партийным, ни каким другим давлениям.

Приношу этим письмом мою повинную редакции и всем подписчикам газеты.

Взамен этого романа я напишу Вам и сообщу в нынешнем же году для напечатания роман чисто бытового характера, на мотив всегда удобных для разработки положений: «Влюбился и женился» или «Влюбился и застрелился».

Конечно, я употреблю все от меня зависящее, чтобы обмен этот не был для ваших подписчиков невыгоден, и постараюсь дать интересное чтение.

Николай Лесков
С.-Петербург.
10 марта 1883 г.

Письмо в редакцию О Ефиме Ботвиновском

Милостивый государь! В № 23 «Новостей» от 24 апреля воспроизведен отрывок из моих воспоминаний о «предобром отце Ефиме». Я очень рад, что праведная память этого великодушного человека обращает на себя внимание печати и через то делается известною большому числу людей. Доброго и великодушного человека всегда помянуть полезно, но в моем рассказе об отце Ботвиновском есть вещи, которые могут казаться и действительно кажутся вполне несбыточными и невероятными. Это и совершенно понятно по чрезвычайной непосредственности характера описываемого лица, которое было столь оригинально, что я непременно должен был представить его характеристику в таком органе, редакции которого удивительный и невероятный отец Ботвиновский и все о нем сообщаемое были так же близко известны, как и мне. «Предобрый Ефим» был мне друг и также в дружбе находился с епископом Филаретом Филаретовым и с Феофаном Гавриловичем Лебединцевым, нынешним редактором выходящего в Киеве журнала «Киевская старина». Сему последнему я и отдал мои «юношеские воспоминания», в составе которых «предобрый Ефим» составляет только эпизод. Но давая «Ефима» «Киевской старине», я просил Ф. Г. Лебединцева не полагаться без проверки на мою память и по возможности поверить мои сказания и особенно невероятные из них (как, например, погребение дамы под престолом Троицкой церкви) подкрепить заверением или же вовсе выпустить. Редактор «Киевской старины» исполнил мою просьбу с доброй приязнью и рассказы мои о Ефиме проверил и сделал о том от себя удостоверение («Киевская старина», апрель 1883 г., стр. 700). Это для меня, по очень многим и очень солидным причинам, – важно и даже *необходимо*. «Церковно-общественный вестник» Ал. Ив. Поповицкого воспроизвел рассказ об отце Ефиме из «Киевской старины» (с моего согласия), но при перепечатке опустил имеющее для меня большое значение подстрочное примечание редактора «Киевской старины» Ф. Г. Лебединцева. Этим у рассказа отбавилось достоверности, на которой я непременно желаю настаивать. «Новости» заимствовали рассказ мой о «предобром» Ефиме из «Церковно-общественного вестника», и потому, конечно, совсем не могли указать на то, чем дело удостоверено.

Я уже просил А. И. Поповицкого дать место моим строкам, которые бы содержали желательное мне пояснение, и вас имею честь просить о том же самом.

Николай Лесков.

<24–26 апреля 1883 г.>

Письмо в редакцию

Милостивый государь
г. редактор.

В 20 № московской «Газеты Гатцука» напечатана заметка, в которой между прочим сравниваются мои литературные коварства с чистосердечием, которое обнаружил по отношению митрополита Филофея писатель Тертый Филиппов, имевший свою роль в деле Булах.

Эту статью и приведенное в ней четверостишие приписывают мне.

А как я этой статьи *не писал* и имею свои причины желать, чтобы на мой счет ни теперь, ни после не было поставлено ничто, написанное о г-не Филиппове безыменно, и в раздражении, и в обиде, для которых в названной статье указаны поводы, то в некоторых литературных целях я имею честь просить вас, г. редактор, дать мне возможность объяснить в вашем издании, что я названной статьи о г-не Филиппове не писал и не мною тоже сочинено четверостишие, оканчивающееся строками:

И дорогое имя Тертя.
Блестит уже в лучах бессмертия.

Мне об этом стихотворении известно только то, что известно очень многим в нашей столице, то есть что стихотворение это начертано под портретом г-на Филиппова, который он довольно охотно показывает.

Сколько я помню об этом стихотворном начертании, мне кажется, что «имя Тертя» там названо не «дорогое», а «всеблагое». Впрочем, который из вариантов вернее, — я не знаю.

*Николай Лесков.
С.-Петербург,
29 мая 1884 г.*

Письмо в редакцию Об обеде Н. С. Лескову

В 44 № «Еженедельного обозрения» упоминается о намерении почтить меня каким-то знаком внимания по поводу исполнившегося двадцатипятилетия моих занятий литературою. Там сказано, что намерение это *«отложено»* на 1885 год.

Дозвольте мне сказать, что это намерение *не отложено, а совсем оставлено*, по усердной моей просьбе, для которой я имел уважительные, в моих глазах, причины.

Николай Лесков.

15 октября 1884 г.

С.-Петербург.

Авторское признание

Открытое письмо к П. К. Щебальскому

Давняя и, смею надеяться, искренняя литературная приязнь наша сказалась с Вашей стороны очень дорогим для меня вниманием. Мне присланы 248, 249 и 252 №№ «Варшавского дневника», где напечатаны критические статьи о моих сочинениях. Это пришлось как раз ко времени совершившегося двадцатипятилетия моих занятий литературою. Внимание чрезвычайно милое и мне необыкновенно приятное. Старый испытанный друг, живя вдалеке, на окраине вспомнил меня и помянул не злом и не клеветою, которых я перенес немало. Но дороже всего мне то, что дружба Ваша высказалась ко мне не только снисходительно, но и оправдательно. Я говорю об отношении Вашем к одному много раз воздымавшемуся против меня обвинению, которое я имею основание считать несправедливым и незаслуженным. В статьях Вашей газеты сказано, что я большею частью *списывал* живые лица и передавал действительные истории. Кто бы ни был автор этих статей, — он *совершенно прав*. У меня есть наблюдательность и, может быть, есть некоторая способность анализировать чувства и побуждения, но у меня *мало фантазии*. Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплощать их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительное событие. Так почти написано все, а по преимуществу роман «Некуда», в котором, однако, критики упорно желают видеть *тенденциозность*. Вы знаете и многим известно, что этот роман представляет многие действительные события, имевшие в свое время место в некоторых московских и петербургских кружках. Я терпел самые тяжелые укоризны именно за то, что *списал* то, что было, и потом это же самое вменено мне в «тенденциозность», которою попрекают меня и доселе. Тенденция от французского *tendance* или от латинского *tendere* значит *тянуть*, стремиться, иметь склонность, направление. К чему же я *тянул* в «Некуда»? Об этом пора сказать, и я хочу это сказать именно у Вас — в газете человека, который ближе многих знает мои убеждения. *Я ни к чему не тянул*. Я только или описывал виденное и слышанное, или же развивал характеры, взятые из действительности. Я даже действовал во вред той тенденции, которую мне приписывают, и теперь сам покажу это. Роман «Некуда» считается самым противосоциальным, и между тем едва ли не в нем в одном представлен в лице Райнера молодой социалист с доброю душой и с нежными, честными побуждениями. Я не разделял и не разделяю социалистических стремлений, но я написал такое симпатическое лицо потому, что я *видел* перед собою такого живого человека, жившего среди нас во время, которое представл<ает> мой рассказ. <Это> уроженец того края, где вы теперь трудитесь, — это был Артур Бенни, сын протестантского пастора из Томашева Равского, с которым нас соединяла горячая дружба, несмотря на коренное несходство нашего политического идеала. Он был оклеветан в Петербурге теми, которые с ним единомыслили, был выслан из России и потом убит под Ментаной в гарибальдийском отряде. Я никогда не разделял его утопий, но я знал его чистым и прекрасным юношей, который трогал своих судей своим благородным чистосердечием, и я *таким* его изобразил в вымышленном лице Райнера. Таким же после его смерти я представил его и под собственным его именем в книжке «Загадочный человек», которую я написал по совету Ив<ана>, Серг<еевича> Тургенева. Если бы тенденциозность или желание «тянуть» господствовало во мне над желанием изобразить правдивую картину тогдашних нравов, — я думаю, мне незачем было привлекать к делу лицо столь симпатичное, несмотря на то, что заботы его жизни не казались мне достойными подражания. И тем не менее я его написал с любовью, *как тип*, выражавший данное время и данный ассортимент харак-

теров. Так поступал я и всегда и во всем, что мною написано. Я *сберегал хорошее* в каждом лице и думал, что в этом есть долг правдивого писателя, каким я по крайней мере старался быть. Отрицательные типы действительно я писал хуже, чем положительные, потому что мне тяжело изображать такие характеры, не гармонирующие с моим личным настроением, но все же я не мог рисовать без теней, по-китайски. В моей памяти накопились лица такие и иные... И как могло быть это иначе?.. И вот это-то я хотел бы с вашего позволения поставить теперь на вид автору напечатанных у вас обо мне статей. При всей его ко мне внимательности он, кажется упустил из вида, например, то, что в книге «Мелочи архиерейской жизни» есть пленительно добрый Филарет Амфитеатров, умный Иоанн Соловьев, кроткий Неофит и множество добрых черт в других персонажах. Мне очень жаль, что это обыкновенно опускается и что у Вас случилось то же самое. Правдивое слово на этот счет не было бы лишним для тех, кто, порицая в художнике тенденцию, сам не замечает, что сам же он и требует от меня односторонности или тенденциозности, вполне неудобной для писателя, желающего оставить истинные картины нравов своего времени. Как директор политическою органа, вы, может быть, смотрите на некоторые вещи иначе, чем я, и я готов признать за вашим взглядом превосходство, но сам я желаю остаться только тем, чем есть и чем могу быть, то есть художником, изображающим то, что подпадает моему наблюдению. Я что вижу, то и пишу, и очень вам благодарен, что вы, единственный старый литературный друг мой, высказали его с тем прекрасным чистосердечием, которое давно и навсегда заставило меня любить и уважать вас. Поверьте, что ваш критик не обманулся; поверьте, что если бы меня «тянула» не любовь к выражению житейской правды, а «тенденция», то я иначе бы нашелся когда и куда потянуть. Я никогда об этом не думал.

Николай Лесков.

С.-Петербург.

10 декабря 1884 г.

Объяснение по трем пунктам

Когда оскудевает материал, доступный для литературной разработки, гг. писатели нередко обращаются к очищению критикою собственного литературного кружка. Мне в свое время приходилось много послужить собою для такой потребности и ныне опять довелось стать на очередь: с трех сторон летит в мое окно «крылатое слово». Во-первых, одно издание, при розыске, «до чего дошла наша литература», ставит, не знаю в который раз, на вид объявление об «указке», составленной мною для отыскания данных мест в св. писании. Это почему-то представляется за дело, недостойное литератора, – за дело, которое будто бы унижает литературу. Другой журнал недоволен встречей моего имени во многих изданиях и говорит, что я «сделал из моей *музы* потаскушку». Третий видит дурное в том, что я «воспользовался случаем в Якобштадте и тотчас пустил язвительную статью, которая связывает настоящее с прошлым». Это говорится о столкновении в Вейсенштейне, в 1867 году, которое описано мною в «Историческом вестнике» за февраль 1885 года.

Я чувствую потребность объясниться по всем этим трем обвинениям.

§ 1. Я действительно составил «указку», с помощью которой всякий может без затруднения отыскать требуемое место в Новом завете. Я тоже и напечатал эту «указку» в виде «полосок», которые можно удобно держать в книге, как закладку. Во всем этом я признаюсь. Причина, побудившая меня напечатать такую указку, была следующая: в учебных заведениях одно время стали упражнять детей в изучении св. писания и спрашивали ответы, за которые ставили отметки, а *пособия*, вроде указки, не давали. Это детей очень затрудняло. Помнит дитя, что есть такое слово в св. писании, а отыскать его не умеет. У меня жил милый ребенок, и я видел его затруднения и терзался ими. Потому я захотел помочь дитяти и составил *для него* указку. Указка моя полюбила и другим детям, и я издал ее для общего пользования (по 2 коп. за штуку, – из коих 1 коп. идет книгопродавцу). Я думал, что я этим не сделал ничего худого ни для детей, ни для взрослых, которые тоже берут мои указки, и о сию пору не понимаю – что худого в том, что я издал указку? Не могу понять, кого я этим обидел и у кого должен просить прощения? Всех откровеннее разъяснил это с самого начала литератор, писавший в «Петербургской газете» под псевдонимом «Оса». Он первый заметил мою указку и первый в свое время посмеялся надо мною в «Петербургской газете». По его словам, дурно было то, что я «взялся за *поповское* дело», но это несправедливо: из русского духовенства никто такой указки не составлял и не издавал. В данном случае я просто сделал такое маленькое дело, которое вызывалось потребностью и которого между тем *никто* не делал. Но если даже есть основания считать это и за «поповское дело», то это до меня не касается и я не вижу в этом такого крайнего проступка, который стоило бы из года в год каждый великий пост причитать: «Вот до чего дошла наша литература!»

Может быть, можно указать случаи, где она доходит до чего-нибудь гораздо более предосудительного.

Я имел в виду одну детскую пользу и важность евангелия, в котором, по моему убеждению, сокрыт глубочайший *смысл жизни*.

§ 2. Имя мое, как говорят, «треплет и веет», – «*муза* моя пущена, как уличная *потаскушка*». Это сказано сильно, но несправедливо. «Потаскушка» в данном случае заменяет другое слово, которое в печати тоже употребляется, но не поставлено, очевидно, из некоторой ко мне снисходительности. Автор пощадил меня, что называется, «по старой памяти». В том смысле, в котором слово «потаскушка» употреблено применительно к моей «музе», оно должно выражать неразборчивость, склонность вращаться, где попало. Моя муза будто идет, куда ее поманут. Стало быть, она продажна...

Если уж пошло на сравнения, то «муза» моя не похожа на «потаскушку», ибо – она своих ласок не продавала и не продает. Ее положение, кажется, гораздо удобнее сравнить с положением скромной девушки, которая умеет делать изрядные работы, но не желает исполнять их по всякому фасону. Чтобы не сидеть без дела и не щеголять ни безстыдием лица, ни постною харею, она покрылась простым платочком и ходит на поденщину...

Мне кажется, что она сделала еще не самое худшее из того, между чем ей предстояло выбирать. Лучше работать по-рыночному, кому попало, чем с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленного штандарта.

§ 3. Статью «Подмен виновных», может быть, и есть возможность привести в какое-нибудь историческое соотношение с недавним яacobштадтским происшествием, но я не имел этого в виду и могу это доказать.

Статья «Подмен виновных», напечатанная в февральской книге «Исторического вестника», была мною написана тогда, когда о яacobштадтском случае еще и слуха не было. Статья эта, содержащая рассказ о событии, имевшем место *восемнадцать лет назад*, была написана мною *прошлым летом*. Осенью она уже была отдана в редакцию журнала «Новь» и оттуда возвращена мне г. Вольфом в числе других моих рассказов, целиком не пропущенных для «Нови» цензурою. В «Историческом вестнике» статья эта была не только набрана, но даже и отпечатана прежде, чем случилось что-то в Яacobштадте. В этом я пошлюсь как на А. М. Вольфа, так и на редактора «Исторического вестника», С. Н. Шубинского. Двух свидетелей, полагаю, достаточно.

За сим писанный кланяюсь

Николай Лесков.

<1885>

<В редакцию журнала «Новь»>

Милостивый государь Александр Маврикиевич!

Мой роман «Незаметный след» остался неоконченным. Печатание его оборвалось на первой части, что крайне неприятно как лично для меня, так равно для читателей и редакции «Нови».

Приступая к печатанию моего романа, редакция «Нови» была гарантирована письменным условием между мною – автором романа, и вами – редактором-издателем «Нови», в своевременном доставлении всего романа, так что печатание «Незаметного следа» должно было окончиться еще в марте.

Но разные неблагоприятные обстоятельства, о которых неуместно было бы говорить здесь, – помешали мне исполнить принятое мною на себя обязательство. Единственно по моей вине редакция «Нови», окончив печатание первой части романа, не могла напечатать окончание его, – в чем я и извиняюсь перед читателями журнала, а также и перед редакцией, которую я, совершенно неожиданно для самого себя, поставил в такое неловкое положение в отношении подписчиков журнала.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении.

Н. Лесков.

<Сентябрь 1885 г.>

Чужое заглавие (Письмо в редакцию)

Позвольте мне сделать заявление, к которому я вынужден довольно странным поступком одной маленькой издательской фирмы.

В текущем 1887 году, по весне, книгопродавческая фирма М. О. Вольф выпустила книжку моих «Рассказов кстати». Это были фельетонные рассказы, написанные а priori, по поводу того или другого из современных происшествий. Потому они и названы «Рассказы кстати». Цена их 2 руб. 50 коп.

Ныне же фирма Вольф прислала мне книжку, вышедшую на сих днях в Москве, под тем же самым моим заглавием: «Рассказы кстати», с ценою 1 руб. 25 коп. Кто автор названных московских рассказов, — я не знаю, а издателем ее обозначена фирма «Сверчок».

В интересах моего издателя я нахожу вынужденным заявить, что московские «Рассказы кстати» писаны не мною и что на эксплуатацию заглавия, под которым мои рассказы были писаны и потом отдельно изданы, — у меня никто согласия не спрашивал.

*Николай Лесков.
12 октября 1887 г.
Петербург.*

<Письмо в редакцию «Нового времени»>

Усвоение московской книжке тождественного названия с моею книжкою, изданною в Петербурге Вольфом, было неприятно не мне, а моему издателю. Я был того мнения, что всякий протест в этом случае бесполезен, так как лицо, о котором приходилось упоминать, очевидно держится того взгляда, что в издательстве можно считать позволительным и пристойным все, что не наказуемо по закону. Нынешнее письмо московских издателей должно убедить людей, ранее не согласных со мною, что мои соображения были верны.

Свое вынужденное и очень краткое заявление я ограничил тем, что тождественность заглавия назвал явлением «странным», а о самых московских рассказах сказал только, что «они писаны не мною» и что о присвоении им заглавия моей книжки «меня никто не спрашивал».

Мне кажется, что все это правда и что в словах моих нет никакого принижения чести вовсе неизвестной мне московской фирмы.

Все остальное в письме этих господ можно оставить без дальнейшего слова.

Николай Лесков.

<1887>

Товарищеский подарок (Письмо в редакцию)

В «Новом времени», 2-го октября, напечатана заметка г. Петербуржца о юбилейных подарках писателям, и при этом сделано указание на вышедшую на сих днях из печати «Библиографию» моих литературных работ с 1860 по 1887 год. Г-н Петербуржец находит, что такие библиографии были бы уместны во всех тех случаях, когда собираются чествовать заслуги писателя, но у нас об этом «должен похлопотать сам юбиляр, как похлопотал, например, г. Лесков». Приблизительно в этом же роде 1 октября по поводу моей «Библиографии» высказался г. Фаресов в газете «День».

Я очень признателен г. Петербуржцу и г. Фаресову за их внимание к моей «Библиографии», но прошу у вас позволения сделать к этим известиям поправку, которая имеет свое значение в возбужденных теперь разговорах о «литературных юбилеях и подарках».

Я не желал бы, чтобы кто-нибудь подумал, что «Библиография» моих сочинений есть подготовка к празднованию моего юбилея. Двадцатипятилетие моей литературной деятельности уже прошло. Два года тому назад некоторые из небольшого числа моих литературных друзей желали чем-то ознаменовать этот день, и об этом тогда проскользнуло известие в «Еженедельном обозрении». Я тотчас же отклонил эту затею и напечатал о том заявление. Друзья мои смиростивились и оставили меня в покое. С тех пор никаких сборов к празднованию моего юбилея не было, нет теперь и не должно быть вперед, так как я считаю это для себя неудобным, незаслуженным, ненужным и ни под каким предлогом ничего подобного никогда не приму. Но и о «Библиографии» своей я тоже не «хлопотал». Она появилась совсем иначе: *без моего участия*. И деятели и свидетели этого происшествия все налицо и все известны в литературном круге.

Насчет своих литературных работ я всегда был так же беспечен, как и другие, и когда, по весне 1888 года, возникла мысль об издании собрания моих сочинений, то я увидел себя в крайнем затруднении: как обозреть свои собственные работы и как сделать из них соответственный выбор? Тогда молодые писатели Ф. Ф. Александров, В. И. Бибиков и И. И. Ясинский посоветовали мне обратиться к П. В. Быкову, у которого будто бы отмечены все мои работы. Я был этим удивлен, но обратился к г. Быкову, *который пожелал мне сделать литературный товарищеский дар*— он сам безвозмездно составил и прислал мне «Библиографию» моих сочинений — дар, глубоко меня тронувший и чрезвычайно мне приятный и полезный.

Таково происхождение моей «Библиографии», о которой я нимало не «хлопотал», а которая досталась мне как *литературный подарок* от товарища, сумевшего сделать для собрата самый дорогой и приснопамятный подарок. Я эту «Библиографию» напечатал на память себе, для раздачи друзьям, и пустил несколько экземпляров в продажу для тех немногих людей в публике, которых это может заинтересовать.

Во всем этом достоин внимания и воспоминания, а может быть достоин и подражания, пример П. В. Быкова, благодаря которому я имею «Библиографию» моих работ. Дар этот сделан мне этим литератором по одной только литературной дружбе, и тем он мне бесконечно дорог.

Пользуюсь этим случаем, чтобы гласно выразить П. В. Быкову мою искреннюю благодарность за его настоящий литераторский дар товарищу.

Николай Лесков.

<1888>

О повести «Зенон-златокузнец» (Письмо в редакцию)

Некоторые грустные и для меня, как для писателя, весьма многозначащие обстоятельства побуждают меня просить редакцию «Русских ведомостей» напечатать от меня нижеследующие строки.

В августе 1888 года в петербургских газетах было помещено известие, что я написал повесть из первых веков христианства, под заглавием «Зенон-златокузнец». Потом вскоре же среди разных других литературных новостей было упомянуто, что повесть «Зенон» приобретена редакцией журнала «Русская мысль», который издается в Москве, и что повесть эта будет напечатана в осенних книжках этого журнала.

Все три известия были верны, но одно из них – именно последнее – осталось невыполненным, и это подало повод к таким рассказам и толкованиям, которых я не могу оставить без разъяснения.

В кружках литературных и среди читателей, интересующихся тем, что нового является в литературе, быстро распространились и упорно держатся два крайне неприятные мне известия. Говорят, будто в повести «Зенон-златокузнец» под вымышленным именем представлено мною одно недавно умершее лицо русского происхождения, жившее и действовавшее в Москве, и будто это повело к затруднениям, расстроившим мои отношения с редакторами журнала «Русская мысль», почему повесть «Зенон» и не напечатана в этом журнале.

Оба эти сведения совершенно ложны: никакого охлаждения или разрыва в отношениях моих с редакцией «Русской мысли» не происходило. Отношения наши нынче так же дружественны, как они были до сих пор и каковыми я желаю сохранить их навсегда. Во всей повести «Зенон-златокузнец» нет ни малейшего намека на какое бы то ни было известное «русское лицо», и никто не может указать ни в одном из лиц повести даже случайного сходства в указанном роде. Повесть «Зенон» относится к III веку христианства в Египте. Она, если можно так выразиться, есть повесть обстановочная. Тема для нее взята из апокрифического сказания, давно признанного *баснословным*, а историческая и обстановочная ее стороны обработаны по Эберсу и Масперо и по другим египтологам. Ничего представляющего какие бы то ни было современные происшествия в России, в Европе или вообще на всем белом свете, – в повести моей нет. Повесть просто представляет интересное старинное происшествие. Герой повести «Зенон» – художник из Александрии, а героиня Нефорис – богатая вдова из Антиохии, влюбленная в Зенона и обращаемая им в христианство. Все событие происходит в конце III или начале IV века в самом городе Александрии и частью на утесе Адер около одного из гирл реки Нила. Никаким сопоставлениям с русскими нравами и положениями там нет и места – в чем я и свидетельствуюсь редакцией «Русской мысли», которой хорошо известно содержание повести «Зенон-златокузнец». Лучшим же подтверждением моих слов может послужить немецкий перевод «Зенона», который сделан с корректурных листов и появится в немецком журнале.

*Николай Лесков.
С.-Петербург,
10 января 1889 г.*

Об иродовой темнице (Письмо в редакцию)

Когда я написал у Аксакова «Сказ о тульском левше», в журнальном обозрении «Вестника Европы» было замечено, что сюжет этой легенды будто бы «давно известен» г. обозревателю. Я тогда же должен был признаться, что сюжет этот не мог быть никому известен, так как никакой легенды о «тульском левше» нет, а сюжет этот *я сам сочинил* и г. обозревателю до напечатания о нем не рассказывал. «Новое время» дало мне возможность это напечатать, и таким образом я тогда же очистил себя от греха, что ввел г. рецензента в заблуждение. Теперь со мной другой случай в подобном же роде, и я опять прошу позволения поправить ошибку другого критика.

В «Русской мысли» в ноябре напечатан мой рассказ «Аскалонский злодей» – сирийское происшествие в Иродовой тюрьме, современное императору Юстиниану и императрице Феодоре. В этом рассказе, между прочим, я изобразил «Иродову темницу». Критик газеты «Новостей» А. М. Скабичевский порицает мой рассказ и ставит мне в укор, что мною *выдуманно* изображение темницы. О достоинствах или недостатках «Аскалонского злодея», разумеется, не мне судить, но о *выдумке* я позволю себе признаться достопочтенному критику, что мне совсем не нужно было *выдумывать* изображение старинной Иродовой темницы так как оно есть готовое: *я выбрал это описание из древних Прологов*, где таких описаний (по частям) можно встретить во множестве. Многим из посещающих меня моих литературных товарищей давно известны мои разнообразные выборки всего, что может быть пригодно для воспроизведения едва намеченных по источникам картин древнехристианской жизни в Египте, Сирии и Палестине. Знают многие и те именно выборки, которые пригодились мне для «Аскалонского злодея», где Прологовые черты мною только сгруппированы, а не выдуманы. Одну из Иродовых темниц, как известно, описали гораздо ранее меня Флобер («Иродиада») и пастор Берсье («Придворный проповедник»). Материалы этих почтенных лиц мне неизвестны, а мои материалы я указываю: они в Прологе и Четиих Минеях, где их может найти всякий, кто захочет над этим потрудиться хоть столько, сколько я трудился, составив целое обозрение «Женских характеров по Прологу», которое не знаю когда увидит свет. И кто с этим делом сколько-нибудь знаком, тот в моих описаниях сирийской темницы выдуманности не находит, а находит, наоборот, *верное* изображение. В этом удостоверяют, во-первых, «Русские ведомости», к редакции которых близок самый лучший знаток жизни древнего христианского Востока, а во-вторых, «Киевлянин» (№ 271), где в отчете об «Аскалонском злодее» читаем такой отзыв: «Вот несколько строк мастерского описания древних тюрем, *какие еще и ныне встречаются на Востоке*, да и в Европе едва ли давно отошли от сирийских преданий». Если А. М. Скабичевский дорожит справедливостью, которая несколько уместна даже и в критике, то пусть он не утверждает, что я *выдумал* то, что я, признаюсь ему просто, *выписал*. Против него за меня есть два свидетеля, которым, кажется, дело ближе его знакомо А впрочем – как ему угодно.

Николай Лесков.

<1889>

Дружеская просьба (Письмо в редакцию)

Мне стало известно, что друзья мои из литературной и артистической среды положили устроить мне праздник по поводу совершившегося тридцатилетия моих занятий литературою. К этому также присоединяются некоторые знакомые и незнакомые мне лица из общества.

Такое внимание глубоко меня трогает, и я затрудняюсь найти соответствующие слова, в которых мог бы выразить в полноте то, что чувствую; но я болен и не в состоянии вынести никакого продолжительного над собой усилия; а окинуть памятью все, что мне пришлось пережить и перечувствовать в тридцать лет моей литературной жизни, мне не только не легко и не приятно, но это очень тяжело и даже мучительно.

Убедительно прошу всех известных и неизвестных мне друзей моих явить к этому снисхождение и оставить без исполнения вполне неудобную в моем состоянии мысль об устройстве мне юбилейного праздника, так как он был бы для меня величайшей тягостью. С меня слишком довольно радости знать, что обо мне добром вспомянули те люди, с которыми я товарищески жил, и те читатели, у которых я встретил благорасположение и сочувствие. «Сие едино точию со смирением приемлю, благодарю и ничесо же вопреки глаголю». А затем я почитаю мой юбилей совершившимся и чрезвычайно удобно и приятно для меня отпразднованным.

Николай Лесков.
<1890>

Курская трель о Толстом (Письмо в редакцию)

Вчера в одной из столичных газет воспроизведена корреспонденция курского литератора, посетившего Ясную Поляну и описавшего в местном органе свою побывку у Толстого. Описание это воспроизведено без замечаний и поправок, а оно неверно очень во многом, на что я и хочу указать.

1) Сказано, будто кабинет Л. Н. Толстого «напоминает жилище Обломова», – что там книги, онучи и «овсяные грабли». Описание это сделано очень плохо, а сравнение совсем не верно. Для этого только стоит вспомнить подлежащие страницы романа И. А. Гончарова. Кабинет этот лучше описан у Гр. П. Данилевского, хотя тоже неверно.

2) Сказано, будто Л. Н. пьет «густой кофе» с «замечательными по густоте и достоинству сливками», а он на самом деле пьет самый простой *зерновой кофе* с такими сливками, какие есть на столе для всех.

3) Упомянуто про «учеников», но никаких «учеников» при Льве Николаевиче нет, а бывают у него его друзья и почитатели, но не «ученики» в том смысле, как хочет их представить курский литератор.

4) Старшие дочери Льва Николаевича, которые наичаще при нем находятся, названы «Надежда» и «Любовь», а имена их совсем иные, и нельзя не удивляться: где были уши курского писателя, когда он ел к пил за столом, у которого молодые графини наливают чай или исполняют другие обязанности хозяйек, причем всем или некоторым приходится называть их по именам, но не «Надеждою» и не «Любовью»...

Посещая такого человека, как Л. Н. Толстой, и еще с намерением описать всех, с кем садился за его хлеб за соль, – надо же было по крайней мере позаботиться хоть о том, чтобы верно назвать по имени упоминаемых в описании людей; но курский писатель и об этом не позаботился, а сделал в этом роде такое же смешение, как знаменитый ходок из московского «Курьера» г. Штейнгель.

5) Г-н Штейнгель написал, что он застал у Льва Николаевича распорядителя фирмы «Посредник» Павла Ивановича *Гайдукова*. Я тогда указал г. Штейнгелю в «Новом времени», что фамилия упомянутого человека *не* Гайдуков, а иначе, и после в шутку называл его «*Не-Гайдуковым*», но курский корреспондент, бог его знает на каком основании, (желает?), чтобы Павел Иванович *Не-Гайдуков* непременно назывался *Гайдуковым*!.. Так на этом и стоит, что тот непременно должен быть «Гайдуковым»...

Вместе и озорство и неряшество! Напутал, наболтал и сунул в свой орган, и там печатают, а другие оттуда черпают эту болтушку и разносят ее по свету.

А кажется, как бы не понять, какого доверия стоит этот соловей, у которого в короткой песни да столько фальшивых трелей!..

Николай Лесков.

<1891>

Письма

Письма 1859 года

Ф. В. ЧИЖОВУ

10 декабря 1859 г., с. Райское

Милостивый государь

Федор Васильевич!

Многих людей с небольшими капиталами весьма интересует судьба предпринятого освещения переносным газом в Москве. Я знаю, что Вы принимали, вероятно, как редактор местного промышленного органа, участие в представлении этого дела на видимость публики, и потому считаю извинительным обратиться к Вам с просьбою известить меня, составлено ли уже это общество или нет, сколько паев еще остается свободными и какие для этого общества предполагаются организация, администрация и контроль?

Может быть, вопрос мой слишком смешон в настоящее время, но я прошу Вас извинить его, потому что Вашего журнала я, к крайнему сожалению, не встречаю в здешних местах, а другие периодические издания, кроме «Русской газеты», очень мало уделили места этому делу.

Кстати, о Вашем журнале. Здесь его почти нельзя встретить, а по духу здешнего общества, я думаю, он мог бы иметь здесь большое число подписчиков, что отчасти доказывается количеством получаемого здешнею почтовою конторою «Экономического указателя» Ивана Вас<ильевича> Вернадского. Имея некоторое значение в нашем промышленном кругу, я надеюсь в некоторой же степени содействовать распространению Вашего журнала в Пенз<енской> и Саратовской губерниях и потому прошу Вас сообщить мне программу этого издания и несколько прошлых годов №№, хотя, например, тех, где помещено дело о переносном газовом освещении, которое интересует здешнюю публику. Сочувствие мое к «Промышленному указателю» основывается на убеждении в настоятельной надобности такого журнала, когда мелкие капиталисты не знают, за что взяться, и пускаются в операции самые нелепые и когда предстоящее получение ходовых кредитных бумаг нашими помещиками за выделяемую крестьянам землю обещает увеличить семью вопрошателей: что делать с собою и своим капиталцем?

При этом позвольте напомнить Вам, что мы с Вами немного знакомы по встречам у С. Пет. Альферьева и покойного Игнатия Фед. Якубовского, с которыми я жил вместе в Киеве, и что это дает мне право, не ради одной формы, выразить Вам совершенное мое почтение.

Ваш покорный слуга

Николай Лесков.

Адрес мой: Николаю Семеновичу Лескову.

В гор. Пензу. Удержать до востребования.

Письма 1863 года

М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
29 апреля 1863 г., Петербург

Милостивый государь

Михаил Михайлович!

Не смея сомневаться в Вашем внимании к данному слову, я полагаю, что Вы, вероятно, утратили мой адрес и сожалеете, что я до сих пор не получил от Вас ответа. — Я живу в доме Максимовича, на Нев<ском> пр<оспекте> кварт<ира> № 89, и ожидаю или возвращения мне рукописи, или уведомления, что она принята.

С должным уважением имею честь оставаться

Н. Лесков.

А. А. КРАЕВСКОМУ
22 мая 1863 г., Петербург

Милостивый государь

Андрей Александрович!

12-й день, как вышла книжка «Отеч<ественных> зап<исок>», в которой напечатан мой рассказ «Овцебык». В течение этих 12 дней я был четыре раза у г. Кожанчикова и видел там очень невежливого господина Свириденко. Невежа Свириденко не дает мне ответа, почему Вы до сих пор не платите денег нуждающимся в них сотрудникам, и денег мне не дает. К Вам я идти не хочу, потому что Вы имеете очень неприятную манеру держать по полчаса в Вашей зале, которая для меня не представляет никакого интереса, и я более люблю залы министра Головнина, где ожидают не более 5 минут и в том выслушивают извинения. Я пошел к Дудышкину, как к человеку, в котором скорее, чем в Вас можно дощупаться до мягких сторон (я не говорю — до мягких частей). Дудышкина нет в городе, а то он, вероятно, избавил бы меня от неприятной необходимости писать к Вам.

Пришлите мне, Андрей Александрович, деньги сегодня или завтра, то есть в четверг, по нижеписанному адресу. Я ни к Вам, ни к Кожанчикову не пойду — это мне претит. Но если Вы мне не пришлете счета и денег, то я Вам не забуду завтра сообщить, как я разделяюсь с теми, которые меня донимают до зла горя.

Мы ведь с Вами встречаемся в различных местах, с Невского до Географического общества. Я Вас завтра заставлю провести пренеприятную минуту в Вашей почтенной жизни. Мне ведь терять меньше Вашего, а я потружусь для других.

Я через Вас не исполнил моего слова перед бедным человеком, но уж на Вас зато сдержу мое слово.

24 часа перед Вами.

Николай Лесков.

Владимирская, № 3—23

Мая 22, 1863 г., среда, С.-П — бург.

Письма 1864 года

Н. Н. СТРАХОВУ
7 декабря 1864 г., Киев

Милостивый государь

Николай Николаевич!

Д. В. Аверкиев и покойный А. А. Григорьев как-то говаривали мне, чтобы я дал редакции «Эпохи» какую-нибудь свою беллетристическую работу. Имея нынче готовый очерк «Леди Макбет нашего уезда», я посылаю его особой посылкой в редакцию, но на Ваше же имя, и прошу Вас о внимании к этой небольшой работке. «Леди Макбет нашего уезда» составляет 1-й № серии очерков исключительно одних типических женских характеров нашей (окской и частью волжской) местности. Всех таких очерков я предполагаю написать двенадцать, каждый в объеме от одного до двух листов, восемь из народного и купеческого быта и четыре из дворянского. За «Леди Макбет» (купеческого) идет «Грациэлла» (дворянка), потом «Майорша Поливодова» (старосветская помещица), потом «Февронья Роховна» (крестьянская раскольница) и «Бабушка Блошка» (повитуха). Далее пересчитывать не буду, тем более что они еще не отделаны; но те, которые я назвал Вам, могут идти друг за другом, по одному в месяц, и должны, по моему расчету, все выйти к следующей зиме особым изданием. В «Библиотеку» я этих очерков не продаю, потому что там, вероятно, пойдет другая, большая моя работа, которую я кончаю и надеюсь привезти с собою; а из двух других петербургских редакций, с которыми могу иметь дело, предпочитаю Вашу. Следовательно, если бы Федор Михайлович, прочтя посылаемую на Ваше имя «Леди Макбет», нашел ее удобною для своего издания, то печатайте ее и считайте все остальные очерки, назначаемые в эту серию, принадлежащими преимущественно «Эпохе» (конечно, по ее выбору). Условия мои таковы: за лист мне дайте 65 рублей (как я получал) и каждого очерка по сто сброшюрованных оттисков.

Если работа моя понравится и условия для «Эпохи» удобны, то потрудитесь известить меня об этом, адресуя: «Никол. Семен. Лескову, в Киев, в университет св. Владимира». Если же очерк окажется неудобным к помещению, то потрудитесь возвратить его Николаю Николаевичу Воскобойникову.

Беспокоя Вас моею просьбою, я рассчитываю на Вашу известную снисходительность и прошу Вас принять уверения в моем совершенном почтении.

Николай Лесков.

Письма 1865 года

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ <Январь 1865 г., Петербург.>

А. С. Ушаков просил меня взять у Вас начало какой-то его повести, конец которой находится в «Библиотеке» для чтения», и еще передать Вам, что он хлопочет по какому-то Вашему поручению и будет скоро Вам писать.

Потом, Федор Михайлович, я очень нуждаюсь в деньгах и очень нуждаюсь получить мой гонорарий по работе, помещенной в первой книге «Эпохи», Сделайте милость, не откажите мне в этом, равно как и в оттисках, которых я не могу никак выпросить.

С должным уважением имею честь быть покорнейшим слугою

Н. Лесков.

Н. Н. СТРАХОВУ 6 марта 1865 г., Петербург

Милостивый государь
Николай Николаевич!

Если Федор Михайлович передал Вам следующий мне гонорарий, то потрудитесь уведомить меня, когда я могу явиться к Вам, не отвлекая Вас напрасно от дела; а если эти деньги и оттиски очерка Вам еще не доставлены, то не оставьте меня своим вниманием и похлопочите обо мне, ибо «в дороге я весьма поиздержался».

У меня есть повесть, почти роман, вовсе не тенденциозный и совсем отделанный отчетливо, – называется «Всяк своему нраву работает». Не найдете ли удобным поговорить о нем? «Библиотека» мне много должна, и я не прочь бы продать повесть «Эпохе» или «Отечественным» запискам».

Усердно прошу Вас почтить меня коротеньким ответом и принять уверение в моем глубочайшем почтении.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Н. Н. СТРАХОВУ <Март – апрель 1865 г., Петербург.>

Милостивый государь
Николай Николаевич!

До последней степени затруднительное мое положение обрывает мое до последней степени продолжительное терпение, и я усердно прошу Вас, Николай Николаевич, вступить в мое спасение. Если уж нет возможности дать мне 150 р. деньгами, пусть хоть дадут вексель, под который я могу найти отсрочку у своих кредиторов, которые приступают ко мне вовсе не так, как я к «Эпохе», и которым я не умею отвечать так, как Федор Михайлович отвечает мне.

Будьте добры, Николай Николаевич! – Вы сами человек рабочий и можете войти в мое положение. – Вот перед Вами Бенни, который может рассказать, как ко мне приступают.
Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ
3 июля <1865 г.>, с. Подберезье Новгородской губернии

Милостивый государь
Федор Михайлович!

Я буду в Петербурге около 15 июля и позволяю себе припомнить Вам, что к этому времени Вы изволили обещать покончить счет.
Ваш покорнейший слуга

Н. Лесков.

Письма 1866 года

С. С. ДУДЫШКИНУ
10 сентября 1866 г., Петербург

Милостивый государь

Степан Семенович!

Известие о постановке нынешнею зимою на московской сцене Корнеля и Расина заставило меня сделать приписку по выноске из 3-й гранки. Степанов, вероятно, полезет с этим к Андрею Алекс<андровичу>, «чего терпеть я не люблю», и посылаю эту приписку со всею корректурою Вам, прося Вас сделать Вашу редакторскую помету и возвратить мне точно так же через почту; а я ее отнесу в типографию.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

С. С. ДУДЫШКИНУ
13 сентября 1866 г., Петербург

Многоуважаемый Степан Семенович!

Я еще третьего дня, разговаривая с Ефимом Федоровичем, выражал сомнение, возможны ли в «Отеч<ественных> зап<исках>» сколько-нибудь горячие статьи о театре, и оба мы, соображая положение Краевского и его характер, находил, что такие статьи у него невозможны. Конечно, надо это бросить, то есть эту напечатать, как возможно, а далее не писать.

Другую просьбу к Вам имею: как и что решили Вы с моей большою статьею о «Вопросах молодого поколения»? Навсегда ли она признана негодной, или для нее настанет время, и мне о ней не нужно беспокоиться? Беспокойство же мое Вы не осудите, если примете в соображение, что статья эта стоила мне полутора месяца самого пристального труда. Ради бога, не подумайте, что я на что-нибудь жалуюсь этими словами, а примите их, как они сказаны: просто за желание разъяснить дело, имеющее для меня весьма осязательный интерес. Я давно ждал, что Вы мне что-нибудь скажете о ней, и сам не напоминал Вам, а теперь, кажется, такое время, что она могла бы выйти (конечно, с изменениями), и я прошу Вас сказать мне слово о судьбе, которую Вы ей предназначали.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

А. А. КРАЕВСКОМУ
<Сентябрь – октябрь 1866 г.>
Вторник, вечером

Милостивый государь

Андрей Александрович.

Я исправил и по мере возможности дополнил театральную статью, имея в виду Ваши соображения, переданные мне Ефимом Федоровичем. Просмотрите и прикажите еще раз

принести ко мне. Я сомневаюсь, верно ли будут набраны все мои поправки. Не печатать ли повесть более 3-х листов? Она очень трудно делится.

Будьте так снисходительны, прикажите мне дать один оттиск повести по мере ее выхода. Это «не про господ, а про свой расход».

С должным уважением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Н. Лесков.

Усердно прошу Вас (и сам на это осмеливаюсь) в объявлении при следующей книжке не печатать «большое бел<летристическое> произведение», а объявить прямо, как мы с Еф. Фед. решили: «Романическая хроника» – «Чающие движения воды», ибо это будет хроника, а не роман. Так она была задумана, и так она и растет по милости божией. Вещь у нас мало привычная, но зато поучимся. Степан Семенович знал это, и Вы об этом можете спросить Зарина.

Письма 1867 года

Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ
20 мая 1867 г., Петербург

Ваше превосходительство

Егор Петрович!

Этим письмом я обращаюсь в Литературный фонд с просьбою, для рассуждения о которой гг. членам фонда нужно иметь более или менее подробные сведения; а потому я начну с изложения их и прошу Вас выслушать меня. Я, нижеподписавшийся, Николай Лесков, известен в русской литературе под взятым мною псевдонимом «М. Стебницкий». Существу я исключительно одними трудами литературными. Начал я мои работы назад тому шесть лет в закрытых ныне «Экономическом указателе» и «Экономисте» профессора Вернадского, где напечатан ряд моих экономических статей. Затем я писал критические и экономические статьи в «Отечественных записках». Статьи эти частью подписаны моим полным именем «Н. Лесков», частью же буквами «Н. Л.», и, наконец, есть статьи так называемые редакционные, вовсе не подписанные. Год целый работал я в газете «Русская речь» Евгении Тур; писал в «Современной летописи» Каткова; потом два года кряду, во время так называемого нигилизма, писал передовые статьи в «Северной пчеле» у г. Усова. Год провел в Париже корреспондентом этой газеты. Потом, оставив публицистику, взялся за беллетристические работы, под псевдонимом «М. Стебницкий». В беллетристическом роде мною написано несколько мелких рассказов по разным изданиям; а также более крупные очерки «Овцебык» (напечатан в «Отечественных записках»), «Леди Макбет Мценского уезда» («Эпоха»), «Русское общество в Париже» («Библиотека для чтения»), «Язвительный» («Якорь»), «История одного умопомешательства» и «Воительница» («Отечественные записки»), народная повесть «Житие одной бабы» («Библиотека для чтения»), роман «Некуда» («Библиотека для чтения») и два отдельные издания, роман «Обойденные» («Отечественные записки» и отдельное издание), повесть «Островитяне» («Отечественные записки» и отдельное издание). Наконец, в марте этого года я начал печатать в «Отечественных записках» романическую хронику «Чающие движения воды». Продолжение этого романа встретило препятствия, которых я не имею оснований скрывать от Литературного фонда, ибо с этим делом связана самая моя просьба.

Хроника «Чающие движения воды» мной была запродана в «Отечественные записки» в июле месяце прошлого, 1866 года, когда у меня была готова только одна первая часть. Продана она была покойному редактору «Отечественных записок» Степану Семеновичу Дудышкину по восьмидесяти рублей серебром за печатный лист. Словесными условиями между нами было положено, что редакция «Отечественных записок», пока я кончу роман, будет давать мне до нового года по 125 руб. в месяц, с тем что забранные мною деньги будут потом удержаны из моего гонорария. С. С. Дудышкин, как вам известно, в августе месяце прошлого года скончался. Внезапная кончина этого человека поставила меня в самые крайние затруднения, ибо я ничем никогда не договаривался с г. Краевским. В это время редактор «Всемирного труда» доктор Хан обратился ко мне с просьбою о сотрудничестве в открываемом тогда им журнале. Я благодарил доктора Хана за его внимание и отвечал ему, что моя работа и мое время принадлежат уже другому изданию. Затем мы с г. Краевским не умели поразуметься. Доктор Хан, известясь об этом по литературным слухам, прислал ко мне товарища моего Всеволода Крестовского и литератора Н. И. Соловьева с предложением внести за меня г. Краевскому весь мой долг и заплатить мне за роман «Чающие движения воды»

по 150 руб. за лист. Не соблазняясь ни на минуту выгодным для меня предложением, я не дал своего согласия доктору Хану, а написал об этом г. Краевскому, предоставляя это дело его великодушию. Г-н Краевский, сообразив сделанное мне предложение доктором Ханом, известил меня через товарища моего литератора Е. Ф. Зарина, что он предлагает мне за роман по сто рублей за лист. Как это ни было невыгодно для меня потерять по 50 р. на сорокалистном романе, но я отклонил предложение доктора Хана и продолжал роман для г. Краевского. В декабре 1866 года мы положили начать мой роман не с января, а с марта, так как я его еще не совсем окончил, а в руках редакции был роман г-жи Вельтман. В марте начали печатать мою хронику. Первые два куса первой части прошли благополучно. В третьем отрывке вдруг оказались сокращения, весьма невыгодные для достоинства романа. Мне, как и всем другим ближайшим сотрудникам журнала, было известно, кто сделал эти сокращения: их, келейным образом, производит в «Отечественных записках» один цензор и одно лицо Главного управления по делам печати. Этих чиновников г. Краевский уполномочил и просил поддерживать неофициальным образом его бесцензурный журнал от опасных, по его мнению, увлечений его сотрудников, и оба эти чиновника г. Краевскому не отказали в его просьбе. Все предназначенное к печатанию в «Отечественных записках» посылается по заведенному ныне в этой редакции порядку на их предварительный дружеский просмотр, и они в две руки делают произвольные и самые бесцеремонные сокращения, точно так же, как это бывало в доброе старое время при предварительной цензуре. В числе этих сокращений бывают такие, которые, не могут не приводить в ужас благонамеренного русского человека: таковы, например, известные нам, сотрудникам, сокращения замечательных статей о Прибалтийском крае. Это поистине сокращения такого обидного свойства, что никто бы не поверил, что их сделал русский человек; их мог сделать только заклятый враг русских интересов в Остзейском крае, барон-сепаратист или его форвальтер. Но, однако, их делали не остзейские бароны.

Упоминаю о сокращениях, которые претерпела названная мною статья, не без цели. Они показали мне, что может случиться со всякой печатной вещью, которые прежде своего появления в нынешних «Отечественных записках» должны пройти через незримую, бесконтрольную предварительную цензуру упрощенных г. Краевским цензоров. Я сообщил г. Краевскому, что роман «Чающие движения воды» есть роман, задуманный по такому щекотливому плану, что с исполнением его нужно обходиться очень осторожно; что я имею в виду выставить нынешние типы и нынешние положения людей, «чающих движения» легального, мирного, тихого; но не желаю быть, не могу быть и не буду апологетом тех лиц и тех принципов и направлений, интересы которых дороги и милы секретным цензорам бесцензурного издания г. Краевского. Я написал ему (и мои товарищи и литературные друзья знают это), что я не могу стерпеть никаких произвольных сокращений в этом романе и что если сокращения действительно окажутся необходимыми, то я прошу сделать их не иначе, как только с моего согласия, с предоставлением мне возможности по крайней мере залатывать ямы, открываемые негласными цензорами. При этом я добавил твердо и решительно, что если такое мое законное требование не будет удовлетворено, — то вынужден буду прекратить продолжение романа. Г-н Краевский говорил об этом моем требовании литератору Зарину и другим, а характер моих предыдущих отношений к этому редактору не оставлял ему никакого права думать, что я не сдержу данного мною слова. Но, несмотря на все это, в первой же следующей книжке (2-й апрельской), когда эта книжка уже была отпечатана, сброшюрована и послана к одному из негласных цензоров, удерживающих бесцензурный журнал г. Краевского от увлечений, мой роман подвергся еще большим помаркам. В силу этих помарок одно из лиц романа (протоиерей Савелий, в особе которого, по моему плану, должна была высказаться «чающая движения» партия честного духовенства) вышло изуродованным. Об этих сокращениях мне не дали знать, как я просил. Напротив, их от меня скрыли и начали перепечатывать и подверстывать книжку. Узнав об этом случайно, я простер мою просьбу о том,

чтобы роман с сделанными сокращениями не печатали, а позволили бы мне объясниться с цензуровавшим его негласным цензором, которого я надеялся разубедить в его опасениях за мое легкомыслие и вольнодумство. Не знаю и не ручаюсь, удалось ли бы мне достичь этого, но я надеялся, ибо и опытность и здравый смысл ручались, что вымаранные места совершенно позволительны. Но мне измаранной книжки не дали и объявили, что сокращения будут сделаны, ибо уже таков в «Отечествен<ных> записках» порядок, и номер выйдет. Мне оставалось одно средство защищаться – заявить в какой-нибудь газете, что роман выходит не в том виде, в каком он сделан для печати, и что он вдобавок выходит в свет почти насильно, против моего желания. Я не хотел сделать такого литературного скандала г. Краевскому, ибо, вследствие некоторых особенностей нрава и обычаев этого почтенного редактора, такие скандалы для него уже не редкость; а для публики они только открывают язвы нашей и без того много раз компрометированной литературной семьи. Я ограничился одним исполнением моего обещания г. Краевскому, то есть не дал более присланному им человеку оригинала, и рукопись романа остается у меня, пока я оправлюсь, обдумаюсь и найдусь, что мне можно с ней сделать, после начала романа в «Отеч<ественных> записках».

Возвращаюсь теперь назад к моей литературной деятельности.

По массе произведенных мною литературных работ, об объеме которых Литературному фонду нетрудно будет собрать сведения, Ваше превосходительство и члены Фонда, вероятно, изволите прийти к заключению, что я не гулял, а трудился, и трудился прилежно. Получал я гонорарий довольно хороший и, следовательно, мог бы перенести нынешнюю беду мою. Но на мою долю, по несчастью, выпали самые странные и несчастливые случайности. Газета «Северная пчела» недодала мне 800 руб., мною заработанных; журнал «Эпоха», удовлетворив почти всех своих сотрудников, остался мне должен 150 р., «Библиотека для чтения» закрылась, оставшись мне должною 4950 рублей, и все это раз за разом, одно за другим. Долг на «Северной пчеле» я считаю безнадежным и не ищу его на г. Усове, в добросовестность которого глубоко верю, г. Достоевский и г. Боборыкин мне выдали векселя, срок которым давно минул. Векселя своего на г. Достоевского я не представляю, потому что литератор этот нынче, как говорят, сам в затруднительных обстоятельствах; а долг свой с г. Боборыкина я получу только осенью этого года, когда имение его по претензии гг. Печатиных будет продано с аукционного торга. До тех же пор, пока последует это несомненное, но отдаленное получение, мне буквально нечего есть; у меня нет средств работать новой работы, которая бы меня выручала из беды, в которую меня поставил г. Краевский; мне нечем заплатить полутора ста руб. за дочь мою, обучающуюся в пансионе Криницкой, и я не могу отдать 200 руб. долгу г. Краевскому, – что меня стесняет до последней степени.

Утомленный тяжкою работою по сочинению ныне погибшего романа, я тотчас же по его прекращении не дал себе ни минуты отдыха и сел за окончание два года назад начатой драмы «Расточитель». Три акта этой пьесы готовы, – два остальные я надеюсь дописать к будущему сезону; в покупке на нее в журнал не сомневаюсь, в допущении на сцену тоже; но угрожающая привычка питаться, от которой до сих пор меня не отучила жизнь русского литератора, заставляет меня, отложив листы сочиняемой драмы, писать на этом листе к Вашему превосходительству это письмо с просьбою помочь мне. Я прошу Литературный фонд обеспечить мне пять месяцев жизни, ссудив меня пятьюстами руб. серебром, которые обязываюсь заплатить к новому году с десятью процентами в пользу сумм Фонда. Средства для отдачи этого долга я имею: эти средства – моя драма и получение долга с боборыкинского имения, назначенного в продажу; средства же не умереть с голода и продолжать работу без такого пособия Фонда решительно не вижу.

Ваше превосходительство будете бесконечно милостивы, если предложите мою просьбу членам Фонда в одном из ближайших заседаний и изволите распорядиться почтить меня уведомлением о резолюции, какой она удостоится.

С высоким уважением к Вам имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

Николай Лесков
(М. Стебницкий).

Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ
26 мая 1867 г., Петербург

Ваше превосходительство
Егор Петрович!

П. В. Анненков известил меня, что просьба моя о заимообразной ссуде из Литературного фонда удовлетворена не будет; но что комитет поручил г. Гаевскому посетить меня и осведомиться о моем положении, дабы потом подать мне некоторое безвозвратное вспоможение.

Не имея способности принимать от кого бы то ни было безвозвратных пособий, я тем более далек от желания получить их от членов русского литературного общества, которое отозвалось, что оно меня не знает и в кредите мне отказывает. Прошу Ваше превосходительство передать г. Гаевскому мою просьбу, чтобы он не утруждал себя посещением, которого я не приму; а просьбу мою о ссуде считать не требующею никаких последствий.

Я уверен, что Вы не изволите встретить препятствий к тому, чтобы о ходатайстве моем в отчетах Фонда не упоминалось даже намеком, и прошу Вас принять засвидетельствование моего отличного к вам почтения.

Н. Лесков
(М. Стебницкий).

Письма 1868 года

Н. Н. СТРАХОВУ
4 апреля 1868 г., Петербург

Уважаемый Николай Николаевич!

Я слышал, что Вы работаете в «Журнале министерств<ва> нар<одного> просв<ещени-
я>» – мне же совсем негде работать; а пока что путное напишется, нужно выполнять все три
ненавистные привычки, то есть «буар, манже и сортир». – Если бы можно было, не похло-
почете ли, ради сохранения меня от голода, присовокупить мне какую-нибудь работку?

Обращаюсь к Вам так бесправно и бесцеремонно, потому что знаю, что Вы не исклю-
чаете уместности пособлять собрату подобною услугою. Ведь просто приткнуться некуда
тому, кто написал «Некуда».

Отпишите мне, будьте ласковы, что Вы об этом думаете? Я знаю, что Вы сделаете для
меня, если пожелаете, и вопрос, стало быть, только в том: сможете ли что-нибудь сделать? –
А потому я и не обижусь Вашим отказом.

Почитающий Вас

Лесков.

М. А. МАРКОВИЧ
9 апреля 1868 г., Петербург

Милостивая государыня

Мария Александровна!

Назад тому около четырех лет П. С. Усов, оставшись мне должным за мою работу около
800 руб. (которых я не получил и до сих пор), просил меня принять в часть уплаты его счет
с Вами на 500 р., взятые Вами через Слепцова и Бенни под рассказ «Без рода и пл<еме-
ни>» (которого Вы г. Усову не доставили до самого прекращения им «Сев<ерной> пчелы»).
Я вынужден был принять этот счет и выясняющую его Вашу переписку с г. Усовым. В тече-
ние четырех лет я старался не беспокоить Вас напоминанием об оказании с Вашей стороны
содействия к окончанию этого старого расчета; но теперь я весьма нуждаюсь в деньгах и
имею обязательства, которые не ждут; а Вы, – сколько я могу судить по достойному успеху
Вашего последнего произведения, – вероятно, найдете очень мало затруднений поквитать
хранящуюся у меня Вашу расписку на имя г. Усова.

Прошу Вас, Мария Александровна, почтить меня уведомлением: как Вам угодно будет
окончить это дело? Вы бесконечно обяжете меня, если ответите на этот вопрос с возможной
скоростью.

Ваш покорнейший слуга

Н. Лесков.

Н. А. ЛЮБИМОВУ
25 мая 1868 г, Петербург

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Петр Карлович известил меня, что он передал Вам на Ваш просмотр и заключение мою небольшую рукопись: «Шпион. Эпизод из истории комического времени на Руси». По духу письма Петра Карловича я смею заключить, что вещь эта едва ли удостоится одобрения в «Р<усском> вестнике» (что, конечно, будет мне очень и очень прискорбно, ибо я считаю ее и честной и далеко не безынтересной, а вдобавок ко всему не имею где ее и провести, если мне в этом Вами будет отказано).

Позвольте мне, прежде чем Вы произнесете Ваш отвергающий приговор, обратить Ваше внимание на то: 1) что все написанное в этой рукописи есть факты, за верность которых я отвечаю; 2) что Бенни жил со мною и доверялся мне более чем кому-либо; 3) что из всех деятелей комической революции он самый честный и самый популярный; 4) что бумаги его хранятся; 5) что о «предпринимателях» пишутся беспрестанно повести и рассказы и что «Живая душа» Марка Вовчка еще не последняя из таковых, и 6) что я согласен на всякие ваши редакторские сокращения, поправки и перемены (кроме фактических перемен).

Будьте снисходительны и взвесьте все это, прежде чем напишете свое «неудобно к напечатанию». Я бьюсь из того, чтобы нанести удар «предприятиям» и восстановить доброе имя оклеветанного человека.

Если Вы удостоите меня ответом, я приму его за величайшее с Вашей стороны одолжение.

С почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугою

Н. Лесков.

М. А. МАРКОВИЧ
13 августа 1868 г., Петербург

Милостивая государыня
Мария Александровна!

Благодарю Вас за ответ. Предвидя в этом деле спор, я себя устранию от него и Ваш ответ со всеми счетами и распискою возвращаю г. Усову.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

А. А. ФЕТУ
16 августа 1868 г., Петербург

Милостивый государь
Афанасий Афанасьевич!

С 1869 года в С.-Петербурге будет издаваться журнал «Заря». Издавать и редактировать этот журнал будет Василий Владимирович Кашпирев (родственник покойного С. С. Дудышкина). Труды его по редакторству будут разделять: Н. Н. Страхов, В. П. Ключников и я (Стеб-

ницкий). Журналу будет принадлежать сотрудничество всех лиц, принимавших участие в старых «Отечественных записках», дудышкинского времени.

Принимая близкое и живейшее участие в судьбах нового журнала и очень любя Ваши сельские письма, я имею честь просить Вас не отказать нам в Вашем сотрудничестве. Прошу Вас почтить меня Вашим уведомлением: можем ли мы на Вас рассчитывать и заготовить для нас к ноябрю месяцу первую Вашу корреспонденцию, в которой бы желалось по возможности видеть общий очерк состояния помещичьих и крестьянских хозяйств в настоящее время. Затем следующие пусть имеют характер текущих хроник.

Если же у Вас есть какие-либо готовые для печати поэтические Ваши произведения, то не откажите сообщить и их.

Прошу Вас принять уверение в общем почтении всех нас, желающих Вашего сотрудничества в «Заре».

Ваш покорный слуга

Ник. Лесков.

Письма 1869 года

А. П. МИЛЮКОВУ
4 января 1869 г., Петербург

Милостивый государь
Александр Петрович!

Некоею порою я знал в Петербурге некоего «неразгаданного человека» Артура Бенни. Он убит при Ментане, и его интереснейшая история, мною в свое время писанная, может быть оглашена. Это вещь пряная и забористая и, кажется, очень интересная. Шуму она может возбудить множество. Я ее хотел бы напечатать в газете, но с газетами петербургскими совсем не имею связей. Не хотите ли посмотреть эту вещь? Уведомьте меня, пожалуйста, да уж прибавьте и адрес, где Вас искать; а то я ночью был, да и позабыл. Мне же писать: «В городе, Николаю Семеновичу Лескову, Фурштатская, № 62».

Ваш покорнейший слуга

Н. Лесков.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ
25 января 1869 г., Петербург

Уважаемый Петр Карлович!

Я послал к Вам свой очерк в простом конверте, наклеив, впрочем, большое количество марок. Поступил я таким образом во избежание толкотни на почте, а теперь трушу: дошел до Вас этот конверт? Не откажите мне сказать: получили ли Вы моих «Карликов», и если можно, прибавьте: когда Н. А. Любимов думает их напечатать?

Посылаю Вам свою карточку и надеюсь, что и Вы мне тем же заплатите. «Люди сороковых годов» до сих пор еще не вызвали о себе никаких отзывов. Все подобное, вероятно, еще впереди, когда роман более выяснится. На «Зарю» также никаких нападков нет, ни в обществе, ни в прессе. Критический разбор «Войны и мира», по-моему, чрезвычайно длинен и водянист и вообще изъясняет гораздо менее, чем Ваша сжатая заметка (с которою я не согласен в отношении внешности издания). Вас побранивают за сочувственный отзыв к книгам Кельсиева, и побранивают, конечно, совершенно неосновательно. Я нашел Ваш отзыв и прочитал его с большим удовольствием. Кельсиев точно немножко рисуется, но от этого книги его все-таки не утрачивают интереса, а судьба его не теряет права на внимание. Патти слышать невозможно: кресла доходят до 80 р., а по 20 р. платят стоять в проходах. Раек весь абонирован, и «стойка» в оркестре закуплена. Я, однако, с помощью знакомых артистов пробираюсь за кулисы и слушаю в сообществе театральных плотников. Патти, по-моему, несравненно хуже Лукки. Лукка душа и человеческий голос, а Патти – это инструмент, – правда страшный, звучный и прекрасный, но совершенно бездушный. У нее в горле точно серебряные струны, а одухотворения звука – никакого. «Шампанское Патти» гораздо доступнее, чем сама она, и потому оно идет с чрезвычайным успехом. Носятся слухи, что сбежавший редактор Тиблен «был видим» в Нью-Йорке, где он намеревался издать какую-то книгу о России. Редакторам, позволявшим себе полемизировать с «Вестью», на днях сделано внушение, что «такой тон нетерпим». Я это знаю достоверно. Распеканцию производил «наш общий друг», и редактора (не все, но двое) дали слово вперед с «Вестью» не схваты-

ваться. Замечательно, что «Новое время» таким покровительством не пользуется. Дожди и оттепель согнали весь снег, а теперь заморозило, и пути нет ни на санях, ни на колесах.

До свидания! Отпишите мне, пожалуйста, о «Карликах» и пришлите свою карточку.

Мирре Александровне и всему Вашему уважаемому семейству прошу передать мое глубочайшее почтение.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Н. А. ЛЮБИМОВУ
<Январь 1869 г., Петербург.>

Усердно Вас прошу, достоуважаемый Николай Алексеевич, черкнуть мне безотлагательно два слова: идут ли «Божедомы» в феврале? Если нет, то, бога ради, возвратите их мне, – иначе я в ужасном положении. Пожалуйста, напишите скоро. Я расстроен даже до болезни.

Н. Лесков.

Письма 1870 года

А. С. СУВОРИНУ
5 апреля 1870 г., Петербург

Милостивый государь
Алексей Сергеевич!

Так как Вы будете вести завтра по моей просьбе переговоры с г. Стасюлевичем о литературном суде, которого я прошу себе в защиту от тяжкой клеветы, то я нахожу нужным добавить Вам кое-что к тому, что было сказано мною.

1) Скорый отъезд Ваш не помешает быть судьей с моей стороны, потому что срок для суда можно назначить на святой неделе.

2) Если же противная сторона затянет дело, то вместо Вас я изберу Александра Петровича Милюкова.

3) Если противная сторона вовсе не пойдет на литературный суд по моему вызову через «Пет^{ер}бургские» вед^{омости}», то «Пет^{ер}бургские» вед^{омости}» в крайний срок вызова благоволят напечатать, что согласия на литературное разбирательство не последовало.

4) Когда таким образом суд сделается невозможным, то я прошу г. Стасюлевича и Вас в сообществе Ал^{ександра} Петр^{овича} Милюкова и графа Алексея Константиновича Толстого учинить следующее:

а) Удостоить меня просмотреть рукопись романа «Божедомы», дабы Вы могли убедиться, что роман этот не имеет 60 листов, а заключается листах в 30–32. Приблизительно это Вам нетрудно будет сделать.

в) Проверить на выбор на любой странице: играют ли в романе какую-нибудь роль «плодомасовские карлики» и может ли этот кусочек в 11/2 листа и по существу и по объему почитаться «существенной частью» романа, как лжесвидетельствовал на суде г. Ключников.

с) Прочсть бумаги, которые я представлю, и по содержанию их (они официальные) решить предосудительно ли было с точки зрения литературных нравов мое поведение по отношению к г. Кашпиреву и составляет ли оно во всей его совокупности нарушение обычаев, существующих в литературных кружках по сделкам между писателями и редакторами?

д) Обсудить на основании тех же бумаг: отвечают ли тяжкие притязания г. Кашпирева ко мне тем обычаям, которых держатся редакторы других изданий?

е) Так как у нас никаких «правил» для продажи литературных произведений в журналы в законах нет и суды в этих делах совершенно некомпетентны, то решить, сколько видно по бумагам, я ли нарушил договор и оскорбил литературный обычай, или это сделано противоположною стороною?

ф) Постановить, может ли все мое поведение в деле с этим романом (насколько оно будет выяснено бумагами) почитаться честным со стороны нравственной и неуклончивым со стороны обычая?

ж) Выдать мне в том, что Вы постановите (не выходя из вашего собрания), письменное удостоверение, которое дозволите мне напечатать в газетах и предъявить суду как свидетельство экспертов.

Это, как Вы сами, вероятно, согласитесь, мне весьма необходимо, и без всякой экспертизы перенос дела в другую Палату будет выстрелом в воздух. Отказать же мне в этом единственном способе оправдания в тяжчайших оскорблениях обвинением в подмене рукописи и исторгнутии из романа «существенной части» — будет вопиюще жестокостью к

человеку, и я уверен, что Вы не напрасно похлопочете склонить Михаила Михайловича Стасюлевича быть моим судьей, или экспертом, для опровержения лжеца, нагло объявившего «существенною частью» романа анекдотик, не имеющий с романом никакой связи и даже подлежащий изъятию в расчетах конкретности главной нити повести.

Простите, что я пишу кое-как и не переписываю. Извините моему раздраженному состоянию, с которым я не могу совладать.

Ваш слуга

Никол. Лесков.

P. S. Ответа буду ждать, считая минуты.

Не знакомы ли Вы с г. Скабичевским, и нельзя ли попросить и его, или это лишнее? Пожалуйста, подумайте за меня сами лучше. Может быть, не пригласить ли тогда г. Стрехова?

Н. А. ЛЮБИМОВУ

18 ноября 1870 г., Петербург

Милостивый государь

Николай Алексеевич!

Позавчера я прочел в печати начало своего романа и два дня нахожусь под невыносимейшим для меня впечатлением. Не могу скрыть от Вас (и единственно от Вас), что я никак не ожидал и не мог ожидать выхода своей работы в таком оконфуженном виде. Иначе я, конечно, ни за что и ни при каких обстоятельствах не согласился бы на столь жестокое с нею обхождение. То, что с нею сделано, для меня во все мое литературство, слава богу, еще новость, но, к сожалению, новость столь безотрадная, что я не знаю: чем себя утешить и как поднять к работе мои упавшие руки? Убийственнее всего на меня действует то, что я не могу взять себе в толк причин произведенных в моем романе совсем уже не редакторских урезок и вредных для него изменений. Так: выпущены речи, положенные мною в основу развития характеров и задач (например, заботы Форовой привести мужа к богу); жестоко нивелирована типичность языка, замененная словами банального свойства (например, вместо: «не столько мяса поешь, сколько зуб расплюешь» заменено словом «растеряешь»); ослаблена рисовка лиц (например, не позволено Висленеву чесать под коленом) и даже допущен *ponsens*¹ (разговор о законе, имевший смысл лишь после разговора о разводах – что выброшено совсем во вред). Без всякого неуместного «авторского самолюбия» не могу горестно не сетовать, зачем все это сделано и отчего мне не сказано, что с моею работою будут делать все это?.. Что теперь сотворить и как помочь этому великому для меня горю? Повторяю: у меня пали руки, я не знаю, чем поднять их к работе, – столь все это мне кажется жестоко и столь непривычно!

Крайне расстроенный и огорченный, я не нахожу даже слов, как уместнее выразить Вам мою просьбу помилосердствовать надо мною и не отнимать у меня средства окончить работу с уверенностью, что Вы не отвергаете во мне известной доли смысла и сознания для того, чтобы соображать материал моей постройки; но сделайте милость, не взыщите с меня за форму моего обращения к Вам и не отнимите у меня совсем руки от дела, дабы как-нибудь хотя одолеть поверье, что я при всем моем тяготении к уважаемой редакции «Р<усского> в<естника>» должен отказать себе в удовольствии служить ей моими, должно быть мало пригодными, силами.

¹ Нонсенс, бессмыслица (англ.).

С совершеннейшим к Вам почтением имею честь быть
Вашим покорнейшим слугою

Н. Лесков.

С. А. ЮРЬЕВУ
5 декабря 1870 г., Петербург

Милостивый государь!

Вчера я имел удовольствие прочесть объявление об издании Вами «Беседы». Объявление это очень меня обрадовало: Вы обещаете журнал в духе, который найдет, конечно, сочувствие всех истинно русских людей. Не имея чести знать Вас лично (хотя и наслышан о Вас от А. Ф. Писемского и П. К. Щербальского), я спешу приветствовать Ваше предприятие и предлагаю Вам иметь в виду мою готовность служить Вашему изданию, если Вы того пожелаете. У меня есть оконченный роман, начинавшийся уже печатанием в «Отчужденных» и известный довольно многим по этому началу. Он называется «Божедомы». Герои его несколько необыкновенны, — они церковный причет идеального русского города. Сюжет романа, или, лучше сказать, «истории», есть борьба лучшего из этих героев с вредителями русского развития. Само собою разумеется, что ничего узкого, фанатического и рутинного здесь нет. Детали романа нравятся всем, и, между прочим, Мих. Ник. Каткову, но в общей идее он для некоторых взглядов требует изменений, которых, по-моему, он вовсе не требует. Задача и стремление этого сочинения выражены лучше всего словами Вашего заявления:

«Вселенская Христова истина, сохраненная во всей ее чистоте восточною православною церковью, была просветительницею русского народа с первых веков его истории: под влиянием ее сложились его духовный строй и существенные основы его быта. Мы, согласно истинному духу нашего вероисповедания, ожидаем от полноты братской любви и свободы — всей правды в русской жизни».

Вырезаю этот прекрасный текст и наклеиваю его.

Потрудитесь подумать: не соответствовало ли бы такое сочинение Вашим требованиям, и потрудитесь тоже написать мне пару слов в ответ на мое предложение.

Если Вам подобная работа нужна, то я захватил бы про всякий случай с собою рукопись «Божедомов», когда поеду в конце января к М. Н. Каткову, для свидания с ним по делам ныне печатаемого в «Русском вестнике» моего романа «На ножах». Я бы прочел Вам моих попов и очень бы рад был слышать им Вашу оценку.

С должным к Вам уважением и безмерным желанием успехов Вашему делу имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Николай Лесков (Стебницкий).

Прилагаю при этом мою карточку и адрес.

С. А. ЮРЬЕВУ
18 декабря 1870 г., Петербург

Милостивый государь.

Я вчера получил Ваше почтенное и необыкновенно приятное для меня письмо и сегодня же спешу отвечать Вам. Будьте милостивы, простите мне, что я пишу эти строки

даже без условного форменного вступления. Не отнесите этого к чему бы то ни было, кроме желания отвечать Вам скоро, тогда как я не знаю Вашего имени и отчества и, по нездоровью моему, не могу видеть людей, у которых мог бы о них справиться. Надеюсь, что Вы меня простите и не осудите за это, тем более что источник моей нынешней поспешности есть именно то горячее сочувствие Вашему направлению, которое Вы не напрасно увидели в моих первых строках. Будем ли мы трудиться вместе или нет, я навсегда сохраню дорогой для меня Ваш отклик на мое письмо. Я действительно горячо сочувствую Вашему направлению; я верю в его святое и высокое значение; я чту достойнейших людей Вашей партии (чести которых, к досаде своей, не умаляют даже и предатели отчизны), и я всегда тяготел к Вашему стягу, но я вышел на литературную работу тогда, когда «Русская беседа» уже не существовала, а к газетной работе я мало способен. Весть о Вашем журнале – весть радостнейшая для меня, и я хочу и готов приложить все мои силы и все мое старание для того, чтобы по возможности содействовать успеху Вашего издания. Благодарю Вас, что Вы сами «зачли меня своим сотрудником» – я буду им со всеми моими способностями и любовью к нашему честному и святому влечению служить родине словом правды и истины. Благодарю Вас искренно, горячо, ото всего моего простого и нестерпимо болящего за родину сердца!

Что же бы Вы хотели и что бы я мог сделать для Вашего издания так, чтобы участие мое принесло Вам как можно большее подспорье?.. Позвольте оговорить об этом. Я, конечно, очень сжато выразился, говоря Вам в первом моем письме о романе «Божедомы». Продолжать его нельзя, и его надо напечатать весь сполна, то есть повторить прежде напечатанные 7 листов, дав их не в счет абонементу подписчиков, и потом продолжать. Само собою разумеется, что бывшие уже в печати 7 листов должны идти бесплатно, без всякого авторского гонорария, как и предполагалось сделать в «Русском вестнике». Таким образом, у Ваших читателей будет весь целый роман, или, как он у меня назван, «история лет временных», но прежде напечатанная доля этой истории пойдет Вашему изданию бесплатно, и Вы потратитесь лишь на излишние листы, если захотите дать это особым приложением (в чем, кажется, нет и необходимости потому, что Вы не связываете себя объемом книг). «Божедомы» готовы давно, но их все-таки нужно будет пересмотреть и кое-что поизменить, кое-что выкинуть, кое-что вставить. Я это сделаю, как немножечко пооблегчусь в работе с оканчиваемым мною романом для М. Н. Каткова, и тогда увидимся и переговорим. Если же угодно, то я пришлю Вам половину рукописи, но это только в том случае хорошо, если рукопись эта Вам нужна скорее, чем я могу быть в Москве (в феврале). Напишите мне, и я сделаю так, как Вам лучше.

Далее: пять лет тому назад по поводу толков «о призвании женщины» и кривотолков о русской женщине с верою и упованием, которые были осмеяны, мне пала в голову и в сердце неотвязная мысль изобразить в живом очерке: мешают ли эти злополучные вера и упования истинной свободе чувства и независимости женщины? В обдуманном плане я уложил целую эту идею в повесть, снабдив ее и кличкой по шерсти. Повесть эта должна быть названа: «Марфа и Мария». При этом библейском названии во главе повести идти и евангельский эпиграф: «Марфо, Марфо, печешися» и пр. Отсюда, я думаю, Вам уже понятно, что́ будет сказано в этой повести? Она еще не писана, но весть о Вашем журнале и особенно радушное письмо Ваше говорят мне, что ей пора писаться и поспевать к Вам. Не откажитесь мне ответить: нравится ли Вам мой замысел поделить наших современных соотечественниц на «Марф и Марий» и показать всю тщету их «марфунства» при несомненной ясности пути Марий? С получением Вашего ответа я немедленно начну повесть и надеюсь, что напишу ее скоро с любовью и с желанием дебютировать в Вашей «Беседе» с достойной вещью.

И еще далее: я и еще могу и желаю служить Вам. У меня есть «влеченье, род недуга» считаться с общественным настроением и шарлатанством наших лицедеев, для чего так удобен род фельетонного писания, но, конечно, не такого, какой принят петербургскими газетами. В Москве этим вовсе пренебрегают, и совершенно напрасно. Припомните фельетон-

ный пошиб Гейне и Герцена – какая это прекрасная форма и какая ловкая и удобная! Я не хвалясь, что я могу сделать это так же, как они, но я много раз пробовал, и, кажется, моя попытка была не без удачи, – таковы некогда «Русские обществ<енные> заметки» в «Биржевых ведомостях», где я искал случая восстать против пошлой радости по случаю предостережения, данного Каткову; некоторые статьи бывшей «Северной пчелы» против Герцена и «Русское общество в Париже» в «Библиотеке для чтения» Боборыкина. Я люблю между большою работою ловить мимолетный случай жизни, получающий ложное освещение и толкование, с тем чтобы дать ему освещение подлежащее и толк по разуму и по совести. В «Современной летописи» М. Н. Каткова Вы на сих днях увидите такие мои очерки, озаглавленные общим заголовком: «Смех и горе», которые будут подписаны вымышленным именем «Меркул Праотцев». Не хотите ли иметь от меня раз в месяц письмо о петербургской общественной жизни? Конечно, это будут письма не о балах, новостях и скандалах (о чем я мало и знаю), но это будет летопись заблуждений, ошибок, неправд и грехов общественного неразумия и злобы по делам якобы текущего дня. Я просил бы себе для этого в журнале от листа до двух в месяц, а там увидим, как будем нравиться. О том же, что мы сойдемся во всех воззрениях, я считаю излишним и говорить. Благоволите ответить мне и на этот вопрос, и если ответите скоро, то я, может быть, еще успею прислать Вам письмо для первой Вашей книжки.

Теперь о Вашем издании: здесь его ждут и говорят о нем – конечно, каждый по-своему. Преобладающее мнение то, что Вас «нахлопнут». Дай боже, чтобы эта беда Вас минула. Надо больше змеиной мудрости, больше! Потом: литературщики трубят, что Вы одни, без людей. Надо бы вначале статей уважаемых людей вроде Ив. Серг. Аксакова, Юр. Самарина и других, которые с Вами заедино. Их статьи сразу окрасят издание и подсекут толки вредителей. Безмерно жаль, что Вы запоздали с Вашим объявлением, и дай бог, чтобы это было только с объявлением... Опыт «Вестника Европы» показывает, как много значит в нашем малоразборчивом обществе своевременность выхода книжек... Трудно поверить, до чего дорого ценит это провинция и особенно читатели захолустий! Пока он разберет, что ему прислали, он не нарадуется и не нахвастается, что ему уже прислали нечто.

Помогай Вам бог на все доброе и достойное Вас и Ваших благородных и благомыслящих родине друзей.

Ваш слуга

Николай Лесков.

Не откажите, пожалуйста, высылать мне экземпляр «Беседы», адресуя ее «в Петб., Ник. Семенов. Лескову, Фурштатская, № 62».

Не укажете ли мне в Петербурге лица, через которое я мог бы сноситься с редакцией, не вверяя рукописей легкой почтой, при чем легко возможны потери и проч.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ
19 декабря 1870 г., Петербург

Это прекрасно, достойнейший Петр Карлович, что Вас «учили писать письма». Я сам тоже очень рад, что обучен этому и беру еще уроки у Вас: говорю сначала о Ваших поручениях.

Письмо Ваше страдает неполностью, точно Любимов «приготовил его к печати». Я не вижу из него, получили ли Вы два мои письма, в которых я подробно описывал Вам причины незадачи с Вашими депешами и затруднение со статейкою. Мне будет очень жаль, если все это остается Вам неизвестным во всей курьезной полноте, несколько облегчающей

меру вины Усова и Трубникова, которые затем уже могут быть названы только свиньями, и то с значительными преимуществами на долю последнего. Усов виноват менее, хотя ему, разумеется, пора бы знать своего премудрого принципала и надо бы знать, что образованные люди обыкновенно отвечают на письма, как отвечают на вопросы в разговоре. Но черт с ними, в самом деле!

Я сегодня ездил с Вашим счетом, отдал его кассиру и просил поверить (как это у них водится) и высчитать, сколько Вам следует за корреспонденцию, пошедшую передовую статью. Усова я сегодня не видал, а Трубникова предпочитаю не видеть вовсе. Деньги Ваши или обяжу послать Вам немедленно, или же вытребую и сам Вам отошлю, разумеется тоже немедленно. При этом, конечно, не лишу себя удовольствия и поговорить об их вежливости и любезности к заслуживающему уважения человеку. На ближайших днях отпишу Вам об этом подробно. Не знаю, что из этого выйдет, но не думаю, чтобы они «не дорожили» Вашим сотрудничеством. Нет, это просто дурь и совершенное равнодушие к настоящим достоинствам дела. Я Вам писал об отзывах Усова и еще раз сожалею, что это письмо пропало. Я буду в начале речей «мудр яко змий и незлобив яко голубь», а там увижу: пойдут ли они на поправку, или пора с ними совсем расплеваться. Может быть, еще и пойдет дело!

Теперь о своей рубашке. Я совершенно согласен с тем, что Вы говорите о печатании повести в «Летописи». Это действительно будет меледа, а не печатание, и для меня гораздо лучше видеть ее в «Русском вестнике», но только не по окончании романа, ибо в повестушке той много вещей, имеющих интерес временный, да и потом роман при их делении не может кончиться ранее пяти или шести месяцев. Надо печатать повесть или в журнале с псевдонимом «Меркул Праотцев», или же в «Летописи» с моею настоящею фамилиею, но во всяком случае немедленно, не ожидая окончания романа. К тому же, если и печатать ее в «Русском вестнике» тотчас за романом, то не все ли равно будет тянуться мое имя? Нет, бога ради скорее! Там ли, сям ли, но скорее, а то она уж и так выдыхается, да и мне позарез нужны деньги, а их мне дают с крайнею осторожностью. Устройте, пожалуйста, повесть, как сами заблагорассудите, но лишь бы она не лежала. Мне, конечно, лучше и приятнее видеть ее со своим именем, но и это предаю во власть Вашу. Об ней было столько переговоров, что я сам уже не нахожу удобным снова еще раз переговариваться, и все, что Вы с нею учините, приму то за благо и ни против чего спорить и прекословить не буду. (Я думаю, что ведь гонорарий одинаков что в «Летописи», что в журнале. Это тоже важно.) В повестушке в начале, кажется, надо бы кое-что сдвинуть, сконкретовать... Мне помнится, таково было и Ваше мнение, да и я то же думаю, но только прошу Вас не отказаться взять это дело на себя. Пожалуйста, возьмите ее к себе! Скромностью Н. А. Любимова Вы напрасно кичитесь (с его слов, разумеется). Это просто ужасный человек, Атилла, бич литературы!.. Он что же делает-с? — он черкает не рассуждения, не длинноты, а самую суть фабулы!! Он обворовал Ларису ни за что ни про что, и именно в ноябрьской книжке, в разговоре Форовой с Синяниною у реки. Раз показано было, что «Лора роковая и скрывает в себе нечто, а может быть и ничто», — далее: старик генерал о ней говорит, что «ее, как калмыцкую лошадь, один калмык переупрямит», — это все нужные, необходимые риторические обороты, и их нет, и зачем их нет, это один черт знает! И добро бы это были длинноты, — нет, это говорилось в кратчайших словах... То есть просто черт его знает, чего он хочет и из чего, из какого шиша я теперь сделаю эту Ларису? Отчаяние полное и бесконечное! Я готов бросить роман недописанным, потому что все равно боюсь, что сей профессор с его резвыми руками совсем меня спутает, и романа станет нельзя свести с концом. Я хотел ему было писать, Да боюсь, то ли напишу, что следует. Ну, художник! ну, «приготовитель к печати!» Недаром Вы запугали всех людей, тяготеющих к Вам по своему направлению. Это спаси и сохрани господи злого татарина, а не только Ф. Берга, который дописывает свою повесть, но едва ли пойдет на любимовские пытки.

Потом, что за корректура! В разговоре попа о травах «алиела» вместо «омела», «родилища» вместо «родимца»... Эко толково! И еще: поп на приглашение Висленева выпить вина говорит: я вина никакого.

– Ну, хересу, – просит Висленев.

– Ну, разве ксересу, – отвечает поп.

Этот ксерес, разумеется, не сдуру же был поставлен вместо хересу, а для выработки типичности в языке доброго Евангела, так г. Любимов и это изволили поправить!.. Ах, сказал бы я ему за это словцо, встретья его на улице, да боюсь не позабыть бы, пока встретимся, ибо он столь мил, хорош, и прочее, и прочее.

Помогите, ради бога, если чем можете подействовать на сего ужасного оператора!

Здесь романом заинтересованы очень сильно. Хотелось бы знать: как в Москве?

Вашего «Шишкова» прочел с удовольствием и интересом большим. Я, впрочем, всегда читаю все, что Вы пишете, и занимаюсь не одним «интересом», но и способом Вашего обращения с людьми и манерою писания, которую очень люблю. Сторонних отзывов пока еще не слыхал, ибо сижу дома и точу веретена, которые Любимов в свое время потщится позатупить.

Сегодня пишу ему несколько строк о распределении частей и не вхожу ни в какие иные объяснения, – боюсь быть «увлекательным».

От Юрьева вчера получил письмо не только радушнейшее, но даже лестное, – я не полагал, чтобы они меня так знали, как вижу из его письма. Я сегодня уже отвечал ему с благодарностью и полною готовностью служить им чем могу. Корреспонденции я, думаю, буду писать им, и потому нет нужды посылать никакого пробного письма.

Веру Петровну благодарю, что она читает мой роман. У нее такое удивительно четкое лицо, что я в жизнь мою не видал ничего подобного ее выражению, и думаю, что она должна видеть полтора аршина под землю. Будущей героине повести, которую завожу для «Беседы», подарю ее благородные черты, так как Любимов мне не позволил и живописать мою видящую под землю генеральшу.

Кланяюсь Вам, чтимый, уважаемый и преданно мною любимый Петр Карлович, и прошу Вас ждать от меня на сих днях и Ваши деньги и отчет о моих объяснениях.

Ваш слуга

Н. Лесков.

P. S. Нет; решил совсем не писать Любимову! Потрудитесь ему сказать одно, что я прошу обе книги второй части назначить самостоятельными частями, что совершенно необходимо после уничтожения им деления частей на книги, ибо 1-я книга II части (где изображен современный нигилистический Петербург) не должна сливаться со 2-ю книгою той же части.

Третью часть я тоже разбиваю на две, и роман таким образом выйдет в пяти частях.

Усердно Вас прошу передать это.

Н. Л.

Письма 1871 года

С. А. ЮРЬЕВУ
6 января 1871 г., Петербург

Милостивый государь
Сергий Андреевич!

Вы увлекли меня Вашим письмом до некоторой восторженности, под влиянием коей я написал Вам длинное письмо с целым рядом благожеланий искренних и предложений всяческих (может быть, наполовину вовсе неуместных). Теперь при свидании в Петербурге с Ал. Феофил. Писемским я имел случай узнать кое-что более о духе и направлении, которых Вы намерены держаться в Вашем журнале, и еще более радуюсь появлению этого издания, еще более единомыслию с ним и еще более ему сочувствую и желаю служить ему. О беллетристических работах мы поговорим с Вами при личном свидании, так как я около половины февраля рассчитываю быть в Москве, но мне хотелось бы и даже совершенно необходимо знать: по обычаю ли Вам мое предложение писем из Петербурга (смешанного полубеллетристического характера)? Я говорил об этих письмах с Алексеем Феофилактовичем, и он одобряет мой замысел для Вашего журнала, и, надеюсь, одобряет не из вежливости лишь и любезности. Пожалуйста, при свидании с ним потрудитесь решить, нужны ли Вам такие письма в размере от листа до полутора листа в месяц, и не откажите мне в удовольствии получить определительный ответ на этот вопрос.

Повесть для «Беседы» я заделал и, верно, предложу ее летом на Ваше обсуждение, а план ее сообщу Вам в феврале. Название же повести будет, как я писал Вам, «Марфа и Мария». Если бы Вы пожелали объявить о ней (если будете это делать), то, конечно, с моей стороны никаких претензий против этого нет, потому что повесть эту я не предложу никому прежде Вас.

С глубочайшим сочувствием к Вашему делу и с почтением к Вам имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Никол. Лесков.

Р. С. В «Современной» летописи» идет мой фельетонный рассказ. Пожалуйста, взгляните в него: он может дать понятие, что я могу «возделывать» в моих письмах. Письма я, переговорив с А. Ф., полагаю подписывать или буквами, или всем собственным моим именем, без новой маски.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ
14 января 1871 г., Петербург

Вы, вероятно, уже знаете, достойнейший Петр Карлович, о беде, постигшей сообщенное мною сведение о св^ященнике Смирнове. Поистине понять не могу, что это такое может значить, и, прилагая при сем ответ на полученный мною запрос от редакции, усердно прошу Вас передать эти строки Михаилу Никифоровичу. Я жду ответов из Ревеля скоро и надеюсь восстановить правду сообщенных сведений, ибо ошибка здесь решительно невозможна.

Посылаю это на Ваше имя потому, что так мне кажется надежнее, а Вы, пожалуйста, на меня не сердитесь за это.

«Смех и горе» сконкретованы прекрасно. Если это Вы делали, то усердно благодарю Вас. Жаль, конечно, что все это дается по таким маленьким кусочкам. Нельзя ли, чтобы хоть следующий кусочек был целым эпизодом московских походов героя, то есть по старому делению глав до XX главы. Это было бы мне очень желательно.

Кроме того, земно Вам кланяюсь и прошу Вас неотступно вложить в уста голубого купидона несколько раз слова «простенько, но мило». Так, я желаю, чтобы он, говоря о том, как устроил свою квартиру, сказал: «оно, конечно, простенько, но мило». То же самое он должен употребить, говоря о доме своей хозяйки, об исправленном им зонтике, о комнате Ватажкова и о том, как он, не имея настоящей наблюдательности, решился донести на него «простенько, но мило». То же самое надо сделать и далее везде, где купидон подводит приятеля. Не откажитесь, пожалуйста, если только возможно, взять корректуру и добавить эти словечки в подлежащих местах по Вашему усмотрению.

О романе не хочется и говорить: Горданову не позволяют быть во фраке, когда он охуждает неуклюжий сак Базарова; корректура ужасная; получаю книги через две недели, между тем как другим присылали корректурные листы... Нет; видно уж не везет! Пишу далее, как сухой мерин борозду гоню, чтобы кончить, да и к стороне.

Про Вашего Сушкова заговорили. Слышал от литераторствующих цензоров, что «это уж слишком». В «Биржевых ведомостях» фельетонист процитировал Вашу статью и, по фельетонному обычаю, скрыл источники, но Красовский вообще стал у газетчиков притчей во языцех.

Ужасно скучаю, что не могу исправить Вам никакой службы и лишен удовольствия видеть Ваши строки, служившие мне доказательством Вашего лестного мне внимания.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Р. S. Алексей Филатыч приезжал сюда кряхтеть и сетовал, сколь тягостно ему было получать деньги с К<ашпир>ва. «Главное дело, – говорит, – все это, братец, надо помнить, что есть у тебя вексель; надо его в срок протестовать; десять дней грации спушщать... ведь это все беспокойство!» Да и впрямь так, хотя едва ли это главное.

За роман меня в «Петербургских ведомостях» выругали, а впредь еще не того ожидаю. Подписка у всех прекрасная, кроме «Зари» и «Нивы», – так глаголет Базунов. По отзывам «Летучей библиотеки», роман мой читается нарасхват и с азартом, даже превосходящим мои ожидания. Читают ли «Смех и горе»? Пожалуй, повестушка эта так и кокнет, как разбитое яйцо в яичницу, во всяком случае, впрочем, весьма почтенную и вкусную. Я думаю, по таким маленьким кусочкам невозможно читать, а потом забудется, да так и не прочтется.

Спеша успокоить редакцию, я тотчас же по получении сегодня их письма послал им депешу и сказал, что письмо следует. Получили ли они депешу? Прилагаю квитанцию.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ
2 февраля 1871 г., Петербург

Достойнейший Петр Карлович!

В пополнение всех неудач со «Смехом и горем» в печатании этой повестушки начался перерыв. Вот уже в двух номерах ее нет, и я ничего не знаю о причинах этого смеха и горя с «Смехом и горем». Усердно прошу Вас, не осудите меня за назойливость и, пожалуйста, черкните мне два слова, как намерено начальство поступить с этою злополучною моею работою? Вы, конечно, поймете, как мне, рабочему человеку, нелегко все это видеть, сносить и не уметь помочь себе ничем?

Пожалуйста, пособи́те и не оставьте меня в неведении.

Трубников потерял и последнего профессора Предтеченского, а с ним и всех отцов церкви. Теперь он «проклят».

Ваш слуга

Н. Лесков.

Для «Беседы» не только начал, но даже кончаю работу и за то от них не получаю теперь ни слова. Работу сию, надеюсь, позволите прочесть Вам.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ
11 февраля 1871 г., Петербург

Ваше превосходительство меня, читателя своего, изволили уязвить напрасно, назвав меня «чадолюбивым отцом своих творений», тогда как я их чуть ли не как щенят закидываю (чего и не поставлю себе в похвалу, а наипаче в покор и порицание). Но зато и я смею на отместку «язвануть» Вас, уважаемый и достойнейший протектор мой, Петр Карлович. Вы писали мне, что «от Усова никакого письма не получали», – это так; но Вы прибавили, что «и не получите», – в этом Вы ошиблись. Не все, значит, делается и по Вашему. Сегодня я был «у них», в камере, оставленной «отцами», и говорил с ними насчет книжки «Письма о Киеве» Максимовича, которую меня просят проблаговестить (чего, кажется, и от Вас ожидает Ваш ветхий деньми хранитель голенищ ярославлевых и дву тьму новейших динариев, пенязей и златниц, то есть М. П. Погодин, отправивший Вам экземпляр этой в самом деле интересной книжки). При разговоре со мною «они» заявили удивление: почему-де Щ<ебальский> нам не хочет давать передовых статей? На удивление это я отвечал сугубым удивлением и умеренною нотациею, добавив при сем, что мне от Вас запрещено даже и говорить об этом. Усов был моими словами крайне переконфужен и просил меня «поправить это дело»; а я ответил, что не я его испортил и не мне его поправлять, ибо я тут и сам не на радостях, краснея за них перед человеком, достойным всякого почтения. Поговорили смачно. После того Усов спросил моего мнения: поправится ли дело, если он напишет Вам сознание своей вины и попросит о возобновлении сотрудничества? Я отвечал, что ни за что не ручаюсь, но извинение есть их долг перед Вами. Тут Усов вскочил и написал Вам извинение, которое я прочел: оно не складно, но полно. Перестаньте, пожалуйста, сердиться и пишите им! Теперь их редакция на Литейной, и я, ходя гулять, всегда могу заносить Вашу работу, и наблюдать за ней, и производить настояния и взыскания. От Т<рубникова> же письма ждать нельзя, потому что он практиковать это ремесло конфузится... (Это истина!) Ему гнусные Ъ досаждают, и зачем же его «изнурять», как героиню романа Писемского? Не вводите в искушение его милую застенчивость и преложите гнев на милость, по покаянному канону одного Павла Усова. Роман Писемского жив, но, по-моему, похабные места можно бы к черту, и это делу бы не помешало. Что за радость такая гадость? При девушках читать невозможно, и я именно на этом и попался. Достоевский, надо полагать, изображает Платона Павлова, но, впрочем, все мы трое во многом сбились на одну мысль. Статьи «Беседы» мне не понравились. Вы правы – это, говоря по-гамлетовски, всё «слова, слова и слова». Особенно такова перепичканная всяким шпигом статья Юрьева. «Чего ради трата сия миру бысть?» Подписка их у Базунова, однако, двинулась, но библиотеки на них ропшут, и «Летучая библиотека» (самая сильная) показывала мне письмо, подписанное Майковым, но содержащее «слова» и бестолковщину. Я ничего не понял... Жду Вашего ответа.

Лесков.

Г. БЕННИ
<4 марта 1871 г., Петербург>

Господин пастор! Я близко знал и считал своим другом брата вашего Артура Бенни, бесчестно оклеветанного в Петербурге, и Вы, вероятно, знаете немножко о моей с ним приятности. Это чувство внушило мне мысль восстановить его поруганную честь подробным рассказом об его пребывании в России. Рассказ этот напечатан в прошлом году в одной из петербургских газет («Биржевые ведомости»). Он принес свою долю пользы, но и возбудил со стороны злонамеренных людей новые толки не в пользу покойного брата Вашего, и даже во вред мне. Все это стало делом чести Вашего семейства и моей. Я решился вновь повторить печальную историю Артура, но уже не в газете, а отдельною брошюрою в десять листов, которая уже печатается и выйдет в свет без предварительной цензуры. Зная об этом моем намерении, Иван Сергеевич Тургенев написал мне письмо, в котором, одобряя мое «хорошее и честное» (по его словам) заступничество за поруганную память покойного Артура, обещал, тотчас по выходе этой брошюры, поддержать слова мои и, с своей стороны, запротестовать таким образом против укоризн, оскорбляющих неповинного члена Вашей семьи. Книгу мою я посвящу Вашей матушке и Вашему семейству, которое уважаю и люблю по Артуру. Не оставьте сообщить об этом уважаемой матери Вашей и сообразуйте известить меня о ее имени и согласии. В книге я предположу письмо к Вашей матушке. Если при всем этом Вы не откажетесь сделать мне какие-либо указания, нужные для моего сведения, или почтите меня строкою от Вас или от Вашей матушки – разумеется, строкою, властною содействовать восстановлению доброго имени Артура, – то, как бы ни коротка была эта строка, я дам ей самое почетное место в моей книге. Я считал бы это даже необходимым, дабы положить конец толкам, кто таков был Л. Бенни, так как об этом до сих пор еще спорят и желают видеть в нем какого-то «Бениславского». Во всяком случае, позвольте надеяться, что вы удостоите это письмо мое ответом в самом непродолжительном времени.

Ваш, милостивый государь, покорный слуга

Н. Лесков.

А. С. СУВОРИНУ
5 марта 1871 г., Петербург

«Коварный, но милый» приятель
Алексей Сергеевич!

Исполняя мое вчерашнее обещание, посылаю Вам четыре книжки «Русского вестника», в которых напечатаны две первые части моего романа. Прочтите, судите и «ругайте», если добрая совесть Ваша укажет Вам, за что «ругать» следует. Посылаю тоже четыре № «Современной летописи», в коих напечатана другая моя литературная безделка. Ее в Петербурге «просмотрели» (то есть не заметили), а ее тоже стоит, может быть, «обругать», а может быть, и нет. Во всяком случае, пожалуйста, пробежите ее. Тут поставлено: («окончание»), но это ошибка – будет еще отрывка три или четыре.

О делах буду писать Вам завтра.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ
5 марта 1871 г., Петербург

Уважаемый Петр Карлович!

Хотите ли Вы или не хотите, но Вы упорно заставляете меня не только чтить, но и любить Вас, как никого не любил с дней моей юности! Вы сделаете меня безмерно счастливым, если позволите мне хранить в моей душе это чувство, дающее мне прекрасные и высокие минуты. Ваше слово меня животворит, одушевляет и поддерживает. Благодарю Вас, и несказанно благодарю, за все, а наипаче за внимание к моим работам, за поощрение, за совет, за указания. После покойного Дудышкина ко мне никто так не относился, и я никогда этого не забуду. Я слаб, я, на горе мое, слишком болезненно все чувствую, и поддержка для меня так дорога, что Вы не можете себе этого представить!

Я вас послушаю и не буду выходить из провинции, насколько можно, хотя роман уже попорчен страхом чирканья... То, что вы читаете (и чего я еще не читал), писано в Ревеле, до страха, нагнанного мне Любимовым. С тех пор я писал кое-как – лишь бы короче, лишь бы кончить, и перенес все мои симпатии на повесть, которую привезу Юрьеву и которую попрошу позволения прежде прочесть у Вас. Ею я сам даже доволен.

Статьи Вашей о Миртове жду, но как «Р<усский> в<естник>» ходит к нам по допотопной почте «на волах», то вот уже 2 часа 5-го марта, а Питер еще не получил февральской книжки. Вы бы сказали об этом.

Я писал М<ихаилу> Н<икифорови>чу, что Ив. С. Тургенев собрал 4-го ч<исла> (то есть вчера) всех представителей искусства на вечер (у Демута). Я хотел об этом вечере написать в «Московских в<едомостях>», да не напишу, потому что неудобно. Собралось 160 человек. Буквально были все искусники: музыканты, певцы, литераторы, артисты (то есть актеры), живописцы и ваятели. Был квартет, были речи, играл Рубинштейн, – толковали о соединении церквей и, кажется, остановились в положении церковного же соединения. Выбрали комиссию по два человека от цеха (Анненкова, Боборыкина, Самойлова, Васильева, Рубинштейна, Балакирева, Зичи и Клодта). Пристойно все было до нельзя более. Пьяная компания не пошла на сходку, но тонкий задор был, хотя очень слегка. В следующий четверг снова положили собраться у того же Демута, и надеемся это продолжать, покуда выпросим себе «беседу», но не клуб. Почин этого дела оказался не за Тургеневым, а за Рубинштейном, Микешиним и Самойловым. Рубинштейн и Тургенев завтра уезжают, первый к Вам на концерт (до среды буд<ущей> недели), а второй в Мценск. Новостей бездна, да всего не изобразишь в письме.

Будьте здоровы и вечно живы и юны Вашим прекрасным сердцем.

Ваш Н. Лесков.

P. S. Нельзя ли Вам сказать Любимову, чтобы он присылал мне роман из дефектовых листов в конверте по почте? Ведь это просто, и несносно не знать, что напечатано. Был ли у Вас некто Гойжевский? Я должен был дать ему рекомендацию к Вам.

А. С. СУВОРИНУ
20 марта 1871 г., Петербург
Воскресенье

Благодарю Вас, Алексей Сергеевич, за Ваше письмо и сохраню его, как доказательство, что я никогда в Вас не ошибался, считая Вас человеком, ищущим правды и любящим

ее. О том, кто из нас грешит в выборе путей для этого искания, говорить долго (по-моему, Вы грешите более меня, нападая на таких людей, как Катков), но довольно того, что мы уже можем опять вести хотя литературные споры (в чем, однако, заслуга принадлежит мне, ибо я доказал, что я Вам вполне верю и уважаю Вас, несмотря на нашу разность во мнениях и даже на Ваши не совсем ловкие, надеюсь, нападки на мою совесть). Благодарю Вас за указания. Роман, конечно, с большими погрешностями, но в нем еще многое не выяснено. Я не думаю, что мошенничество «непосредственно вытекло из нигилизма», и этого нет и не будет в моем романе. Я думаю и убежден, что мошенничество примкнуло к нигилизму, и именно в той самой мере, как оно примыкало и примыкает «к идеализму, к богословию» и к патриотизму. Я (может быть) связан кое-чем, что не мог провести этих параллелей, а они меня даже и занимали и намечены в плане романа. «Непосредственное же продолжение» нигилизма есть майор Форов – лицо, впрочем, наиболее потерпевшее от уступок, какие я должен был в нем сделать. Они простираются очень, очень далеко, и вширь, и вдоль, и вглубь... Но тем не менее он есть «продолжение» нигилизма, и я советую Вам терпеливо задержаться осуждениями, пока прочтете всю третью часть романа, где уяснится и Синтянина.

«Сочинения» нет. Разве Вы не знаете «литератора-ростовщика», служащего в полиции и пишущего в «Искре»? Разве Вам не известны его проделки с Кашеваровой и мн<огими> др<угими>? Вы жмурите глаза, мой уважаемый противумышленник! Вы не свободны и партийны, гораздо более чем я, которого в этом укоряете. Я не мщу нигилизму за клевету мерзавцев и даже не соединяю их воедино в моей голове. Я имею в виду одно: преследование поганой страсти приставать к направлениям, не имея их в душе своей, и паскудить все, к чему начнется это приставание. Нигилизм оказался в этом случае удобным в той же мере, как и «идеализм», как и «богословие», – в этом Вы правы. Но Вы не хотите правды... Вы укоряли меня за письма о Бенни, а Ив. С. Тургенев письмом ко мне признал эти письма «делом честным». Где же истина, и за кем беспристрастие? Беспристрастны ли Вы, придираясь к Каткову за его лицей? Конечно, я не могу видеть в этих нападках того беспристрастия, какое сам я обличаю в Форове, в моем уважении к Вам и во многом другом. «Ран», нанесенных мне мерзавцами, клеветавшими на меня, я не чувствую. Поверьте мне в этом! Да и что чувствовать? Неужто у меня нет друзей, или мне заперты двери честных домов, или мне негде помещать моих работ? Боже мой! Какой же вред они мне сделали? Кто же, зная меня, не знает, что я имею право быть назван человеком не глупым и честным? Затем, когда смерть сделает свое дело, все это получит новое освещение, и стыдно будет не моим детям, а детям тех, кого я по совести называю клеветниками и подлецами.

Да, я спокоен! Верьте мне, уважаемый недруг, что я не мщу никому и гнушаюсь мщения, а лишь ищу правды в жизни, и, может быть, не найду ее. Остальные части романа пришлю Вам (если хотите, у меня есть корректура всей 3-й части). Жму Вашу руку и еще раз благодарю Вас.

Никол. Лесков.

Я потерял Ваш адрес и не помню его. Прилагаю Вам клочок, – не найдете ли в себе «беспристрастия» поговорить об этом.

С. А. ЮРЬЕВУ
31 марта 1871 г., Петербург

Милостивый государь
 Сергей Андреевич!

Зная Ваши недосуги, теперь уж совсем боюсь беспокоить Вас моими письмами, а между тем «грех воровать, да нельзя миновать». Я должен дать Семевскому ответ о письмах Журавского и Нарышкина и потому усердно прошу Вас сказать мне: годны ли Вам эти письма, или они не имеют для Вас интереса? В последнем случае возвратите мне их, пожалуйста, по почте.

Прошу Вас принять уверение в моем почтении, с каковым имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Никол. Лесков.

Р. С. Статья «о свободе совести» меня очень заинтересовала. В публике здешней о журнале почти не знают или сторонятся его, повторяя с чужих слов: «серьезно и скучно». Как Вы хотите, а мне кажется, у Вас действительно очень большое преобладание серьезного, так сказать трактующего чтения перед живым и художественным. Может быть, это в Ваших целях, но это всегда обрезало успех изданий, державшихся такой программы, и надо желать, чтобы с Вашею «Беседою» стало иначе. Надо же брать в расчет, что журнал выписывается для всей семьи, для целого дома, и половина Ваших читателей женщины... Эта вся ученость не в их вкусе; а их вкуса Вы не должны забывать, ибо иначе они Вам отомстят злее всяких литературных врагов.

Я не понимаю: зачем наши современные редакторы отменили старинное деление книги на два отдела? То было гораздо удобнее, и самый разнообразный читатель находил себе тогда подходящее чтение, да и редакции виднее было, чего куда надо привесить и примерить. Я бы непременно держался этой умной и удобной старины, столь соответствующей разности наших читателей в одном и том же семействе, где получается известный журнал.

Однако же простите за приятельскую откровенность.

Н. Леск.

Р. С. Милюков написал повесть «Царская свадьба». (Это сватовство и кончина Марии Темрюковны.) Изучение старины большое и воспроизведено не худо. Сегодня вечером он читает эту вещь у меня при знатоках древнего русского быта: Семевском и епископе Ефреме. Думаю, что Вам бы нелишнее взять эту такую штуку, а ей и цена не с гору.

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ

6 апреля 1871 г., Петербург

Милостивый государь
Алексей Феофилактович!

Не мне писать вам похвальные листы и давать «книги в руки», но по нетерпеливости своей не могу не крикнуть Вам, что Вы богатырь! Прочел я 3-ю книжку «Беседы»... молодчина Вы! Помимо мастерства, Вы никогда не достигали такой силы в работе. Это все из матерой бронзы; этому всему века не будет! Подвизайтесь и не гнушайтесь похвал «молодых людей», радующихся торжеству Ваших сил и желающих Вам бодрости и долгоденствия.

Ваш слуга

Н. Лесков-Стебницкий.

С. А. ЮРЬЕВУ
6 апреля 1871 г., Петербург

Уважаемый Сергей Андреич!

(Простите, пожалуйста, что я не хочу Вас называть «милостивым государем».) Вот в чем дело: статья Майкова «Всеславянство» превосходна! Я начал ее читать с предубеждением и дочитал ее с восторгом. Точка зрения верная; развитие прекрасное; вывод благо-разумнейший. Поздравляю Вас, ибо люблю Ваш журнал и Вас самих полюбил. О повести Милюкова мне уже не отвечайте, потому что ее берет Михаил Никифорович и я ее ему отдал, а насчет писем Журавского ответьте.

Бога ради, оживляйте Ваш журнал статьями и художественною мелочью, отвечающими требованиям легкого читателя! Недостаток таких вещей не проходит безнаказанно для финансовых средств издания, а это не вздор. Что делать? Надо мешать дело с бездельем – иначе «с ума сойдешь».

Что же нет у Вас писем о петербургском театре и о петербургской жизни – особенно о петербургской семье? Я жду этих вещей с нетерпением и отзовусь на них. Разлад нашей семьи – это такая тема, на которую можно и должно отозваться живым и сердечным словом. Зачем медлит Ваш ангажированный сотрудник? Этим можно за самую жилу затронуть общество. Подгоните-ка его, – полноте все только говорить «о матерях важных». Разве жизнь дня сего тоже не важная материя?

Роман Писемского пытаются злословить, но, по-моему, он могучая и превосходная вещь. Силы Писемского еще никогда и ни в одном из его произведений не проявлялись с такою яркостью. Это положительно так. Что бы кто ни говорил, а всем злословиям не повалить одного Элпидифора Мартыныча с акушеркой. Могучая, могучая штука! Фигуры стоят как бронзовые: им века не будет.

Затем бог Вам в помощь и сочувствие всех добрых людей. Жму Вашу руку.

Лесков-Стебницкий.

Р. S. Сейчас приехала к нам доктор медицины Варвара Александр<овна> Кашеварова и говорит, что муж ее, профессор Руднев, подписался на «Беседу». Одобряю, но спрашиваю: почему так они выбрали «Беседу»? – А потому, отвечает, что статья Майкова это восторг, это прелесть, и т. д., и т. д.

Если находите удобным, передайте автору сии «восторги» прекрасной русской женщины, каковою имеет полное право называться докт. медиц. Кашеварова (которой капитальное изучение естественных наук не помешало любить Русь и теперь не мешает молиться за раннюю обедню у Знаменья о своих грудных больных). Нет, велик, велик наш бог земли русской!

Не потрудитесь ли Вы, благосердый Сергей Андреич, отменить московский обычай не отвечать на письма? Пожалуйста, попытайтесь: это совсем не так неудобно, как принято думать в Москве на всех ее стоячих прудах.

Еще раз: здоровья Вам и успехов.

Лесков.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ
8 апреля 1871 г., Петербург

Благороднейший Петр Карлович!

Как было бы досадно думать, что Вы посудите обо мне по невежеству моему, а не своему благодушию? Когда мне нужна в Вас, так я что день строчу послания, а тут не тороплюсь сказать спасибо за Ваш привет, за Ваши большие одолжения в делах и за неоценимую ничем ласку Вашей благословенной и трижды благословенной семьи! Но я не виноват, а виноват во всем... Усов с Трубниковым. (Вот Вы и подивитесь, а дело именно так!) Штука в том, что я все Ваши поручения исполнил с надлежащею точностью и аккуратностью: 1) книжка Толстому отослана; 2) Базунову все передано; 3) Семевскому книга вручена, и произведен с ним надлежащий разговор; 4) в «Бирж<евых> ведом<остях>» заметка о книге Вашей написана и отослана туда на третий день по приезде, и с тех пор до вчерашнего дня я ожидал ее появления в печати, льстя себя надеждою с нею вместе (то есть одновременно) отпрапортовать Вам, что все порученное Вами мною исполнено в точности. Ожидание это было, конечно, довольно суетное: хотелось эффекта, но его не вышло, а вышло только некое невежество, удобосоединяемое с моралью басни о «дубе и свинье». Пожалуйста, простите мне и не подумайте, что и я, как оное животное, поевши желудя, «задрал от дуба рыло». Это было бы мне несносно против Вас, редкого и превосходного человека, расположенностью которого я дорожу безмерно! Я проэфектничался, и более ничего. Теперь ждать нечего, ибо когда я вчера по поводу некоторых затей был в редакции, то оказалось, что заметка моя о Вашей книге «затерялась» у нигилиста-корректора, и ее надо написать вновь, что уже и исполнено. Мих. Ив. Семевский сказал, что о Вашей книге в «Старине» был отзыв, но что Вы его, верно, просмотрели (то есть не заметили). Семевский сожалеет, что Вы его не застали, а он Вас, и все закончилось только визитами. Он полон к Вам и Вашим трудам наилучшего почтения. Статья Ваша в «Беседах» Об<щества> л<юбителей> р<оссийской> с<ловесности> очень замечена любителями литературы. Мне о ней с восторгом говорил, вероятно известный Вам, актер Ив. Фед. Горбунов, прибавлявший, что он «знал об этой статье ранее ее напечатания». Сочинения мои все собрал и отдал переплесть и потом пришлю Вам с надписями. Я хочу, чтобы в милом и ласковом доме Вашем был хороший экземпляр моих литературных работ. На сих днях ко мне обратился книгопродавец Ваганов с просьбою продать ему право на «Полное собрание» моих сочинений, — я отказал. По-моему, это еще рано и невыгодно для меня, до тех пор, пока будут напечатаны «Божедомы». Здесь я вошел с Михаилом Никифоровичем несколько в иной тон отношений. Не знаю, чему это приписать? Начальное внимание его ко мне, верно, кроется в столь зримой интриге моей в пользу классического образования — интриге несправедливой и, смею думать, даже честной... Надо же было хоть один орган удержать в пользу этого вопроса, и тут мы, разумеется, «поинтриговали». Что делать? Но потом Мих<аил> Никиф<орович> верно нашел, что меня пустым мешком не били, и обласкал меня, как никогда не ласкивал. (А может быть, и тут не без Вас? Скажите-ка правду? Все доброе мне из Москвы идет через Вас.) Мы виделись до сих пор всякое утро и беседовали неторопливо вдвоем: то есть он, Болесл<ав> Маркевич и я. Речи бывали разные, с касательством до имен живых людей. Я опять «поинтриговал» и зародил в Трубникове желание сблизиться с М<ихаилом> Н<икифоровичем>, а Мих<аил> Н<икифорович> сам пожелал быть у него, и, наконец, завтра они должны увидеться, причем желательно, чтобы Мих<аил> Ник<ифорович> закрепил сего Константина не великого на нашу сторону, на которой он хотя и стоит, но шатается так, что его надо постоянно держать под локти. Я жажду, чтобы там очутилось влияние Болеслава и Ваше, и тогда и сам возьмусь опять, а

«один в поле не воин». Надеюсь, хотя вся эта «интрига» – новость, которой Вы, пожалуй, подивитесь, а пожалуй, хоть посмеетесь.

Но «интригу» в сторону. Вчера Мих<аил> Ник<ифорович> за завтраком у того же Болеслава говорил, что ему «Р<усский> в<естник>» в тягость и что он даже думал его бросить, ибо заниматься им ему самому некогда, а он стал «просто какой-то сборник, а не журнал». Я и Болесл<ав> М<аркевич> с этим вполне согласились, но возражали против мысли о закрытии, и Бол<еслав> при этом сказал: «отдайте лучше нам». (Сие «нам» разумеется «ему»). М<ихаил> Н<икифорович> на это отвечал: «что ж, пожалуй». Этим акт и кончился, но не знаю, совсем он кончился и не возобновлялся ли без меня? Советую Вам подумать и поговорить о старом Вашем плане прежде с Миррою Александровною, а потом с Николаем Алексеевичем, ибо с ним вместе, кажется, это вероятнее, чем без него, так как это было бы против него. Во всяком случае, прошу Вас принять все это к сведению. Трудитесь-то Вы много, а надо бы труда посытнее, к чему аренда «Р<усского> в<естника>» как нельзя более удобна и время к сему очевидно благопотребно. Мих<аил> Н<икифорович> поручил мне взять у Милюкова его «Государеву свадьбу». Я ее завтра возьму и пришлю Вам в редакционном пакете. О критиках я говорил и с Милюковым и с Мих<аилом> Ник<ифоровичем>, который их тоже хочет, но дело в том, что Милюков занят и не обещает постоянных статей, а сказал, что напишет «что-нибудь получше». Все боятся всё Ваших порядков... Это возмутительно даже! Всех людей отпугали. Я говорил К<аткову>: «зачем искать критиков, когда у Вас есть Петр Карлыч?» и при этом указал на те достоинства Ваших рецензий, которые знаю, то есть на их спокойный тон, резонность и силу... М<ихаил> Н<икифорович> к этому даже прибавлял красок, но... но Вам, одним словом, нужно перестать мечтать, а надо брать «Русский вестник».

Теперь на остальную часть страницы прошу Вас наложить ладонь и читать *uno solo*.²

Я посылаю кусок романа «На ножжах». Кусок живой и горячий, как парная кровь, но немножко непоследовательный. Непоследовательность эта, весьма не худо, впрочем, смазанная, происходит от необходимости восстановить характер отношений Форовой к нигилисту-мужу. Это все было безрассудно вымарано, а без этого нет идеи романа. Теперь это все восстановлено с лицом новой «умной дурочки» – попадьи, жены отца Евангела. Само собой разумеется, что здесь нельзя йоты переставлять, если не желать оставить роман без окончания, но есть еще и мелочи, к которым я прошу Вашего внимания и милосердия о мне, грешном, люте от оногo сарацина страждущем.

«Умная дурочка» написана крайне тепло, с ее собственной плотью и с ее же языком, а не с моим и не с Николай Алексеевичевым. Она говорит прекрасно, когда чувствует сердцем, и преглупо, когда хочет быть «умною дамою». Такой случай есть у нее в разговоре с Форсвым; сна говорит: «я вас еще прежде видела, но только вы теперь в сюртуке и в штанах, а тогда были в мундире и в подштанах».

Ходатайствую перед Вами за эти «подштаны», – они необходимы, и, имея в виду, что Тургеневу позволялось писать «портки», а Павел Ив. Мельников вчера еще писал в «Р<усском> в<естнике>» «порты», я уповаю, что сия просьба моя не особенна и дерзновенна! Ради бога, попросите Николая Алексеевича не стягивать «подштанов» с моего майора, тем более что эти «подштаны» вовсе не «портки» Тургенева и даже не «порты» Павла Иваныча, а просто летние военные рейтузы, которые попадья низводит до низкого звания «подштанов» единственно по своей наивности, а не по фривольности. Растолкуйте ему, ради Иисуса Христа, что это не цинизм (которого я сам не терплю), а это точно такое же невинное событие, как пресущствление Павлом Ивановичем «клестера» в «клистир» за обедом при четырех дамах, из коих ни одна сего казуса не сконфузилась, несмотря на то, что оратор особенно напирал

² Наедине (итал.)

своим «клистиром» на Ахматову и даже «трегубил» о нем. Пожалуйста, спасите мне эти «подштаны». Читая утомляющие длинноты Мельникова, я начинаю думать, что я, должно быть, пользуюсь особенным рачением добрейшего Николая Алексеевича и потому так робко трясусь за судьбу майоровских «подштанов». Еще раз, не оставьте их Вашим заступлением.

Значит, опять не обошлось без просьбы, – ну и прекрасно!

Поручаю себя Вашей опеке, почтительнейше целую руку Мирры Александровны и кланяюсь большим поклоном всем барышням.

Если в письме что-нибудь нескладно, то Вы, пожалуйста, догадайтесь, а то «перечитать всей этой литературы» некогда, ибо два часа, и я лечу, лечу и лечу, чтобы отдать письмо в вокзале.

Ваш всей душой

Лесков.

P. S. От силы таланта Писемского я в восторге. Это бронзовые изваяния какие-то. Могуче написано. Не могу удержаться и пишу ему.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

16 апреля 1871 г., Петербург

Некоторая многосторонность Вашего письма, уважаемый Петр Карлович, требовала собрания некоторых сведений, прежде чем ответить. Я так и сделал и вот отвечаю Вам пунктуально:

1) Милюкову я прочел строки Вашего письма, касающиеся его критики и его повести. Он Вам ответит на все это сам и сегодня же.

2) Замеченная Вами действительно хорошая статья в «Заре» под буквами №№ писана стародавним сотрудником «Русского вестника», ныне губернатором, Громекою!

3) Статьи моей о книге Общества любит~~елей~~ росс~~ийской~~ слов~~есности~~ в «Биржев~~ых~~ ведомостях» вы не увидите, потому что Трубн~~иков~~ боится, что это «поссорит его с цензурою», с которою ему хочется дружить. Усов этим очень сконфужен.

4) Вместо того чтобы просить Краевского, я взял набор моей заметки из «Биржев~~ых~~ ведом~~остей~~» и отдал его Милюкову с просьбою включить в первый его библиографический отчет в «Голосе», где он постоянно ведет библиографию и журналистику. Все это исполнено вчера. Милюков обещался сделать это через неделю, а набор своей заметки я дал ему потому, что у него нет книги, да и этак короче.

5) На редакцию «Р~~усского~~ в~~естника~~» трудно не жаловаться, ибо сами же Вы видите, что приходится лепить, да перелепливать тожде да к тому же, и ото всего этого не выходит ничего иного, кроме досады, охлаждения энергии, раздражения, упадка сил творчества и, наконец, фактических нелепостей и несообразностей, вроде тех, которые Вами усмотрены. Одним словом, я дописываю роман с досадою, с злостью и с раздражением, комкая все как попало, лишь бы исполнить программу. Может быть, я излишне впечатлителен, но тем не менее я ни гроша бы не стоил с меньшею впечатлительностью. Надо же было, кажется, пожалеть и эту впечатлительность, а не раздражать ее бестолковейшими хамскими приемами, после которых я чувствую только одно, что роману уже нельзя быть таким, каким я его задумал и вел в первой части. Он убил меня, этот «милый сердцем невежда», которому не понятно ни одно живое человеческое отношение. Мне не позабыть, как его ужасало, что Форов считает себя «нигилистом». Он думает, что можно заблуждаться все только в одну сторону... Да нет; уж лучше оставим и говорить про это! Не только кровь бросается в лицо, как у людей, а даже

Все кошки в негодование
У меня вертятся в брюхе,

как у лохматого Атта-Троля. И еще: я даже и Вам не верю в Вашу искренность, когда Вы говорите, что это «ничего». Это «ничего» стоит того «ничего», которое говорят парни неопытным девушкам, вызывая их «ночку коротать – разговаривать». Это то «ничего», которое, по пословице, «девок портит». Вы говорите: «это миф», – хорош миф, который дело портит и которого люди как черта боятся!

6) Статья Ваша, озаглавленная «Если бы», напечатана передовою статьею в страстную субботу 27 марта. Посылаю Вам ее вырезанную из «Бирж<евых> в<edomостей>». Барышни, значит, просмотрели, что и вполне свойственно их блаженной юности.

7) Критиков, помимо Милюкова, не знаю, где искать. Между дудышкинскими людьми есть некто Зарин, но он не подойдет, а другие все боятся Николая Алексеевича. Вчера мы обедали у Палкина (мы собираемся обедать два раза в месяц: я, Милюков, Маркевич, Данилевский и еще человек пять единомыслящих), и я укорял Милюкова за небрежение зовом, а Гр. Данилевский и многие другие заговорили, что «при Любимове нельзя писать критик», и вот Вам все и разговоры! И это «миф»? Впрочем, Милюков напишет «о непроизводительности в современном искусстве» и пошлет статью Вам. Не знаю уж, ловко ли это? Впрочем, Маркевич находит, что «ничего», а я опять повторяю мужичью присказку, что «ничего» девок портит. Впрочем, моя хата с краю, и я буду только радоваться, если критики, наконец, появятся в «Р<усском> в<естнике>». Катков обласкал Милюкова, и тот очарован Михаилом Никифоровичем, а М<ихаил> Н<икифорович> здесь все повторяет, что «Р<усскому> в<естнику>» нужна критика. Поимейте-ка это в виду! Я же остаюсь при своем, что из всех способнейший человек к критике это Вы, и Милюков все-таки не принесет той пользы литературе, которую принесли бы Вы, если бы сами взялись за это дело.

8) «Смех и горе» в отдельном издании уже заказаны в типографии Каткова, и Лавров прислал мне два первых листа корректуры, но на том все и стало. Прошу Вас: узнайте, пожалуйста, что сей сон обозначает? «Смех и горе» и здесь возбуждает у всех большое сочувствие. Могу сказать, что ни одна моя работа не шла при таком полном внимании читателей, как эта, которую «миф» «Русского вестника» продержал год под столами, все норовил откатнуть се ногой. Благодарю Вас за приятнейшее для меня желание Ваше видеть «Смех и горе» посвященным Вам. Ничего я не делал с таким удовольствием, как делаю это посвящение Вам, моему просвещенному руководителю, моему сердечнейшему поощрителю и драгоценнейшему и после смерти Дудышкина ни с кем несравнимому моему литературному другу. (Не бойтесь этого последнего слова, – моя дружба почтительна и помнит границы всех очертаний.) Я Вам пришлю посвящение, которое не хочу ограничить одним упоминанием Вашего имени на титуле книги, а напишу Вам несколько строк, определяющих характер драгоценнейших чувств, Вами во мне зарожденных и воспитанных. Кроме того, я скажу в том письме и о «Смехе и горе», по поводу одного весьма неприятного мне явления; все видят его «смех» и хохочут, но никто не замечает его «горя». Это мне очень досадно, и я ли тут виноват, или же и тут опять «и смех и горе»? Я пришлю это письмо к Вам, с тем чтобы Вы его обсудили, обдумали и, поправив, дали бы тиснуть в типографии и прислали мне. Надеюсь, что Вы все это сделаете, а теперь пока спросите Лаврова: за чем же стало дело? и скажите, чтобы печатали не 1800 экзempl., как было говорено, а 2400, то есть по-ихнему ровно два завода. Книжники к этому поощряют, и я рискую издать издание большое. Кому бы доверить московскую продажу? Вы хвалите Кольчугина. Как бы с ним уладить это дело? Молвите при случае слово. Условия я прошу те, что и Вы.

9) С Семеvским об экземпляре «Старины» переговорю «при случае», как Вы сами того требуете.

Теперь рапорт весь отрапортован.

Далее позвольте начать грубить Вашему превосходительству.

Ваш «виноград», наверное, никуда не годится: это в Вас,

...своеволием пылая,
Мятется юность молодая,
Опасных алча перемен.

У литературы есть своя «священная мерзость», которую мы весьма походим на жриц публичного разврата. Возьмите Вы и рассуждайте: почему бы уличной женщине не сделаться хорошею женщиной, если ее возьмет замуж честный работник? Ведь теоретики говорят, что она будет женою, но на деле она все-таки останется виконтессой Дюшкуранс! Это верно и подтверждено самыми беспристрастными наблюдателями. То же и с литературой: Вы со всем Вашим умом заблуждаетесь, что, сядя виноград, Вы уже и «не заглянули бы ни в газету, ни в журнал». Нет-с; этот «разврат», которому мы поработали в поте лица и в нытье мозга костей своих, не даст нам силы обречь себя на целомудренное молчание. Не быть из литератора вертоградарю, особенно же из литератора такого живого и чуткого, как Вы. Писемский вчера прислал мне большое и душевнейшее письмо, в котором сетует за меня, что «нет руководящей критики», и потом говорит, что «путь наш тернист». Да; противный, гадкий, колкий и голодный путь:

Жизнь без надежд –
Тропа без цели,

а все-таки мы с него не должны сворачивать, ибо куда ни повернем, везде скиксуем и потянемся опять пошляться на своей поганой литературной улице, и это наше благо. Почему? а вот почему-с, по бывалым примерам. Ни из одного литературного человека хозяина не вышло и не выйдет, а тем паче сельского хозяина. Рожь и виноград (все равно) зреют не так, как наши мысли, и разочарования в них не менее, чем на нашем тернистом пути. У меня был отец, большой замечательный умник и дремучий семинарист, в которого, однако, влюбилась моя мать, чистокровная аристократка. Отец мой был близок к Рылееву и Бестужеву, попал на Кавказ, потом приехал в Орел, женился и при его невероятной наблюдательности и проницательности прослыл таким уголовным следователем, что его какие-то сверхъестественные способности прозорливости дали ему почет, и уважение, и все что Вы хотите, кроме денег, которыми его позабыли. Он рассердился, забредил, подобно Вам, полями и огородами, купил хутор и пошел гряды копать, но... неурожаи, дрязги мужичьи, грозы, падежи и прочие прелести, о которых мы позабываем, предаваясь буколистическим мечтаниям, так его выгладили, что из него в пять лет вышла дрязга, а потом он и умер, оставив кипы бумаг, состоявших из его переводов Квинта Горация Флакка и Ювенала, сделанных им в те годы, когда матери нечем было ни платить за нас в училище, ни обувать наши ножонки (буквально). Второй пример есть Нестор Васильевич Кукольник, потом Степан Степанович Громека, которого вот, как видите, литературный разврат выводит из стен его губернаторского кабинета, где его никто не смеет обругать и облаять. Нет-с, равви мой благий, это Вы не дело затеваете, и Вам на этом не опочить! Ходит в народе глупая сказка, что будто бы три лекаря поспорили, что один глаза у себя вынет и потом вставит, другой еще что-то (не помню), а третий «утробу» вынет себе и назад вложит. Так и сделали и отдали вырезанное спрятать кухарке, а у той ночью крысы «утробу лекаря и съели». Баба в перепуге

заменила эту утробу свиною, а лекарь ее себе вставил и начал жить, но только всю жизнь потом удивлялся, что «что́, говорит, я ни ем: всякие шоколады и фруктеры, а все после г...ца хочется». Вот Вам подобие силы литературной жизни, к которой тянет и из губернаторских кабинетов, и потянет и из виноградника, и это еще благо, что этого «г...ца хочется», а то застой, коснение, измельчание. Почему измельчание? А потому, что хозяйничать хорошо или с хорошими и не малыми средствами, или со святым смирением мужика, а у Вас не может быть ни того, ни другого, и Вы скоро почувствуете тягость сугубую от сил неодолимых и от людей, имени человеческого не заслуживающих. Я это говорю не только с верою, но и с убеждением, которое не лжет мне, когда я думаю о Вас, о Вашей семье, счастье которой мне дорого и мило, и при этом припоминаю Русь такую, как я ее знаю от Черного моря до Белого и от Брод до Красного Яру. Нет; нет; хлопочите, берите виноградник, но не делайте бесповоротного шага от литературы, сколь бы она Вам сею порою ни опротивела. Опять и это вспомнится и поманится. А ко всему этому... (Христа ради, простите) у Вас дочери девушки, девушки милые, чудесные: за что это их-то прочь от людей и в виноградник? Ведь им жить надо; нужны люди, а не виноград. И далее... дальше все-таки Мирра Александровна станет заниматься тщательным хранением ножниц, которыми бабушки обрезают пупочки внучатам, а в свободное время будет вязать свивальники и обрубливать подгузочки из ваших выслуживших сроки рубах. Как же: ей тоже в виноградник? За что? Нет, это так не будет.

Л.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

19 апреля 1871 г., Петербург

Уважаемый Петр Карлович! Я получил Ваше письмо и корректуру в 12 часов, а в 2 часа уже отослал листы в Москву. Надеюсь, что они уже дошли до Ваших рук. Я сделал поправки по Вашему указанию, да они иначе и невозможны. Досадно, что все это было в своем месте в начале романа, равно как и характер Лоры там был заквашен, и вся эта закваска вылетела вон, а теперь надо ее вправлять, как выпавшую кишку. Предосадно! На Вас мне сердиться не за что, а все только надо благодарить. Вы во всем правы, и все Ваши замечания справедливы, и я их всегда беру к «милому сердцу», как говорят нежногосые чехи. Спасибо Вам, благороднейший из знакомых мне и присных! Не знаю: как Вас благодарить за все незаслуженные знаки Вашего расположения? Авось жизнь не даром кладет это в мое сердце. Я очень рад; несказанно рад, что мне довелось узнать Вас и на себе испытать благое влияние Вашей очаровательной мягкости. Книги мои, наконец, готовы и сегодня же Вам посылаются. Пожалуйста, проштудируйте все мои силенки и скажите мне Ваше прямое мнение. Силы должны быть, но они как-то нестройно слагаются и крепнут медленно. Я чувствую, что я все шатался до самых «Божедомов». Напишите мне письмо обо мне, ни на волос не щадя меня. Я от Вас с радостью выслушаю самый суровый приговор, ибо я верю, что теперь с критическою верой один человек — это Вы. Мне Ваши мнения очень дороги, и я Ваше письмо приплету к тому заветному экземпляру, который передам дочери. Напишите спрехвала (по мере чтения) несколько слов в осуждение и в одобрение каждой штуки, которую прочтете. Это будет для меня дорогой подарок. Я ведь, работая восемь лет, еще ни одного слова критики не слыхал... Каково это? Писемский (спасибо ему) сетует об этом. Я бы, кажется, воззрился в себя и окреп бы скорее, если бы мне кто-нибудь помог советом и указанием рода моих сил и преимуществ и недостатков моей манеры и приема. Ради бога и любви моей и моей веры в Вас: не читайте моих сочинений без пользы для меня, а напишите в назидание мне критическую статью обо мне. Гр. Данилевский известил меня, что такая статья готовится в «Заре» Страховым,

но я жажду Ваших советов, одобрений и порицаний. Будьте ко мне строги как возможно, но поспособите мне уразуметь себя и не шататься. Напечатайте эту статью где хотите – хоть у Юрьева, если не в «Р<усском> в<естнике>», где, впрочем, пора бы обо мне поговорить. Не отказывайтесь, что Вы не критик, – для меня Вы единственный полезный мне критик, и я, как милости слабым силам моим, прошу: поставьте меня к ставцу лицом... Не откажете же Вы мне в этом, если вправду верите, что на мне может лежать некоторая доля литературных надежд? Я доведу до ведома потомства, что я, слепо и зряче веруя в Вас, просил у Вас строгой себе критики, и, может быть, Вас позднейший критик укорит, если Вы мне в этом откажете. Успокойте меня и скажите, что я прочту о себе статью за Вашею подписью.

Теперь еще просьбы: в одном месте найдете в рукописи «Смеха и горя» описание комнаты генерала Перлова. Там у него есть «портрет царя Алексея Михайловича с указом». Припишите, пожалуйста, еще «в углу большой образ святого пророка Илии с обнаженным ножом и с подписью: „Ревнуя поревновах о вседержителе“».

Посвящение и письмо для первой страницы пришлю Вам на сих днях (сегодня очень устал). Пожалуйста, когда увидите Лаврова, скажите ему, чтобы корректор вел счет главам наизново. Я делаю деления, а мне порядка цифр не видно, и я просто ставлю «глава».

И еще – остальное и последнее: попросите Любимова прислать мне в бандерольке избранные листы этой части, а то у меня нет следа, ибо набирается прямо с чернового. Пусть бы он велел это сделать тотчас.

Кланяюсь Вам и семейству Вашему большим обычаем.

Ваш докучатель

Н. Лесков.

Видел я на столе у К<аткова> Вашу статью о конкордате. Это очень любопытно по тому, что я успел пробежать; но, значит, еще книжка не скоро, если Ваша статья путешествует в Питер. Кто же это кончит дело о «Р<усском> в<естнике>»? А его можно бы, кажется, двинуть, и это, ей право, было бы и веселее и сытнее виноградника.

Однако я совсем сплю, и поздоровь Вам боже на то же самое.

Ник. Лес.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ **22 апреля 1871 г., Петербург**

Вчера на вечерушке у князя Влад. П. Мещерского я и Гр. Данилевский снова попали под струи известного потока и поплыли по нем вместе с Михаилом Никифоровичем. Вы, конечно, догадываетесь, уважаемый Петр Карлович, что я хочу сообщить Вам нужные вести о «Вестнике». Дело в том, что М. Н. К<атков> саморешительнейше говорил о критике, то есть о необходимости критического отдела для «Р<усского> в<естника>», дабы «не оставлять его сборником безгласным и не давать развиваться на его счет успеху „Вестника Европы“». Тут был и Милюков, и я, и Данилевский, и Мещерский. Все мы, разумеется, просили не дать заглухнуть журналу, и Мих<аил> Никиф<орович> „бе в душе“ и сказал, что он это решил и сделает, только давайте хороших статей. Тогда аз грешный восстал и рек, что статьи будут, ибо все мы о них станем заботиться, но что одного такого критика, который бы единою своею рукою пополнил целый критический отдел, нет, да и быть не может при нынешнем развитии издательства. Что, по моему, надо всем писать, кто к чему влечет и в чем чувствует себя в силах выразить слово, а дабы все эти статьи были проникнуты единством мысли и направления, должно, во-первых, чтобы все они были без подписей, а во-

вторых, чтобы они шли через одни руки и дабы этот редактор группировал их и примирял их несогласия в частностях. Мих<аил> Никиф<орович> мой проект очень одобрил, и все другие были тоже на моей стороне. Мих<аил> Ник<ифорович> сказал: „пишите и отдавайте Бол<еславу> Мих<айловичу>, пусть он собирает“. Я опынился, выразив, что этак опять дело не пойдет, потому что речь не о лице, которое бы только собирало, а о таком, которое бы собирало и строило отдел, то есть редактировало статьи, причем я указал, как это делалось у Дудышкина в „Отеч<ественных> зап<исках>“, где в последнее время была последняя критика, которую писали многие, а редактировал один. Я сказал, что хорошо бы, если бы редакционные работы „Р<усского> в<естника>“ были разделены так, чтобы, например, Вы ведали самостоятельную критику и чтобы с работою этого сорта, в форме ли больших статей или в форме мелких библиографических заметок, люди относились прямо и непосредственно к Вам, – так, чтобы Вы были ответственный министр этого министерства. Мих<аил> Н<икифорович> это одобрил, особенно после того, как ему стали докладывать и выкладывать, что оно даже и непозволительно вести весь журнал одному человеку, да еще занятому не одним делом. Заключилось это почти буквально таким молением: „Дайте нам Щебальского, – пусть он будет у вас для критического отдела, и мы все станем работать и присылать ему свои критические наблюдения и будем искать хороших работ на стороне“. Мих<аил> Ник<ифорович> отвечал: „Что ж?.. я очень рад, очень рад, пусть так будет“. Я закрепил эту просьбу еще вопросом: будет ли это слово крепко и легко? А граф Данилевский добавил, что „не напрасно бы работать, потому что при нынешнем положении никто не хочет посылать статей?“ Мих<аил> Н<икифорович> дал слово нам, что будете с нами Вы, и уполномочил нас и самих работать и искать хороших критических работ, где только могут попадаться. Вот Вам обо всем этом отчет, как к сведению, так и к надлежащему, буде пожелаете, руководству. Мы Вас просим и спрашиваем себе и у Вас самих и у „начальства“, – потянитесь же и Вы к нам на наш призыв и тяготение. На этой неделе мы хотим устроить Михаилу Никиф<оровичу> обед от горсти нас, литераторов московского уряда мыслей, и на этом обеде, благодаря его за все им сделанное, опять станем молиться и кучиться ему порадеть об поднятии совершенного упадка литературной критики и, наверное, еще заручимся его словом, которое он дает весьма, по-видимому, некрепко. Помогайте и сим способом и сами забирайте в руки гибнущую силу популярного еще до сих пор журнала. Хотелось бы верить, что Вы слова эти примете к сердцу и отзоветесь на них.

Теперь-с вот что: пожалуйста, пришлите мне те листки „Смеха и горя“, которые я написал в Москве и вручил Вере Петровне с просьбой пришить их к тетради. Отделите их снова: я хочу еще кое-чем оснастить заключение.

Ваш Н. Лесков.

А. С. СУВОРИНУ <Март – апрель 1871 г., Петербург>

Роман Лескова (Стебницкого) „Божедомы“, бывший предметом процесса между его автором и журналом „Заря“, приобретен на сих днях „Русским вестником“ и начнется в этом журнале тотчас по окончании романа „На ножах“. Печатание этого романа покажет, сколь справедливы были претензии редакции „Зари“ в отношении размеров этого романа, и даст возможность по достоинству оценить добросовестность и компетентность литературной экспертизы г. Ключникова, утверждавшего перед судом, что крохотный кусок этого романа, „Плодомасовские карлики“, напечатанные в „Рус<ском> вестнике“, составляет существенную часть „Божедомов“. Зачем бы, кажется, в таком случае „Русскому вестнику“ приобре-

тать остальные двадцать листов, когда все существенное, по мнению литератора Ключникова, было уже в том одном листе, на котором напечатаны „Карлики“, – эпизод, рассказанный одним из лиц романа на пирушке?

Подивитесь сей странной добросовестности, столь нагло и дерзко скованной на суде! Не скажешь же, что к одному нигилизму пристают мерзавцы и что в нем одном они возможны! Это прохитное дрянцо, которого я же выписал и втер в редакцию, а оно так неосторожно стремилось доказать свою „преданность и уважение, и уважение и преданность“.

Страхов был несравнимо честнее и отказался дать такое свидетельство, что и послужило началом к возникшему потом охлаждению между ним и редакцией. Вот каких, государь мой, имеем у себя сподвижников!

<Без подписи.>

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

7 мая 1871 г., Петербург

Уважаемый Петр Карлович, здравствуйте! Во-первых, я скучаю, давно и давно не получая от Вас ни одной милой для меня строчки. Порою думаю: не рассердились ли Вы на меня за что-нибудь и не перестали ли любить меня понемножечку, но потом отказываюсь этому верить, потому что не знаю тому никакого повода. Не докучил ли я Вам своими письмами да комиссиями? Это легко быть может, однако и в этом случае будьте долготерпеливы и многомилостивы, ибо мне без Ваших милостей нельзя обходиться. (Хороша причина и обстоятельство!) Посылаю Вам всё, то есть переделанный конец „Смеха и горя“ и посвящение Вам этой книги с письмом к Вам, назначаемым для печати во главе книжки, вместо предисловия. Учините, бесценный благодетель мой, следующие распоряжения и настояния.

1) Велите набрать и конец повести и письмо и в корректурах просмотрите, и то и другое с полномочием от меня выпустить или приписать, где что-нибудь найдете необходимым, но ради бога не доводите этого опять до Михаила Никифоровича, потому что при его теперешней сосредоточенности на другом предмете и при его недугах это того и гляди что заляжет в длинный ящик, или снова явится перерыв или затяжка, как с Вашей статьею о конкордате. Теперь я видел, как это бывает и как трудно этому быть иначе. Лучше сами больше выпустите, если найдете нужным, но не вносите, пожалуйста, на апелляцию.

2) Само собою разумеется, что все это касается только повести, где я, однако, непременно прошу сберечь конец, то есть не самые последние строки, которые могут быть и не быть, а рассказ о том, как Ватажкова высекли в Одессе, и главное, его заключительное письмо ко мне о моей ссоре с немцами. Это ставлю *conditio sine qua non*.³

3) Письмо же к Вам, посылаемое почти без просмотра, ибо очень спешу, прошу Вас выправить, обдумавши его со многих сторон, и уже по Вашей выправке велеть тиснуть и прислать мне тот оттиск.

4) Равно прошу Вас сказать Лаврову, что я всегда на другой же день возвращаю корректуры и у меня ничего не задерживается. А если что не получается, то это, значит, пропало на почте.

5) Прошу г. Лаврова набрать, тиснуть и прислать мне обертку по прилагаемому оригиналу и на такой бумаге, какую он намерен мне поставить. Я же прилагаю образчик вышедшей на сих днях книги Сарсе (изд. Гиероглифова) и заявляю желание, чтобы моя книжка была как можно более похожа на эту. Бумага дикого цвета скучна, и на ней этикет не так ярко кричит, как на желтой.

³ Непременным условием (лат.).

6) Надеюсь, что „Смех и горе“ вы покончите теперь не более как за два приема, то есть кроме того, что уже, вероятно, приготовлено к следующему № (10 мая), останется на один номер. Пожалуйста, попротежируйте, чтобы не тянули и чтобы Лавров тоже не медлил. Вы знаете, какая большая разница выпустить книгу в мае, когда люди разъезжаются по деревням и дачам, или в июне, когда уже никого нет в городе.

7) (Экая бессовестность, уже седьмое!) При случае устройте 800 экземпляров „Смеха и горя“ Вашему книгопродавцу Кольчугину совершенно на тех же условиях, на каких Вы признаете удобным доверять ему Ваши издания. Что он на это скажет и как с ним надо написать условие? Я буду в Москве проездом в Киев в июле, но это надо сделать ранее, чтобы вся московская порция книги поступила к нему, как только выйдет из типографии. Пусть бы он мне написал, если он письменнее петербургских редакторов Кашпирева и Трубникова, имеющих свои понятия о вежливости и об английских королевах.

Затем что же еще? Как нахальные гости, обглодав кости, тотчас берутся за шапки и идут спать, так и я: навалил Вам три короба просьб, рекомендую Вашим слугой и почтителем и этой не стоящей монетой расплачиваюсь за Ваши обязательнейшие одолжения. Впрочем, нечего более и делать и нечего сообщать. Все мы здесь поделались такими учеными, что только и речей что про образование, и уж леший знает, когда эта скука окончится? Однако пораду Вас и прогрессом: на сих днях узнаете о новом законе, по которому сослуживцы капитана Постельникова получают право входа в новые суды и имеют по-старому право участвовать в следствиях и по-новому даже производить их сами. Слышано сие из источника верного (от князя Мещерского и Бориса Обухова). Как не радоваться таким сюрпризам? „Принц голландский“ по осмотре его с разных сторон, говорят, не годится. На мой взгляд, он тоже не авантажен. Я думал, что уж плоше короля Неаполитанского (похож на лакея) ничего нет хуже, но этот „голландский“ превзошел мои ожидания. Имеет, однако, какое-то фамильное сходство с фельетонистом „Голоса“ г-ном Нилом Адмирари, но как Вы таких больших людей не знаете, то, стало быть, Вам это все равно что ничего, да оно и действительно ничего. Будьте храбры и здоровы.

Н. Лесков.

Нельзя ли напомнить ее сиятельству Вере Петровне, что она со мною „не по поступкам поступает“, я ее карточку раскрасил, а она мне вместо другой шиш под нос.

Позвольте также осведомиться: получили ли Вы мои бессмертные творения?

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ

17 мая 1871 г., Петербург

Благодарю Вас покорно, достоуважаемый Алексей Феофилактович, за Ваши строки, за выраженное в них доброжелательство ко мне, и всего усерднее благодарю Вас за высокое и превысокое наслаждение, доставляемое мне „Водоворотом“. Я прочел вчера IV кн. „Беседы“ и совсем в восторге от романа, и в восторге не экзальтационном, а прочном и сознательном. Во-первых, характеры поражают верностью и последовательностью развития; во-вторых, рисовка артистическая; в третьих, экономия соблюдена с такою строгостию, что роман выходит совсем образцовый. (Это лучшее ваше произведение.) А наипаче всего радуюсь, что... „орлу обновишася крыла и юность его“.

Зачем Вы жалуетесь на „склон своих дней“, когда Вы еще так сильны и молоды душою и воображением? Это нехорошая у нас, у русских, привычка. Диккенс умер 73-х лет, пишучи роман, а мы чуть совершили пять десятков, сейчас и записываемся в „склон“. Зачем это? Правда, что в нашей сторонешке нестройно живет и потому человек ранее оттрепывается,

но все-таки Вы еще романист на всем знойном зените Ваших сил, и я молю бога поддержать в Вас эту мощь и мастерство поистине образцовое.

Роман Ваш вообще публике нравится, но, конечно, имеет и хулителей, но и их нападки (очень грубые) направлены против одного, что „очень-де нескромно и цинично“. Вот Вам здешние толки о Вас, передаваемые со всею искренностью и прямою. Я относительно „скороми“ имею свои мнения и не почитатель ее. По-моему, она имеет для автора то неудобство, что дает на него лишний повод накидываться, а читателя немножечко ярит и сбивает чересчур на известный лад, но „у всякого барона своя фантазия“, а что эти осудители говорят по поводу „Водоворота“, то это вздор, ибо, за исключением сцены в Роше де Конкаль и глагола „ты ее изнурил“, остальное нимало не шокирует. Сцена же родов так целомудренно прекрасна, что в ней „виден бог в своем творении“, и ее надо ставить рядом со сценою родов сына Домби у Диккенса. Это просто грандиозно, и на такой-то цинизм помогай Вам бог, что бы кто ни ворчал и ни шипел от безвкусыя, мелкой злобы или безделья.

Засим примите, пожалуйста, еще раз мою благодарность и почтение глубокое и искреннее. Посылаю Вам мою карточку и прошу прислать мне Вашу с вашею надписью. Поклон мой низкий Катерине Павловне, вашему сыну и Б. Н. Алмазову.

Н. Лесков-Стебницкий.

P. S. От Юрьева нельзя добиться ответов. Я дал ему переписку Журавского и до сих пор не знаю: нужна она им или нет?

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ **17 мая 1871 г., Петербург**

Получив Ваше письмо от 14 мая, я тотчас же принялся за то, чтобы выполнить Ваши указания, уважаемый Петр Карлович, – и вот Вам отчет по пунктам.

1) Адрес Милюкова (Александра Петровича) – Офицерская улица, д. Китнера, кв. № 5.

2) Милюков вполне согласен с Вами, что в журнале критика должна исходить от редакции, а не от одного лица, и будет присылать статьи, заготовленные таким именно образом и не подписанные. А что до меня, то я признаю это даже необходимым, по всем тем соображениям, какие имеете Вы, и еще по другим, моим собственным, весьма и весьма, по-моему, важным. Тут важно уже одно то, что исчезает во всяком случае стеснительное авторское самолюбие, то есть исчезает в значительной мере, если не совсем, а я имею слабость думать, что Вам придется с статьями порядочно хозяйничать.

3) Рецензии, конечно, уже совсем не годится подписывать, да это и нигде не делается.

4) Обо мне, как об авторе, Милюков Вам напишет, хотя он теперь очень болен – его на старости щелкнул пострел в поясницу, и он не может разогнуться и сидит, как кикимора.

5) Милюков и я просим письма к Баунову о выдаче нам для прочтения новостей книжных под наши расписки. Это так здесь принято, да иначе нельзя, ибо невозможно покупать всех выходящих книг на свои деньги. Книга может стоить 3–5 руб., а напишешь о ней на полтинник. Лучше их брать и возвращать, по доверию редакции (конечно, если это не встретит препятствий).

6) С Мещерским увижусь в среду, но он в пятницу уезжает, и во все лето на него вряд ли можно рассчитывать.

7) Маркевичу все скажу завтра же, но я не знаю, он станет ли писать рецензии.

8) Мы рассчитываем на Данилевского, который на перо весьма боек. Впрочем, Вы вообще не беспокойтесь, – это дело пойдет.

9) Я могу писать рецензии, много их писал и чувствую любовь к этому занятию. Скажу более: не попал бы я более всех в Ваш тон и в манеру, так как на последнее я „обезьяну съел“.

10) Желаем знать: нужны ли обзоры журналов? В таком случае я взял бы на себя нигилистические, то есть „Дело“ и „Отсечественные“ зап<иски>“ и сумел бы обходиться с ними смехом.

11) Семейского видел и имел случай спросить. Экземпляр посылается лично Вам.

12) О „Записках Общ<ества> люб<ителей> р<оссийской> сл<овесности>“ Милюков написал в „Голос“ (вклеил мою заметку), но Краевский не пропустил, как кажется, по настоянию Феоктистова (а может быть, это и не так).

13) У Семейского будет отзыв об этой книге, которую он при мне же и взял у Базунова.

14) Катков уезжает послезавтра и едва ли совсем довольный делом. Толстой не умел этого ни поставить, ни провести, и вообще он не мастер орудовать.

15) Удивляюсь, что Вы не получили книг, которые Вам бог весть когда посланы! Дело в том, что Базунов соскрябничал и, вместо того чтобы послать тючок по почте, как я просил, спровадил его Соловьеву в магазин, где книги, вероятно, и вылеживаются. Пожалуйста, зайдите и справьтесь и получите или напишите. Ужасно досадно! А я уж так и пишу Любимову, что Вы знаете мои работы... Пожалуйста, справьтесь, что же это за притча еще?

16) О „Божедомих“ жду Ваших строк и непременно ими воспользуюсь.

17) Кстати о „Божедомих“: я предложил Кашпиреву получить свои деньги с меня или прямо из редакции по моей доверенности по напечатании „Божедомов“. Прилагаю Ваше письмо посредника наших отношений. Из этого письма Вы увидите, что требует Калатозов. Само собой разумеется, я не хочу впутывать в эту дрязгу К<атко>ва (да он на это и не пойдет), но нельзя ли чего-нибудь сделать для этих... Я бы почитал удобным получить за подписом Дюбука письмо, в котором бы значилось, что вследствие-де моего заявления об уплате из причитающегося мне гонорария 1 900 р. (насчитали проценты, расходы, и пр., и пр.) сумма эта по напечатании романа „Божедомы“ может быть выдана Кашпиреву по представлении им на то моего согласия. Посудите с Николаем Алексеевичем – нельзя ли меня таким образом развязать с этим тягостнейшим делом?

18) Трубников совсем обременился и никому не платит! Я ездил, ездил за 54 рублями, да нахожу, что уж себе дороже стоит путешествовать, а вчера ко мне пришел растерянный Усов. Труб<ников> его отставил по неимению средств платить, и бедняк без гроша и без работы. Я просил у Мих<аила> Н<икифоровича> предоставить ему торговые корреспонденции, в чем Усов знаток. М<ихаил> Н<икифорович> обещал непременно дать мне ответ, но Усов, не дожидая этого ответа, пошлет пробные работы в редакцию, но на Ваше имя.

Он надеется, что Вы ближе многих других примете к сердцу его тяжелую долю и поможет ему поступить на экзамен. Я ему сказал, что он надеется на Вас не понапрасну, и он „держит“. Ради бога поспешите: он добрый человек и очень, очень несчастлив, по милости этого плута Т<рубнико>ва.

19) Не должен ли Вам чего-нибудь этот бездельник? В таком разе пришлите мне, пожалуйста, особую записочку, – я с ним справлюсь.

20) Комаров открывает газету с осени, ежедневную, по 12 р. Лист будет средней величины. Приглашает меня и Милюкова.

21) Где Вы изволите жить в Московской губернии?

22) Прошу Вас доложить ее сиятельству Вере Петровне два слова: „Благодарю, не ожидал“.

Кажется, все отрапортовал? Теперь и до свидания.

Ваш Лесков.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ
26 мая 1871. СПб

Очень рад, что книги мои, наконец, доехали до Вас, уважаемый Петр Карлович. Они, по моим справкам, получены в Москве Соловьевым 21 апреля, — значит „немножко пролежали“. Теперь зато читайте их и, зная, что Вы сами пожелали их иметь, имейте в виду слова того хохла, который купил себе очень горькую редьку и, евши ее, со слезами говорил: „бачили очи, що куповали, топерь еште же“. Без шуток, я очень хочу, чтобы Вы знали мои литературные шатательства и помогли бы мне понять себя и стать на мою дорогу, а для этого нужно, чтобы Вы меня прочитали. В этих „бессмертных творениях“ вся моя литература, кроме еще одной книжечки, которая должна выйти на сих днях и которую я тотчас же пошлю Вам, с просьбою замолвить о ней где-нибудь подходящее словечко. Заметка моя о „Чтении в Обществе л<юбителей> р<оссийской> слов<есности>“, наконец, вчера появилась под чужим флагом, то есть в конце фельетона Милюкова. Имея в виду, что Вы, живучи теперь где-то в безвестных палестинах, пожалуй, не знаете, что происходит у нас, европейцев, посылаю Вам клоч, оторванный от органа Андрея Краевского.

Корректуры „Смеха и горя“ шлются ужасно медленно. Я просто в отчаяние прихожу от этого толстого Михаила Николаевича. Ради бога, подшпорьте его! Замечаниями Вашими непременно воспользуюсь, но сожалею, что Вы сами не прибавили того, что находили нужным. Ведь я же вас просил не церемониться. В конце июня будем видеться: я поеду к братьям в Киев и тогда с радостью все выслушаю и восприму все, что касается „Божедомов“. Я сам рад с ними возиться и знаю, что это, может быть, единственная моя вещь, которая найдет себе место в истории нашей литературы.

„Ножам“ здесь стали даже очень довольны. Милюкова видел сегодня, но до получения Вашего письма. Он все еще болен и едет проветриться в Варшаву к дочери, а оттуда в Москву, чтобы видеться с Вами и войти в ближайшие кон siderации с редакцией „Р<усского> в<естника>“ (что и должно послужить новым опровержением Вашего мнения, что сия редакция есть „миф“). До осени все будут отлынивать, а не один Маркевич, но с августа должно, кажется, начаться действо. Один лишь Мещерский вряд ли будет писать — он страшно разобиделся на „миф“ за самовластие с его „митральезой“, из коей будто бы выстрелили не полным его зарядом. Не говорю об этом ничего более и не сужу, кто прав, кто виноват, но только он сказал, что ни за что „им“ строки более не даст. Я обнаружил в этом деле часть отличающих Вас дарований соглашения и извинял редакцию по ей одной, может быть, известными соображениями, а также сказал шамбеляну Болеславу, чтобы они с своей стороны поуспокоили княжеский гнев. Мещерского всегда жаль потерять. И что это, однако, за манера самовластничать?

Самовластительный злодей!
Тебя, твой род я ненавижу;
Твою погибель, смерть детей,
Я с злобной радостью вижу,
и т. п., и т. п.

Одним словом, это очень досадно, если Мещерского непременно придется потерять! (Хотя, впрочем, я, судя по рассказам, думаю, что редакция, блюдя единство направления, не могла печатать того, что она исключила, — но надобно было об этом списаться, а не трах-тарарах! да и херь во всю рукопись.)

Семевскому напишу сегодня же, чтобы он надписывал Ваши экземпляры.

Вчера был у меня Усов. Он кое к чему уже приютился, но все-таки дорожит и торговыми корреспонденциями „Московских ведомостей“, а я его рекомендовал Михаилу Никифоровичу как человека самого сведущего, честного и аккуратного, и М<ихаил> Н<икифорович> был не прочь. Теперь же Усов говорит, что он уже послал первую корреспонденцию на Ваше имя. Черкните, пожалуйста, мне о судьбе этого писания, сего злополучного изгнанника трубниковского „биржевого сквера“, где все птицы поют по своему голосу. – Насчет „серьезных“ разбирателей Дарвина покорно Вас благодарю и даже обижаюсь. Я думал, что Вы о нас имеете более верные понятия.

Храни Вас бог от мух и блох.

Н. Лесков.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ **5 июня 1871 г., Петербург**

Благодарю Вас, дорогой Петр Карлович, за память и желание знать обо мне. Я только вчера поставил точку под 5-ю частью „Ножей“ и послал их Любимову. До этого события я не давал себе никакой льготы и в эту пеклую жарницу все пер и пер, как осел. Не знаю, что уж там и вышло! Последняя 6-я часть вся написана и переписана. Она опять сделана очень тщательно: я много пыхтел над сценами убийства и народными сценами на похоронах, и они мне удались. Шестую часть везу с собой, чтобы еще раз перечитать ее в Киеве, ибо теперь голова моя не понимает ровно ничего, кроме желания отдыха, который дай бог начать с свидания с Вами, мой благороднейший доброжелатель и добродетель. Я выезжаю в Киев 7-го числа с почт<овым> поезд(ом), а 8-го утром должен быть в Москве, где только сложу мой саквояж в редакции да условлюсь с Лавровым относительно счетов, и затем в тот же самый день, то есть 8-го числа, в четверг, буду спешить в Балашове с нетерпением видеть Вас и Ваше милое семейство. Поистине судьба будет милостива, даруя мне возможность так, а не иначе начать мое путешествие после труда, сделавшегося просто несносным!

Милюкова нет и следа. Где бы это он пропал?

„Смеха и горя“ здесь продано все, что прислано, то есть 200 экз<емпляров>.

Новая работа задумана как раз в этом же роде, и я к ней рвусь с жадностью. Это будут „Чертовы куклы“, – все будет о женщинах. В приеме намерен подражать „Серапионовым братьям“ Гофмана. Все это мне нравится, и мы поговоримте, и Вы мне посоветуете.

До свидания!

Ваш всей душой

Н. Лесков.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ **8 июня 1871 г., Петербург**

Достойнейший Петр Карлович!

Благодарю Вас за Ваше письмо, хотя оно повергло меня в бездну недоумения: когда это Вы изволите диспарироваться во Псков? Это бы надо знать, потому что мне, конечно, надо Вас видеть в оба мои проезда через Москву, а так можно устроиться, что в оба и не увидишь. Вас вообще давненько стало нужно укорить некоторого рода растерянностью, благодаря которой я не знаю ни того, где Вы живете, ни того, получаете ли мои эпистолы, ни того,

наконец, когда Вы уезжаете, но надо все это отнести за счет Вашей летней резиденции, где Вы там ее основали и бродите небось до упаду да мечтаете... К Вам вчера поехал Александр Петрович Милюков, и он-то где-то просверлил носом щелку и увидел, что Вы будто живете в Мытищах, где он и намерен Вас изловить. Письмо Ваше я получил получасом позже того, как у меня был Милюков, а вчера я ездил на железную дорогу, чтобы предупредить его, что Вы собираетесь во Псков, но все глаза проглядел, а его не видал. Так он и понесся, значит, на „уру“ – увидит Вас, так видит, а не увидит, так, посетив Мытищи, получит право говорить, что он „был в Риме и не видал папы“. Между тем как он едет наудачу, я так же точно шлю это письмо к Вам, с одним лишь желанием получить от Вас известие: где Вы и когда уезжаете? Если я не получу скоро ответа, то буду считать, что Вы уже, значит, укатили. Но про всякий случай пишу Вам неизменный мой ответ насчет „Божедомов“. Дьякон положительно не должен быть пьян перед сценою на огороде – это мой недосмотр или, лучше сказать, забывчивость: я давно решил это зачеркнуть и поставить, что он пил чай за своей беседой, а не водку. Прошу Вас это сделать за меня. Дневник Туберозова, может быть, и объемист, но он нежно любим публикою и весьма почитается. Я уполномочиваю Вас, однако, сделать в нем те сокращения, какие Вы признаете полезными, но непременно Вашей рукою, осторожно и доброжелательно. Термосесова и других лиц выпускать признаю невозможным, но на некоторые сокращения опять-таки даю Вам полное доверие. А что касается до недостатка хороших людей на смену Туберозову, Захарию, Ахилле и Николаю Афанасьевичу, то и этим делать нечего, и сколько бы я ни хотел угодить почтенной любви Вашей к хорошим людям, не могу их обрести на нынешнем переломе в духовенстве русской церкви. Изображенные мною типы суть типы консервативные, а что дает нынешняя прогрессирующая церковь, того я не знаю и боюсь ошибиться. Разве бы пересадить туда Евангела, но это значило бы повториться. Хроника же такая, как „Божедомы“, должна быть строго верна правде дня, и я возмущаюсь против Вас, мой благороднейший руководитель, и желаю оставить дело на том, что „Старогородской поповке ударил час всеобщего обновления“. Как это будет обновление церкви с Дмитрием Толстым на крестовом шнурке, того мое художественное чутье не берется предсказать мне, и Вы, простирая такое требование, мне кажется, погрешаете, стесняя свободу художественного чувства. Я не враг церкви, а ее друг, или более: я покорный и преданный ее сын и уверенный православный – я не хочу ее опорочить; я ей желаю честного прогресса от коснения, в которое она впала, задавленная государственностью, но в новом колене слуг алтаря я не вижу „попов великих“, а знаю в лучших из них только рационалистов, то есть нигилистов духовного сана. Что же я стану пророчествовать? Туберозов умер с верою в лучшее; Вы живете с этой верою; я точно так же верю, и по вере нашей нам и дается; но что это и как будет сие? – про то я не знаю и говорить не могу. Впрочем, побеседуемте: я так верю Вам и так люблю «Божедомов», что готов всегда еще и еще с ними повозиться. Все, что Вы говорите о моей памяти, это правда. Я всегда, задумывая план, беру не в меру широко и хочу обнять целые миры и тем себе врежу. Спасибо Вам за все, и наипаче за обычный говорить со мною с уверенностью, что я люблю Ваше слово и ценю его. Жду ответа.

Н. Лесков.

М. Н. КАТКОВУ(?)
21 июля 1871 г., Петербург
Ночью

Пишу Вам у князя Влад<имира> Петровича Мещерского, имея перед собою гранку стенограммы «Правительственного вестника» о заседании суда по нечаевскому делу 21-го

июля. Столбец этот (доставленный Гр. Данилевским) заключает в себе следующую вымарку, сделанную Эссенем (в речи Черкезова, – не Черкесова).

После слов «Мы должны уничтожить, стереть с лица земли лиц особенно вредных при начале движения» вымарано: «Опасными могли бы быть те люди, опыт, знание и таланты которых всем известны: такие люди находятся у нас в военном ведомстве, как, например: Тотлерен, Черняев и т. п. Но не этих людей хочет уничтожить „Народная расправа“, а бывшего министра вн<утренних> дел Валуева; настоящего министра Тимашева, шефа жандармов генерала Мезенцева, петербургского оберполицеймейстера и, наконец, пресловутого Каткова. Устранение этих лиц могло бы мотивировать и тем, что в руках их находится высылка административным путем; они могут делать распоряжения об обысках и арестах; г. Мезенцев заведует деморализующим шпионством, и, наконец, Катков, деятельность которого известна и о котором нельзя ничего другого сказать, как то, что выразил о нем Герцен в своих письмах к русскому путешественнику: „Это публичный мужчина в России“».

Ниже через шесть строк опять вымарка в шесть же строк, где указывается на авторитет Герцена и «Незнакомца „Петербургских ведомостей“».

К этому новости:

- 1) Флоринский получил приглашение быть народным учителем разом в пять школ.
- 2) Орлов на поезде в Петергоф и в самом Петергофе удостоился восторженных оваций.
- 3) Для Дементьевой идет подписка на приданое.

4) Гр. Пален прибыл 18-го числа, но в должность не вступал. Он страшно огорчен поведением Любимова и Половцева и плачет, а в министерстве объявили, что он увольняется и завтра едет в Петергоф с просьбой об отставке. – Князь Вл<адимир> Петр<ович>, однако, имеет соображения, что это кончится ничем.

5) Шувалов тяжело болен приливом крови к почкам и потерял употребление языка (пишу со слов Шебеко).

6) Вся публика, присутствующая на суде, переписана, и оказалось, что все эти лица – шайка единомышленных подсудимым. Вчера несколько человек из этих господ потребовали, чтобы вывели четырех человек, назвав их шпионами III отделения, которые будто бы подбивали их сделать демонстрацию. Пристава это исполнили (со слов Гр. Данилевского).

7) При речи Спасовича две дамы сидели за судейскими столами. Председатель этого не возбранил.

Н. Лесков.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ **7 октября 1871 г., Петербург**

Я давно собирался писать Вам, уважаемый Петр Карлович, да все откладывал, поджидая вначале домолвок к недомолвкам Мещерского, а потом начал сам собираться в Москву (и скоро приеду). Мещ<ерский> давно, то есть месяца два, говорил при мне с Ф. Тютчевым о Вашем труде по истории Екатерины и о неудачах, Вами встреченных, для окончательного посвящения себя этой достойной Вас работе. Сожалели об этом все, кто тут слушались, и пошла речь о том, что Вам, кажется, можно бы не покидать дела и совершить его на положении свободного художника, то есть без тех казенных пособий, которых Вы искали. Не помню: не был ли тут и Гр. Данилевский, но кажется, что нет. Говорили много, конечно всё с сочувствием к Вам, и я, как человек простой, просто и молвил, что все-де сочувствия этому человеку слышать приятно, но укорять его за нежелание взяться за работу на правах вольного мастера не следует, потому что Петр Карлович этого сделать не может. А

почему не может – про то опять пошли речи, в коих я еще раз наблюдал, как трудно верблюду лезть сквозь игольное ушко. Удивлялись не тому, что права свободного художника были бы неудобны при добыче материалов, а тому, что «неужто-де Щеб<альский>» не может посвятить этому труду каких-нибудь два, три года, чтобы потом разом», и пр., и пр. Я их удивил, что, мол, вероятно, не может.

– А ведь это, – говорят, – пустяки.

– Да как же, – я говорю, – не пустяки, когда будь у него наготове пятнадцать – двадцать тысяч, и он бы, конечно, охотно отдался этому труду.

Тут взахались, а Тютчев меня поддержал, что боже-де мой: неужто же у нас и такого содействия человеку не найдется? А я говорю, что этого содействия надо не промеж нас искать, где Голь, Шмоль да К°, а вот если бы Владимир Петрович довел об этом до ведома государя-наследника да там бы поштудировал... Мещерский взогрелся и, оборотясь ко мне, отвечал:

– Знаете, вы прочитали во мне мою мысль. Где живет Щеб<альски>й?

Я назвал путь Вашей дачи.

– Я непременно к нему съезжу, – отвечал Мещ<ерский>, – и буду с ним говорить. Чтобы начать говорить с вел<иким> князем, надо прежде хорошенько условиться с Щеб<аль>ским, что ему нужно?

С той поры Мещ<ерский> все выезжает и никак не выедет и, наконец, на сих днях сказал мне: не поедem ли мы с ним вместе. Ко мне же неделю тому назад приехал из Киева мой брат, и вот все так перебуравилось до того, что я некоторым образом и виноват даже перед Вами, хотя часто и часто размышлял о вас и желал Мещерскому доброго почина в Вашу пользу.

«Русский вестник» совсем другое дело. По корыстным побуждениям, я, конечно, желал бы видеть Вас редактором этого журнала, но более радости было бы, если бы Вас ссудили на покойных условиях хорошою суммою и Вы предались бы стройному, созерцательному труду, который бы собрал Ваши растраченные в статейной работе силы, поднял Ваш благородный дух, освободит бы Ваш прекрасный ум от мелких забот и успокоил бы Мирру Александровну, а русской науке дал бы сочинение, в котором недостаток так осязателен. Мне кажется, что это гораздо интереснее «Рус<ского> вестника», но если Мещ<ерский> охладет и вместо содействия на деле ограничится сочувствием на словах, то, разумеется, надо не сводить глаз с «Вестника», хотя я, признаться сказать, не верю в возможность тех комбинаций, о которых Вы мне пишете. Во-первых, К<атков> уже не первый раз это говорит, и все из этого ничего не выходит, да и не выйдет. Как ни подупало издание, а сорвать его с кона настоящей необходимости все-таки нет еще. Из-за чего же им выпускать из рук орган, когда надо только переменить при нем человека, и дело опять пойдет превосходно? Разве они этого не видят или не понимают, что ли?.. То, что говорится в сообщаемом Вами мне тоне, все это говорится по-насердкам на самих себя, что приставили они к пирожной даже сапожника и несмотря на то, что это сами они сделали, а ничего из этого не выходит, кроме старой морали, что

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник.

Угадал ли я или нет, а по-моему, К<атко>в сердится, что никак не разобрать этого камуфлета? Тут на выручку бы надо подоспеть Н. А. Люб<имо>ву, но он не догадывается, а к тому же, бог весть, еще и стоек ли он настолько, чтобы противостоять тем ласкам, какие Мих<аил> Н<икифорович> непременно стал бы ему расточать, упрашивая его «не покидать». А ну как он вдруг не устоит, и... снова воспоследует его реставрация, а затем снова

начнется с другой стороны сначала олимпийский покой, что все-де равно: «людей нет», а потом... опять то же самое, что ныне... Так это и будет ехать *idem per idem*,⁴ как Кузьма с Демидом. При вашем лестном доверии к моему беллетристическому прониканию я готов бы, кажется, даже живообразно Вам представить, как должна произойти эта сцена сугубой деликатности и обоюдной уступки ко вреду дела, но авось Вы и так поверите, что в соображениях моих есть такая доля истины, при которой дело можно считать беспомощным. Аренда, конечно, могла бы разорвать эти сонные нити, которыми все перепутано, но... тут есть бездна различных «но», о которых хотелось бы лично с Вами переговорить, а не на письме, – что я вскоре же и исполню, ибо нахожусь совсем почти на пути к Вам для окончания счетов по «Ножам» и последних приноровлений «Божедомов». Пока же скажу одно: человека, о котором Вы пишете, я знаю и вдоль и вглубь: это очень хороший знакомый, предобрый сотоварищ, – человек доброжелательный и услужливый, но бесхарактерный, не в меру искательный, болтун, – вообще человек и легковесный и легковесный, верящий всем и никому не доверяющий настолько, чтобы вместе садить и поливать то горчичное зерно взаимоверия, без которого злак стебля не даст, а не только колоса не вымечет. Денег у него много – по крайней мере так говорят, и этому нетрудно верить, но он скуп почти до скарденности и если дает чувствовать свою готовность рискнуть на издание, то я подозреваю, что это не так просто, как Вам могло показаться. По меньшей мере тут, видимо, играет важную роль желание самому фигурировать и заправлять: это я знаю наверное. Впрочем, я завтра же поеду к нему и выщупаю его во все его мягкости – благо у меня есть и сторонний повод посетить его, так как я всегда несу от него укоризны за мое нелюдимство. Касательно потребной в этом случае тонкости ручаться за себя, хотя и боюсь, но благодарю Вас, что Вы мне верите, и уповаю, что я сумею узнать что нужно, смаскируя все, чего ему до времени знать не надо. Вообще будьте покойны, что выраженное Вами в первых строках желание или просьба сохранить все «*en toute confidence*»⁵ соблюдается мною в полной точности. О том, что Вами написано, я говорить не буду, да и незачем об этом говорить, хотя, впрочем, все-таки хорошо, что Вы меня на этот счет предупредили. Повидавшись с указанным Вами лицом (если он приехал), я Вам тотчас же напишу, так как мой отъезд может еще затянуться дней на семь, на восемь, а если его нет и он скоро ожидается, то я, разумеется, дождусь его и уже тогда только выеду. Вообще я все сделаю, что Вам кажется нужным, но веры в успех имею мало, по недоверию к серьезности этого лица. А впрочем, может быть чего и не может быть. Меня уж так прошкололи и истрепала жизнь, что я, точно армейский разочарованный капитан, с гитарой в руках напеваю себе:

Друзья я недоверчив стал
К пленительным любви напевам
И нынче верить перестал
И красоте и милым девам.

Может быть, все это вздор, – по крайней мере хоть в той мере, что «красота» есть и, пожалуй, есть и «милые девы».

О себе Вам скажу вот что: я некое время сам не знаю, что о себе думать: мне как-то все жестоко надоело, то есть так надоело, что я все держусь плана Вашего: хочу на год спрятаться в Веве, или, еще лучше, в Сорренто и что-нибудь «совершить» (как говорил Гоголь). Мне все кажется, что все, что я пишу, вовсе не то, что я хочу и могу написать – могу, ибо ощущаю, что

⁴ От чего же к тому же (лат.).

⁵ В полной тайне (франц.).

«Жизнь хороша потому, что искусство прекрасно!»

Я думаю, что в этом настроении я могу быть Вам полезен более, чем в прилежании делу иным образом. Я знаю себя и чувствую, что во мне собралось чего-то много на что-то вроде «Некуда», и я хотел бы предаться этому с полной отторженностью от жизни, которая здесь, на Руси, меня все беспокоит, тревожит и манит, волнует и злит... Возлюбите, ради любви к искусству и идее любви, моих «Божедомов» и соблюдайте их. Я на них возлагаю большие мои надежды, и по их поводу, вероятно, придется договориться до дела: будет или не будет выходить в 1872 году «Р<усский> в<естник>»? Если не будет, то, я полагаю, надо будет передать роман в «Беседу» или, может быть, напечатать в «Совр<еменной> летописи». Я полагаю, что последнее мне будет более по сердцу и по обычаю.

Пока же до свидания. На днях же опять Вам напишу, как только с кем нужно повидаться, а Вы, не ожидая того, черкните, пожалуйста, где Вы теперь обитаете. Уж и нечего говорить, какой Вы любезный, а вот адреса своего никогда не имеете привычки обозначать... Это худо и так и называется «неудобством» в «Книге общежитейской мудрости и приличий». Не знаешь никогда, куда Вам адресовать письмо и где Вас искать с приезда, между тем как желалось бы видаться с Вами прежде других. Сделайте милость, напишите, где Вы живете, — я бы хотел опять и поместиться неподалеку от Вас.

Поклон мой низкий достойнейшей Мирре Александровне. Радуюсь, что Лизавета Петровна властвует, а Вера Петровна жуирует. Это им обеим на пользу. Спасибо Вам за память, внимание и доверие.

Н. Лесков.

Post script<um>.

Насчет Ваших статей я уже писал как-то один раз Любимову. Это было именно по поводу статьи, в которой Вы столь любезно вспомнили «Некуда». Она называется «Наш умственный пролетариат». Эту статью очень любят хорошие и умные люди, и она действительно не только хороша и умна, но и боговдохновенна. Статья о посмертных сочинениях Герцена менее нравилась, но тоже нравилась, а «Идеалисты и реалисты» даже возбудили бурю в стакане воды, и Вы, конечно, уже знаете последовавший Вам ответ Пыпина, на который желательно бы видеть Ваш ответ.

Скажите, пожалуйста, Любимову, что сегодня приехал Крестовский и во вторник выезжает в Москву с совершенно готовым романом (по его словам) в 70 листов. Впрочем, я его сам еще не видал, хотя он и был у меня, а передаю эту новость со слов моих домашних.

Н. Л.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ **13–14 октября 1871 г., Петербург**

Достойнейший Петр Карлович!

Лицо, с которым мне надлежало повидаться и поговорить, возвратилось, и я с ним имел разговор. Результат всего тот, какого я и ожидал: он не думает вверять денег литературному предприятию, хотя и уверен, что предприятие, о котором идет речь, совершенно верное. Он старался быть непонятливым, но говорил, между прочим, дело, то есть выражал ту мысль, что вместо большой возни со сдачей в аренду лучше бы просто сдать дело на нынешних условиях в единоличное Ваше заведование (что и справедливо и чего, вероятно, не будет). О Вас при речи об аренде я не заикнулся ни словом и все дело вел по слухам, от самого себя, с тем лишь, что Вы, «вероятно, не отказались бы» и проч. Но на этого человека нет

и не может быть никаких расчетов. Доходило до того, что он не понимал даже тогда, когда я говорил, что «П<етр> К<арлович> не может, к сожалению, взять, потому что у него вряд ли есть капиталец».

– Вот это жалко, – отвечал он.

– Если бы, – говорю, – ему кредит какой-нибудь открыть, тогда, может быть, он бы и рискнул.

– Где же кредит: это трудно.

Я заговорил потом о кредите работами и сказал, что наше пролетарское дело хоть этим бы поусердствовать предприятию и почтенному литератору: но и это осталось непонятым... Одним словом: в эту сторону не глядите, а ладьтесь как-нибудь иначе, буде же что вздумаете поручить – поручайте.

Выезд мой опять замедлился, но все-таки я через неделю или много через две буду в Москве, а до того желаю знать: где же Вы теперь живете? Крестовский едет завтра. Он, разумеется, ничего о Вашем письме не знает.

Ваш Лесков.

14 октября 1871 г.

Распечатываю конверт, чтобы вложить еще маленькую цидулку. Дело в том, что сейчас я виделся с Григорием Градовским и в общем разговоре о том, что М<ихаич> Н<икифорович>, по словам Данилевского, нездоров и крайне расстроен, получил известие такого рода, что М<ихаил> Н<икифорович> в бытность свою здесь говорил Градовскому о неудовлетворительности журнала и приглашал его переехать в Москву опять-таки для поднятия этого же журнала. Из всего этого явствует, что «Р<усский> в<естник>» нередко приходит в голову М<ихаилу> Н<икифоровичу> и что с журналом может случиться что-нибудь далеко не желанное, а потому, имея все это в виду, надо бы Вам быть как можно более решительным и не упускать его из своих рук. Это дело хорошее, и Вы с ним выплывете без всяких компаний, с одною подпискою, особенно если собственники не обременят Вас арендою.

Да, еще: что это значит, что в сентябрьской книге нет окончания моего романа, которое послано, кажется, своевременно? Если опять что не по нраву, то надо бы мне прислать корректуру, и я бы переделал. Сокрушил меня этот роман, и свертел я его как не думал, благодаря всем этим *qui pro quo*.⁶

Сделайте милость, успокойте меня: напишите, что это значит и докуда протянется?

Н. Л.

Мещерский едет в среду и, вероятно, будет с Вами видеться. Подписка на его «Гражданин» идет очень хорошо. Комаров со своим «Monde Russe»⁷ совсем заехал в «Весть» и уедет в этом направлении, кажется, еще подальше. По моим наблюдениям, он вовсе неспособен к редакторству.

⁶ Здесь: перипетиям (лат.).

⁷ «Русским миром» (франц.).

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ 20 октября 1871 г., Петербург

Достойнейший Петр Карлович! прочитал я Ваши короткие строки – как будто посмотрел на картинку Рюисдаля: нет в них ничего скорбящего, а есть нечто столь грустное, что любящее Вас и Вашу семью сердце мое сжалось до слез. Эти строки – рюисдалевская лодка в болотной трясине. Вы устали и перестаете верить: Вам кажется, что все «остынет». Таковы обыкновенно последствия долгих неудач, и Вам еще надо дивиться на крепость могучего Вашего духа. Но «имейте веру с зерно горчичное». Вчера я обедал у Мещерского, и мы много о Вас говорили. Соблюдая все Ваше достоинство и не пускаясь в подробности, я не таил, что Вам должно быть очень тяжело, и даже поопасался: долго ли так можно выкрепить? Он грустно слушал. Затем я спросил: не кончатся «благие намерения» на Ваш счет словами? Он пожал плечами и отвечал, что еще не может отвечать на это, а сегодня приехал ко мне и заговорил о журнале своем и о критике. Я опять прямо повернулся на то, что кроме Вас, по-моему, нет человека способного для критики вообще, и в особенности для критики исторической. Он воспрянул и отвечал, что уж это решено, что «Щ<ебальско>го надо перетащить в П<етер>бург». Я спросил: на какой конец? Мещ<ерский> ответил, что сегодня будет решено дать Вам средства на сочинение истории Екатерины, и в общем вот как: Вам дадут на три года 9 т. р., с тем, что 41/2 Вы получите безвозвратно, а 41/2 у Вас возьмут в возврат сочинениями. Я сказал, что, вероятно, Вы это примете, но скоро ли это будет? При этом я вынул из стола Ваше последнее рюисдалевское письмо и прочел три последние строчки о вашем бивакировании и опять сказал, что это несносно знать о человеке, столь почтенном, как Вы, и что, бог весть, все может терпеть лишь до поры и до времени. «Нет, нет, – воскликнул М<ещерс>кий, – это решено, что мы его сбережем». Относя это «мы» к наследникам Карамзина, я отвечал, что это, кажется, теперь уже их прямой долг. Князь так это и принял. «Надо его как можно скорее успокоить», – сказал он и затем спросил, когда я буду в Москве? Я отвечал, что уеду послезавтра и в субботу буду у Вас, а он молвил, что выедет в субботу «и будет у Щ<ебальско>го вместе в воскресенье». С тем мы расстались, и я спешу Вам об этом сообщить, еще раз прося Вас бодриться и хранить «горчичное зерно веры» и в провидение, которое есть, и в людей, которые Вас чтут и любят.

Ваш Н. Лесков.

P. S. О прекращении «Р<усского> в<естника>» забродили толки, по-моему превредные для всей партии. Видясь вчера с Маркевичем, я говорил ему, что знаю от Вас, что М<и-хаил> Н<икифорович> действительно об этом поговаривает: М<аркевич> был этим удивлен и хотя (как и я) толкам этим большого значения не придает, но все-таки смущается ими и хотел сегодня написать К<атко>ву. О других намерениях Ваших, разумеется, я не проронил ни звука, но Маркев<ич> слышал от Гр. Данилевского, что Вы считаете себя в Москве не прочным.

Еще слово: евангелист просил однажды простить ему: «занеже, что недописал или переписал», – о том и я Вас прошу, буде что-либо в поведении моем касательно Вас усмотрите что-нибудь относящееся к перепису или недопису, – простите: делал как казалось лучше, ибо думаю, что скрывать Вашу зависимость от труда и обстоятельств дело напрасное, перервать хронический характер этой зависимости можно, только сразу шпигуя способных «остывать» людей опасением потерять Вас, пока эта потеря для них дорога. Если же это не так, то опять простите.

И еще.

Я с дороги прямо толкнусь в редакцию; оставьте мне, пожалуйста, там записочку: нельзя ли мне иметь на неделю комнату в тех же номерах, где живете Вы? Мещерский же остановится у Дюло.

А. П. МИЛЮКОВУ
<3 или 4 ноября 1871 г., Петербург>

Любезнейший Александр Петрович!

Что опять за казус! Какой злой дух или насмешливый недруг научает Вашего театрального невежду делать сравнения? Неужто можно сравнивать пьяницу и забулдыгу актриишку Несчастливцева с принцем Гамлетом, который никогда не был актером, а тем менее забулдыгой и пьяницей, и именно бежал пьянства и презирал его. Поистине удивительно, чего же смотрите все Вы, читая рапорты этого «Эзопа с фонарем»? Что это за крайность печатать курьез за курьезом?

Ваш Н. Лесков.

Р. S. Этот Ваш бебешка, вероятно, хотел сравнить Несчастливцева с Кином... Должно быть так?

Письма 1872 года

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ
3 марта 1872 г., Петербург

Достоуважаемый Алексей Феофилактович!

Благодарю Вас покорно за Вашу книгу и за добрые пожелания. Внимание Ваше и память меня глубоко тронули. Я всегда чтил Ваш большой ум и талант, многому у Вас учился и стою к Вам в искренних ученических отношениях того сорта, каковы были, например, отношения художников в те времена, когда они учились не в непроизводительных академиях, а в скромных студиях. Мне успех работ Ваших не внушает беспокойного чувства зависти, а я им горжусь и люблю, – да благословит Вас бог, которому я верую, за то, что и Вы дали мне случай увидеть, что и с Вашей стороны есть ко мне теплое доброжелательство. Спасибо Вам за это от всего сердца. Во всяком случае я знаю мое место: я иду до сих пор за Вами и равняюсь Вам только в одном: в степени безумной слепой злобы, постоянно рядом читающей наши имена в своих поминаньях. Крепи Вас господь на пользу родному слову и на поучение нам, желающим принять и понести в свой черед лучшие предания и заветы учителей своих.

«Смех и горе» идет превосходно. Издания в 2 400 экз. почти уже нет – все распродано, и, кажется, нужно печатать другое. Набиваются художники иллюстрировать, да боюсь, как бы это не задержало.

Роман мой в «Русском вестнике», кажется, начинают с мартовской книги. В конце поста я привезу им для воскресных номеров вещь вроде «Смеха и горя», которая уже пишется и будет состоять из ряда повестей одного жанра кривляк в семейной жизни, как там были кривляки в жизни общественной. Общее название этой шутке дано до сих пор «Блуждающие огни». Это Вам объясняет тему: света не ищут без источника света, при мерцании теорий, а не истин, лежащих в природе духа и сердца.

Так как друга моего Петра Карловича нет более в Москве, то, если угодно, я почитаю кое-что у первых у Вас, но только Вам, а не собранию, ибо хочу не похвал, а замечаний.

Затем еще раз благодарю за память и внимание; прошу Вас не лишать меня и того и другого на будущее время и верить моей глубокой и искренней Вам преданности.

Ваш слуга и ученик

Н. Лесков.

P. S. Прошу Вас передать мое глубочайшее почтение Екатерине Павловне.

Еще P. S. Бедняга Корибут так и не вылечился и умер, потеряв здравый рассудок. Врачи говорят какую-то нескладицу, а, кажется, сами во всем виноваты.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ
6 мая 1872 г., Петербург

Драгоценнейший мой Петр Карлович!

Вы, я думаю, имели уже время сопричислить меня к лику тех наших добрых знакомых, которые питают неодолимую вражду к доходам почтового ведомства и потому отвечают только на десятое письмо. Однако же я, слава богу, такой неприязни к почти не питаю и тому, что не сразу ответил Вам на Ваше доброе письмо, имею резонные причины, по коим надеюсь получить если не извинение, то хотя прощение.

Во-первых, письмо Ваше было получено одновременно с приятным уведомлением от Н. А. Любимова, что они там потеряли 4-ю часть «Божедомов», или, по-нынешнему, «Соборян». Сами можете представить, в каком я был терзании, и это терзание длилось до сего времени, когда Воскобойников, наконец, прислал мне депешу, что рукопись нашли у Михаила Никифоровича, оказывающего ей «особое» лестное внимание и потому ее то туда, то сюда закидывающего.

Славу богу, это искание кончилось, но прежде отравило мне три недели и без того не красной жизни, причем особенно возмущали вопросы и переспросы: «да послали ли Вы ее? Осмотритесь у себя, припомните мельчайшие подробности посылки» и т. п. — Тьфу! Одним словом, люди превосходнейшие, но и довольно превосходные терзатели, особенно если кого возьмут в отличное от обыкновенного внимание. Но повторяю: «*Dei gratiae*»,⁸ это пока улеглось «в ожидании лучшего», и я, пользуясь передышкой, строчу Вам наиобстоятельнейший ответ о Вашем лестном поручении.

Написать книгу, о которой Вы говорите, мне кажется, я могу; но как в письме Вашем стояло еще имя Крестовского, который может иметь в Варшаве своих аматеров, то я почел долгом прежде всего прочесть ему надлежащие строки этого письма. Он положительно от писания такой повести отказался, да я иного и не ожидал, так как эта работа совсем, мне кажется, не в его роде. Но, однако, весь декорум был соблюден. Затем, полагаясь на свои силы художественные, я задумывался над моею компетентностью. Я знаю Польшу и Русь, — это правда, но мне показалось, что для такой повести, требующей вымысла самого пестрого и в то же время реального, лучше соединиться в этой работе с человеком, у которого есть такие стороны дарований, каких нет или мало у меня. Мне пришло на мысль написать требуемую повесть вдвоем, как это делают французы. Подходящим для сего человеком я считал и считаю полковника генерального штаба Сергея Ив. Турбина, который занимался статистикой России и Сибири и был, что называется, «не точно *wszendze*»,⁹ но еще пятьдесят верст за *вшендзою*. На днях я его уловил, чаем с ромом напоил и согласие получил, но еще два дня оставался в нерешимости насчет участия рома в этом деле. Однако же вчера, то есть 5 мая, получил письмо, которое к Вам в подлиннике посылаю. Из этого письма Вы увидите, что мой колоновожатый полковник уже на походе. План его мне нравится. Сибирь и жизнь ярмарочных пунктов он знает превосходно; отношения к России у него теплые; писать он для народа опытный мастер (его много рассказов для солдат, печатанных у великодушного пана Погосского). Условились мы так: он должен к половине июля доставить мне канву повести на десять печатных листов с безапелляционным согласием на переработку мною этого брульона в любую художественную форму со всякими изменениями, вставками и т. п. Одним словом: его подмалевка, а моя не только ретушь, но вся живопись. Этак, мне кажется, я могу Вам пообещать книжку, которая не постыдит Вашей рекомендации. Подписать же эту книгу (если нужно), то мы ее желаем подписать обоими нашими именами, то есть «Н. Лесков и С. Турбин».

Теперь благоволите же, дорогой Петр Карлович, пробежать прилагаемое письмо Турбина и ответить мне по возможности скоро (я уезжаю): 1) Нравится ли Вам моя мысль писать повесть соединенными силами? 2) По вкусу ли Вам турбинский план? 3) Что нам за этот труд могут заплатить и когда? (об этом пишите так, чтобы я мог Ваши строки показать в подлиннике). 4) Хорош ли размер в 10 листов? По-моему, более не для чего, а менее невозможно, — ничего не расскажешь. 5) К какому времени рукопись должна быть готова, куда ее прислать и кто будет ее ценителем?

⁸ Слава богу — Лат.

⁹ Всюду — Польск.

Прошу Вас не замедлить этим ответом, потому что если книга нужна к предстоящей зиме, то необходимо, чтобы я не откочевывал из Петербурга прежде, чем получу возможность поставить моего сотрудника в ясное и определенное положение, так как он тоже живет теперь только литературным трудом и должен быть ассюрирован. Цены Вы знаете и потому, вероятно, найдете основательным, что Т<урбин> хочет по 50 р. за брুলон, а мне кажется, справедливо дать другие 50 за отделку, группировку и общую редакцию. Кроме того, рублей по 5 на лист может пасть на переписку экземпляров, что необходимо при работе вдвоем. Благословите!

Поклон низкий Вам, Мирре Александровне и всему Вашему прекрасному семейству.
Ваш Н. Лесков.

Роман Маркевича мне очень нравится, но в чем же тут вопрос? А если бы мать развелась да замуж вышла?

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ **17 августа 1872 г., Петербург**

Достоуважаемый Алексей Феофилактович!

Желая не упустить ни мало времени для приступа к доверенным Вами мне предварительным переговорам, я на второй же день по приезде осведомился о М<ещерском> и его издании и имею честь сообщить Вам нижеследующее. Самого сиятельного издателя нет в Петербурге, – он за границу и вернется лишь в начале сентября. Так говорят у него в доме. Редактор же его изданий г. Г. в деле ничего не значит, и говорить с ним было бы несовместно с достоинством Вашего предложения. Князь Вас просил – с ним надо вести и речи. Но вот что еще нужно Вам иметь в виду: первый томик их гражданского сборника вышел и уже раздается. Я посмотрел хотя бегло, но довольно внимательно эту тощую серо-желтую книжку и не могу о ней сказать ничего лестного: очевидно одно, что издатель сильно заболел «пестрить обертку». Содержание самое сбродное и бесталанное; даровитейшее имя на этой обертке есть имя г. Страхова, оно же и самое популярное. Отсюда можете сами заключать об остальном. Издание серо, неопрятно и преисполнено опечаток. Каков будет второй том – я не знаю, но полагаю, что более или менее не должен быть под кадрили первому, ибо они должны составить одно целое. Второй этот том, по словам служащих в конторе, уже будто бы почти отпечатан и скоро выйдет, что и вероятно, так как с первого сентября опять уже должна выходить газета. Но отпечатан он, или печатается, или даже приготавливается к печатанию, за верность этого Вам не поручусь, а за что купил, за то и продаю. Князю я послал записку, которою прошу его уведомить меня, когда он приедет, и тогда тотчас же с ним повидаюсь и Вас о результате свидания и переговоров уведомлю. Может быть, вторая половина его сборника и неполна, а может быть, он будет приобретать Вашу пьесу для газеты: одним словом, я все это приведу в ясность и не замедлю Вас уведомить. Но как до этих переговоров еще есть время, ничем не рискуя переписаться, то я хотел бы знать Ваше мнение на тот счет: согласны ли Вы будете, чтобы Ваша прекрасная пьеса печаталась не в сборнике, а в газете? Разумеется, я спрашиваю об этом единственно на тот конец, если справедливо, что и второй том сборника уже составлен, и я услышу подтверждение этого от самого М<ещерского>.

Других новостей никаких еще не слыхал, да их, верно, и нет, точно так же как нет вовсе никакой холеры и ее ровно никто, кроме Вас, не боится.

До свидания, учителю благий. Храни Вас небо для русского искусства и любящих Вас людей. Пишите, ради бога, более и не хандрите, а приезжайте сюда к нам за «Эрфиксом», которого доброжелательствовали Кашпиреву, его же память неведомо когда и праздновать. То ли дело Хан: по крайней мере «закрыт по высочайшему повелению». Что же: падать с коня, так с хорошего.

Ваш Н. Лесков.

По моему мнению, печатать ли пьесу в сборнике или в газете – это совершенно все равно. Даже в газете лучше: она опрятнее и более читается.

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ
4 сентября 1872 г., Петербург

Многоуважаемый Алексей Феофилактович!

Почтенное письмо Ваше я получил, но не мог исполнить Ваших поручений, потому что князя не было в Петербурге. На сих днях он приехал, но в особом настроении, исключаящем всякое удобство свиданий с ним с моей стороны. Он гневается на какое-то зложелательство ему или на что-то сему подобное, и потому выходит, что мне с ним нельзя вести переговоров. Я это слышал еще ранее от Данилевского, а теперь имею тому и подтверждение; а потому простите меня и не поставьте мне этого в вину перед Вами.

О пьесе Вашей я говорил в кружках, и об ней напечатаны два раза добрые слухи в «Русском мире». Лихих болезней здесь никаких нет, и Вам надо бы пожаловать.

Душевно преданный Вам

Н. Лесков.

С. А. ЮРЬЕВУ
10 сентября 1872 г., Петербург

Милостивый государь Сергей Андреевич!

Три года тому назад я отдал Вам переписку первого освободителя крестьян, статистика Журавского, с гр. Перовским. Три года Вы ее держите, обещая напечатать, и все не печатаете... В прошлом году, когда я, в бытность свою в Москве, требовал эту рукопись назад, Вы прислали ко мне Вашего сына, и тот при Крестовском и Щебальском просил меня оставить эту переписку у Вас до весны, что «весною-де „Беседа“ ее непременно напечатает» Я поверил этим словам; но с тех пор, как присланный Вами юноша говорил их, «прошло лето, прошла осень, прошла красная весна и наступает злое время, – то холодная зима», а статья не печатается: ответов от Вас не добьешься; в Москве бывая, Вас не застанешь... Уважаемый Сергей Андреевич, да что же это такое? Усердно прошу Вас решиться как-нибудь кончить эту комедию, вперед Вас заверяя, что я не могу оставить этого еще на неопределенные времена.

Я глубоко уверен, что Вы не найдете оснований укорить меня ни в малейшей не деликатности по этому делу и постараетесь как-нибудь успокоить меня в моих, надеюсь, самых справедливых желаниях.

Ваш покорнейший слуга

Ник. Лесков.

P. S. Прилагаю мою карточку и адрес, который, может быть, у Вас не записан, хотя я много раз его напоминал.

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ
15 сентября 1872 г., Петербург

Уважаемый Алексей Феофилактович!

Несказанно рад, что буду иметь удовольствие видеть Вас в Петербурге, и от души хотел бы, чтобы этот Ваш приезд был не как прошлый, – хотел бы, чтобы Вы видели, что среди литераторов, младших Вас по возрасту и по силам литературным, есть к Вам нелицемерная любовь и уважение. Что до меня, то я желал бы Вас встретить при самом Вашем приезде и пособить Вам устроиться с дороги; а потому прошу Вас известить меня накануне Вашего выезда. Надеюсь, что Вы это исполните.

Князь М<ещерский> дуется на весь мир и негодует на меня за Крестовского, коего будто бы я отклонил от него, что вовсе не правда, ибо Крестовский просто требовал денег, а их не доставало, что ли, или что-то в этом роде. Но всё это мелочи.

Хандра Ваша неодобрительна, но поездку за границу нельзя не одобрить. Это лекарство чуднее и едва ли не единственное, когда «на родине все омерзает». Лучшее средство полюбить снова родину – это разлучиться с нею на время. Родина же наша, справедливо сказано, страна нравов жестоких, где преобладает зложелательство, нигде в иной стране столь не распространенное; где на добро скупы и где повальное мотовство: купецкие дети мотают деньги, а иные дети иных отцов мотают людьми, которые составляют еще более дорогое достояние, чем деньги. Но и Ева была мотоква и промотала рай, а однако Адам не мстил ей и не прогнал ее от себя, ибо без этой мотовки он стал бы совсем один. Что делать: надо смириться и полюбить самую неблагодарность в смирении своего сердца; а проехаться и отряхнуться – мысль благая: «да обновятся орлу крыле его».

Адрес Петра Карловича (у которого всем надо учиться силе и доброте) просто: в г. Сувалки, но я не знаю, там ли он теперь или в разъездах, потому что к ним поехал министр Толстой. Однако же Вы все-таки пишите: письмо, конечно, дождется его дома.

Напишите-ка мне до приезда своего: не прочтете ли Вы своей пиесы прежде литературным людям, которые по тому или по другому к М<ещерскому> теперь не бывают? Я бы советовал это сделать, ибо в числе таких людей много хороших друзей Ваших (например, Авсеенко и др.). Если Вы найдете, что это хорошо, и не откажете нам в этом удовольствии, то не изберете ли мой дом, где люди нашего кружка бывают без чинов и без претензий? Соберемся, как Вы укажете: потеснее или пошире, и отворим двери только тому, кто Вам приятен.

Затем крепитесь и не хандрите. Хандра вещь прегадка – это та «печаль, которая, по апостолу, спасения не соделывает». Вас любят и чтут, а многое другое бог дал Вам. Чем тосковать?

Ваш Н. Лесков.

М. Н. КАТКОВУ

29 ноября 1872 г., Петербург

Репетиции в «Р<усском> м<ире>» невозможны, – там являются на дело свои воззрения, с которыми ничего не поделаешь. Орган совершенно уходит из рук и, вероятно, пойдет во вред делу, если теперь не устроить его в добрые руки. Сейчас М. Г. Ч<ерняев> имел со мною разговор, в котором передал следующее: пайщики четыре дня тому назад составили протокол о прекращении издания. Ч<ерняев>, желая спасти свои 14 тысяч, а также и сочувствуя делу, вынужден был продолжать издание 2 года. Ему это уступили, но с тем, чтобы он принял еще некоторые долги, всего тысяч до 28, из коих 6 тысяч он должен уплатить 2-го дек<абря>. Ч<ерняев> все это принял, и «тонкий – долгий – белый – волокнистый» со всею командою 26-го получили абшид, но 27-го на георгиевском празднике Ч<ерняев> был встречен таким образом, что непременно должен поступить на действительную службу. Это поставлено так, что никакие компромиссы невозможны. Теперь дело с издательством совсем уже спуталось: но Ч<ерняев>, однако, готов скорее рисковать своими деньгами, лишь бы

не дать газеты Д., который, как мне достоверно известно от Ю. Б<огушеви>ча, представлял уже двух редакторов: 1. Пыпина и 2. Белозерского (из «Основы»). Получив отказ от этих, он поставит подставное лицо, за которым будет скрыт будто бы Сув<ори>н. Так говорят в Главном управлении по делам печати. Это, кажется, верно. Ч<ерняев>, чтобы не допустить этого, хочет все-таки взять газету за себя и завтра (то есть 30 ноября) непременно подпишет условие, имея заднюю мысль тотчас же передать ее в добрые руки. Кто окажется с этими «добрыми руками» – до сих пор на горизонте не видно. Ч<ерняев>, однако, уполномочил меня написать обо всем этом Вам и, во-первых, просить Вас, не придумаете ли Вы какой-нибудь комбинации, так, чтобы спасти орган, и кому бы его сдать; а во-вторых, просить Вас и о сохранении всего этого в глубочайшей тайне, так как пайщики только ему отдают предпочтение перед Д., а если они прослышат, что он берет газету не для себя, а для передачи, то Д. найдет основания ее перехватить и передать на более выгодных условиях во враждебный лагерь, где идет сильная забота о приобретении старой формы (так как Лонг<инов> новой не дозволит). Ч<ерняев> думает: не пожелаете ли Вы сами взять дело? Он не рассчитывает на это, но только так думает и просит: нельзя ли Вам черкнуть словечко в разрешение его дум? Это Вас ровно ни к чему не обяжет, а у него одна дума будет уже разрешена. Деньги 6 тысяч рублей он вносит 3-го дек<абря>. Затем 8 тысяч нужно уплатить в 2 года. Всего же надо уплатить до 28 тысяч. – Подписка у них сравнительно идет такая, что и в прошлом году (то есть, конечно, по сие время).

Я не думаю, чтобы Вы сами вошли в это дело и промолчали на этот счет Ч<ерняеву>, но мне кажется, что Вы можете указать путь, как бы устроить это на волоске висящее дело? Нет ли у Вас в виду кого-нибудь? Кратчайший ответ Ваш на это крайне необходим 2-го числа, ибо в этот день уже должны быть приготовлены все диспозиции. Ч<ерняев>а и я боюсь, как бы он не сплывал. Если Вам угодно будет написать мне или (еще лучше) дать иносказательную, но внятную депешу тотчас по получении этого письма, то я не промедлю минуты ориентировать Ч<ерняев>а как надо. – Сделайте милость, не замедлите своим словом: оно теперь может чрезвычайно много.

Преданный Вам

И. Лесков.

М. Н. КАТКОВУ
27 декабря 1872 г., Петербург

Милостивый государь
Михаил Никифорович!

Мне кажется, что я непременно должен сообщить Вам, что делается в эти минуты с «Русским миром», сконфуженный редактор которого теперь состоит в Москве. Может быть, Вы захотите помочь Вашим словом гибнущей газете. Дело в том, что оба генерала, из коих один полусобственник издания, окончательно недовольны Комаровым и его антуражем и решили его устранить от редакторства, к которому они признают его неспособным. Я говорил Вам об этом слегка и, кажется, говорил тоже, что они предлагали и предлагают это редакторство мне; но я от этого отказался, отказываюсь и всегда откажусь, как потому, что мне неприятно становиться между людьми, которых я люблю и уважаю, так и потому, что это оторвало бы меня от художественной работы, которой я душою предан. В таком положении я оставил дела и, возвратясь, застал у себя экстренные письма генералов с просьбою помочь газете в критические ее минуты. Письмо это пролежало у меня, пока я был в Москве, а встревоженные раз генералы тем временем обратились к Милюкову, который и изъявил согласие принять редакцию (Комаров об этом едва ли знает). Авсеенко, на которого я ука-

зывает вместо себя, им, кажется, не по нраву. – Теперь они склонили Комарова немедленно уехать за границу и дают ему за это 3000 р. и ящик устриц. Он согласен и едет. Отъезд его немедленный признается Ч<ерные>вым необходимым для того, чтобы «сразу вымести весь шпионствующий, нигилистический сор», чего действительно нельзя сделать при страдающем феминизмом Виссарионе. Но я боюсь, и, кажется, не без основания, что немедленный отъезд К<омаро>ва во время подписки (которая идет удовлетворительно) неизбежно породит слухи о прекращении газеты и страшно повредит ей. Они этого не понимают, и я вчера на генеральном совете, на который был вытребован к Ч<ерные>ву, едва успел склонить их на следующее: 1) Имя Комарова оставить на газете и оставить за ним внешние сношения по редакции с людьми. Я указал его достоинства: благородство, мягкость, покладливость и умение держать связи. Это принято. 2) Придать ему в помощь Авсеенку или Милюкова (они склоняются в пользу последнего), по гласно этого не заявлять. И это принято. 3) Не высылать К<омаро>ва немедленно, а удержать его или вовсе и тем сберечь 3 тысячи, или же по крайней мере сберечь его здесь до половины февраля, то есть пока подписка выяснится и, может быть, докажет ненужность высылать. Против этого неодолимые возражения, которые мне удалось поколебать, но опровергнуть не удастся. Ф. пристал к моему мнению, что это безопаснее, чем рисков<ать> слухами, которые подхватятся и повторятся на тысячу ладов; но Ч<ерные>в, видимо боясь за свои деньги, минуты боится оставить К<омаро>ва и 3 тысячи на его поездку считает потерей относительно ничтожною. Значения же слухов он не понимает и думает, что их достаточно будет раз опровергнуть. – Так ли это? – Я просто дрожу за судьбу этого единственного издания в известном духе и, зная Ваше к нему внимание, сообщаю Вам все это на тот конец: не найдете ли Вы нужным и удобным тем или другим путем установить Михаила Григорьевича на настоящую и лучшую точку отправления? – Письмо это, конечно, прошу принять к единственному Вашему ведомо. Из двух людей: Авс<еенко> или Милюков, я не знаю, который удобнее? Авс<еенко> гораздо способнее и умнее, но он человек больной и бессонных ночей не переносит, а без них редактору не обойтись. Милюков же человек опытный и ровный, но... я боюсь, не сделалась бы газета в его руках набело перепечатанным «Сыном отечества». Рутинный прием «Голоса» для него образец. «Реалисты они оба, конечно, потаенные», но у Авсеенки больше чутья, больше такта, он лучше пишет и человек вполне самостоятельных взглядов, тогда как М<илюков> был, есть и всегда будет под рукою Андрея, которого «нет продажнее». С другой стороны, М<илюков> покладливее, а А<всеенко> упорен и легко разрывает связи; у М<илюкова> большое литературное знакомство, а от А<всеенко> люди как-то сторонятся, я полагаю, единственно по неприветливости его обычая и его холодной манере. Нехорошо ли бы было вместо того другого дать кого-нибудь совсем иного из людей Вам известных? Ваше слово было бы в этом случае вполне действительно, тем более что на Авсеенку генералы как-то не располагаются; я ни за что в мире за это не возьмусь, а М<илюков>ими еще не усвоен последним словом. – Во всяком случае желаю, чтобы эти передряги были Вам известны, – авось уже и из одного этого делу будет какая-нибудь польза. С глубочайшим к Вам почтением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

Н. Лесков.

Р. S. Письмо запоздало, зато я нечто узнал и приписываю: откуда сильный напор против К<омаро>ва? От ориенталиста Григорьева, у которого Ч<ерные>ва окружили разные люди и совсем его обескуражили. Я этого Григорьева совсем не знаю, что он такое, но, во-первых, опасаюсь: нет ли там планов посадить своего канцелярского либерала, а во-вторых, о намерении К<омаро>ва ехать знает и рассказывает уже граф Д<анилевски>й, – значит, распространения этого слуха уже бояться нечего, а надо его принять как совершившийся факт.

Письма 1873 года

А. С. СУВОРИНУ
26 февраля 1873 г., Петербург

Милостивый государь
Алексей Сергеевич!

Я очень благодарен Вам за Ваше внимание и считаю долгом исполнить Ваше желание, но я не совсем понимаю, что́ нужно Вам для Вашего издания: формулярные ли сведения о моем рождении, воспитании и проч. или несколько более живой рассказ о моем прошлом? Я ведь вполне самоучка и всем, что́ знаю и что усвоил, обязан себе и двум добрым людям, которых нельзя не вспомнить, давая сведения обо мне как о литераторе. Удобна ли Вам по этому предмету заметка строк в 50–70? Это о времени долитературном.

Что же касается литературных моих трудов, то я стесняюсь только в одном: я решительно не могу указать, когда именно что было мною написано. Достаточно ли будет для Вас, если я просто перечислю мои беллетристические работы в том порядке, как они одна за другою писались и где помещались?

Равномерно позвольте мне узнать: нужна ли моя записка Вам в окончательной редакции для печати, или Вы предпочли бы иметь об этом мое письмо к Вам, из которого сами могли бы взять то, что найдете нужным?

Ответьте мне, пожалуйста, и я без замедления исполню Ваше желание.
Всегда Вам преданный

Н. Лесков.

А. С. СУВОРИНУ
7 марта 1873 г., Петербург

Не посердитесь, пожалуйста, на меня, уважаемый Алексей Сергеевич, что я о сей пору не прислал Вам обещанного письма. Я его составил, но многого не могу припомнить и к тому же несколько дней лежу больной. Однако на днях все это будет сделано, и я отдам мое письмо Гр. Данилевскому, с которым Вы, кажется, видаетесь, а если это и не так, то он имеет возможность доставить его Вам с одним из сорока тысяч курьеров, какие у него есть для всяких посылок. — Благодарю Вас за добрый ответ и выраженные в нем добрые чувства. Благодарю и за искреннее мнение обо мне и моей деятельности. Как быть? Все мы люди, все человеки, — существа плохие и несовершенные перед идеею абсолютного разума и справедливости. Может быть, и я во многом виноват; может, и Вы в чем-нибудь не безгрешны. В виду нарастающих годов и естественно приближающейся смерти порадуемся хотя тому, что мы еще умели всю жизнь оставаться литераторами и, питаясь тощими литературными опресноками, не продавали себя ни за большие деньги, ни за малые, как это начинается у других, похваляющихся своей бесстрастностью... Кто из нас в чем был правее другого, то решать не нам, а с нас, мне кажется, довольно того утешения, что мы любили и (надеюсь) любим свое дело горячо и служил ему по мере сил и умения искренно и не бесстрастно, не ожидая себе за свою деятельность ниоткуда никаких великих и богатых милостей. В заключение скажу Вам: вряд ли многие из нас теперь в существенных вопросах гак противумысленны друг другу, как это кажется. А подумайте, что впереди! Если мы проживем, то, не при-

дется ли нам повоевать заодно против того гадкого врага, который мужает в меркантилизме совести? За что же мы унижаем друг друга? И перед кем? Перед людьми, которые всех нас менее совестливы...

Распря чаша часто держится характера чисто сектаторского... Это худо, но помочь этому могла бы только одна талантливая критика, а ее нет. У нас есть обидчики, но истолкователей нет, а обидчикам, конечно, всегда будет более приятно заботиться о литературной вражде, чем о единодушии и мире. Возможен ли такой мир или он есть утопия, но во всяком случае одна забота о нем сама по себе уже не осталась бы неблагоприятною для литературы, и наш лагерь, мне кажется, имеет в этом случае некоторое преимущество перед Вашим. Наши люди как-то более умеют щадить самолюбие и человеческое достоинство своих противников и по крайней мере они едва ли на десять оскорблений отвечают одним, и то всегда гораздо более умеренным. Как хотите, а это несомненный признак порядочности, который нельзя не уважать в самом противумысленном нам человеке.

Вот Вам мой болтливый ответ на Ваше доброжелательное письмо, за которое еще раз благодарю Вас; вполне Вам верю (как и всегда верил) и желаю Вам от души наилучших и во всем успехов и наилучшего счастья.

Преданный Вам

Ник. Лесков.

Крестовский тоже пришлет Вам свою записку.

В. П. МЕЩЕРСКОМУ
18 марта 1873 г., Петербург

Милостивый государь

Владимир Петрович!

Почтив меня своим посещением в начале Вашего литературного предприятия, Вы изволили просить меня приготовить для «Гражданина» какую-нибудь небольшую беллетристическую работу. Теперь я располагаю такою вещицею (рассказ листа в 4, размера «Русского вестника») и по ее относительным достоинствам, кажется, могу позволить себе предложить ее Вам. Потрудитесь известить меня: пригодно ли Вам в эту пору такое произведение? Гонорар мой в «Русском вестнике» 150 р. за лист – что я желаю получить и от «Гражданина». Рассказ писан в роде «Смеха и горя», то есть легко делится эпизодически. Прочесть его я готов, если можно, в одну из сред.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Письма 1874 года

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ
4 января 1874 г., Петербург

Уважаемый Петр Карлович!

Получив Вашу «критическую статью», я устремился в преследование нашего консервативного камергера и, наконец, настиг его сегодня и с его речей начинаю мою Вам отповедь.

Особа, о которой Вы спрашиваете, появлялась сюда для того, чтобы проситься в члены совета м<инист>ра. Граф счел это за несообразность и отказал в этом. Тогда П<отапов> спросил через директора д<епартамен>та: «что ему делать?» (то есть он не ладит с В<итте> и проч.). Граф на этот вопрос отвечал: «ехать на свое место». Граф им очень недоволен и очень бы рад был, чтобы он, приехав на свое место, прислал просьбу об отставке, что здесь и ожидается, так как П<отапов>у с В<итте> не поладить, а между тем он, кажется, уже выслужил пенсию. Но выслужил ли он наверно, – этого камергер не знает. Далее же, теперь здесь ничего не могут делать для Ваших интересов, а просто Вам осведомиться: что делает в Варшаве П<отапов>? Уселся ли г-н снова или, не стерпев афронта, уходит? Если он уходит, то перевод Ваш на его место – дело решенное в Вашу пользу. Если же он смирится и сядет на свое старое место, то... надо и Вам сидеть и ждать погоды. Перемена эта, «вероятно, состоится» (говорят), «но надо выжидать, а если П<отапов> уходит, то Вы тотчас будете на его месте». Об Одессе М<аркеви>ч говорил с графом, но это невозможно с сохранением выгод, предоставляемых Вам местными привилегиями. Вот Вам отчет о том, что я узнал. Теперь узнавайте сами в Варшаве и пишите сюда кому знаете. Если сочтете нужным вести что-нибудь через меня, то я, конечно, не буду неисправен и по мере сил постараюсь быть толков.

Мое собственное определение, кажется, совсем устоялось. Георг<иев>ский сказал, что уже есть приказ, но я его еще не читал.

За критику благодарю и «приемлю оную за благо», но не совсем ее разделяю и не вовсе ею убеждаюсь, а почему так? – о том говорить долго. Скажу одно: нельзя от картин требовать того, что Вы требуете. Это жанр, а жанр надо брать на одну мерку: искусен он или нет? Какие же тут проводить направления? Этак оно обратится в ярмо для искусства и удавит его, как быка давит веревка, привязанная к колесу. Потом: почему же лицо самого героя должно непременно стусевываться? Что это за требование? А Дон-Кихот, а Телемак, а Чичиков? Почему не идти рядом и среде и герою? Я знаю и слышу, что «Очар<ованный> стр<анник>» читается живо и производит впечатление хорошее; но в нем, вероятно, менее достоинств, чем в «Ангеле». Конечно, это так, – только вытаскивать «Ангелов» по полугода да за 500 р. продавать их – сил не хватает, а условия рынка Вы знаете, как и условия жизни. Обижаться же мне на Вас за придирчивость ко мне я не думаю, так как в самой этой придирчивости вижу Ваше ко мне расположение. И скажу Вам откровенно, если Вы любите мой, так говоря, «талант», то я не только люблю и Вас и Ваше отношение к литературе, но считаю Ваши мнения самыми беспристрастными и основательными и потому чрезвычайно мне дорогими и милыми. На этот раз я с Вами не согласен, но это, конечно, потому, что мы не с одной точки относимся к задаче искусства. Затем о «Захудалом роде». О новом поколении не стоит говорить: я это «вокруг перста обовью», а тут самое трудное: чем изгажены князья Димитрий и Яков? Я хочу сделать так: бабушка навлечет немилость губернатора, и тот ей отомстит доносом. Детей у нее потребуют в казенное заведение... (Это бывало!) Укажите, в какое заведение сдать их поневоле? Учитель будет сослан в отдал<енные> губернии. Нравится ли это Вам? Пожалуйста, пособляйте, пока помощь так важна.

Душевно любящий Вас

Н. Лесков.

Мирре Александровне и всему приветливому семейству Вашему бью челом. Соловьев умер в Москве скоропостижно, от нервного удара.

А. С. СУВОРИНУ
11 августа 1874 г., Петербург

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Исполняя Ваше желание иметь мои автобиографические заметки, посылаю Вам записочку, в которой включено все, что я помню о своей литературной деятельности. Если это Вам на что-нибудь годится, то я буду очень рад и еще раз благодарю Вас за честь, которую Вы мне оказываете, интересуясь мною.

Всегда Вам преданный

Н. Лесков.

И. С. АКСаКОВУ
16 ноября 1874 г., Петербург

Милостивый государь
Иван Сергеевич!

Александр Николаевич прочел мне сегодня Ваш ответ на его письмо, писанное по моему желанию. Я не знаю, почему я в эти тягчайшие минуты вздумал тревожить Вас, но я был уверен, что Вас моя просьба не обидит и что Вы сделаете все то, что возможно. Все это так и вышло... Примите, пожалуйста, мою искреннюю благодарность и за участие и вообще за доброе слово. У Кокорева я побываю, но прошу Вас, если можно, пришлите мне Вашу карточку, с которою бы я мог к нему приехать, – это облегчает неприятность положения входящего просителя. Вы меня этим много обяжете. О том, что выйдет из нашего свидания, я расскажу Александру Николаевичу, а если это и Вас может сколько-нибудь интересовать, то извещу и Вас. Разочарований же каких, впрочем, не боюсь, – никаких удач ниоткуда давно уже не ожидаю. Чтобы иметь в это время успех и не бояться голодной смерти, надо было идти не тем путем, каким шел я, служа мою посильную службу русской литературе и русской мысли. «Р<усский> в<естник>» был последний журнал, которого я мог еще как-нибудь держаться, терпя там значительное стеснение, – теперь и это кончено; а ни плодить материалистов других «Вестников», ни лепить олигархов «Р<усского> мира» я не могу. Поэтому, чтобы не совсем отречься от литературы, остается на время отойти от нее в сторону и стать вне зависимости от всеподавляющего журнализма. При нынешнем тиранстве журналов в них работать невозможно, и мое нынешнее положение лучшее тому доказательство. Вы оказали мне, в письме к Ал<ександру> Н<иколаевичу>, большую любезность; но представьте себе, что мне все говорят такие комплименты и в глаза и за глаза; а между тем... мне некуда деться! И так идет не с одним Некрасовым, а так шло и с Юрьевым, которому первому были предложены и «Соборяне» и «Запечатленный ангел»... Я понимаю, за кого и за что может мстить мне кружок бывшего «Современника» и вся беспочвенная и безнатурная стая петербургских литературщиков; но за что руками предавал меня в единую и нераздельную зависимость от Каткова продолжатель московской «Беседы», – этого я о сию пору не знаю. А все

это меня огорчало, томило мой дух, убивало мою энергию и веру в свои силы и в то же время давало надо мною ужасную власть людям, которые, кажется, великодушные знают только по доктрине. Теперь я все покончил и с ними: нет никаких сил сносить то, что я выносил долго. Кроме одного «Запечатл<енного> ангела», который прошел за их недосугом «в тени», я часто не узнавал своих собственных произведений, и, наконец, 2-я часть «Захудалого рода», явившаяся бог весть в каком виде, исчерпала или, лучше сказать, источила последние капли и моего терпения и всех моих сил душевных. Не ближе ли ко мне теперь станет господь, являющий силу свою в немощи человека?

Закрываю мои строки повторением еще раз моей признательности, как за Вашу готовность просить за меня, так и за доброе слово о моих работах. Вы мне среди всех зол нынешнего дня моего доставили отраднейшую минуту.

Не буду употреблять обычной фразы об уверении Вас в моем почтении, – я чувствую, что Вы знаете, что Вас уважают даже Ваши враги; а мне уж лучше позвольте любить Вас так – как это мне более привычно по отношению к роду Аксаковых.

Преданный Вам

Николай Лесков.

И. С. АКСАКОВУ **27 ноября 1874 г., Петербург**

Милостивый государь

Иван Сергеевич!

Я получил Ваше доброжелательное письмо и карточку, но не отвечал Вам до сих пор и не благодарил Вас потому, что хотел в моем ответе сказать что-нибудь о результатах свидания моего с Кокоревым, а его все не было в Петербурге. Он приехал только два дня тому назад, и я вчера же был у него, и попал, как кажется, весьма неудачно: утром я его два раза не заставал, и прислуга сказала мне, что самый удобный час для уединенного с ним собеседования – вечерний (7–8), когда он кончает свой послеобеденный отдых. Я так и сделал, но застал у него кучу гостей – людей мне совершенно неизвестных, и самого его за картами. Заход был совсем некстати, но назад пятиться было поздно, тем более что я вперед послал уже свою и Вашу карточки, – мы свиделись... К<окорев> принял меня ласковой, доиграв партию, увел в гостиную, где сказал, что Вы ему обо мне говорили и что он рад мне служить чем может, но не знает, «под каким заглавием»? Ввиду его занятого в эту минуту времени и близкого соседства сторонних людей я не назвал и «заглавия», тем более потому, что оно-то и есть для меня самое худшее и едва ли не самое труднейшее для произношения. Я выразил ему свое сожаление, что застал его в такое неудобное время, и просил назначить мне другой час, а он просил меня приехать к нему утром через неделю, потому что эту неделю он очень занят, и мы на этом расстались. Всем этим я, однако, нимало не огорчился, а, напротив, оглянув, с кем готовлюсь иметь дело, весьма даже обрадовался, что вышло так, а не иначе, и сейчас же пишу к Вам, прося у Вас новой помощи и поддержки по части «заглавия». Из всех добрых людей, принимающих в эти минуты во мне участие, Вы вернее всех поняли мое положение, – мне надо выбиться из-под давления журнализма, и это вполне согласно с моим собственным взглядом и составляет самое горячее мое желание. Но как этого достичь? – Напечатать роман помимо журналов не штука: деньги, на это потребные, я могу найти и у родных, и любой типографщик мне покредитует; но ведь Вы, конечно, знаете существующие у нас разбойничьи отношения книгопродавца к автору: я издам роман, и он пойдет, а я все-таки буду биться и колотиться, да еще с долгом за плечами (чего я до сих пор не

знаю). Поэтому содействие в форме субсидии или кредита мне не нужны. По моему мнению, чтобы поставить меня на ноги и дать мне возможность свободно служить литературе, меня нужно поосвободить хотя немного от полной от нее зависимости в рассуждении хлеба насущного. Издать один роман и, проедаая его, снова спешить строчить новый, – на это не станет меня; а чтобы жить с семьей, мне все-таки нужно около 3 т<ысяч> р<ублей> в год. Одну из них я имею, по должности члена уч<еного> ком<итета> при гр. Толстом, а две мне хочется зарабатывать трудом не литературным – трудом, который бы требовал ума, добросовестности и прилежания, но не авторского творчества. Вот, мне кажется, мое «заглавие». Пособите, пожалуйста, мне его выговорить Вашими устами! Я помню Ваше письмо Александру Николаевичу. Вы совершенно правильно рассуждаете о несоответствии коммерческому делу людей литературных, но дело-то в том, что прежде, чем быть литератором, я был человеком коммерческим, я служил у Скотта и Вилькенса; я правил самостоятельное дело, получая около 6 т<ысяч> р<ублей> в год; мною всегда были довольны, и я, смею сказать, знаю Россию как свои пять пальцев. Я могу быть употреблен к коммерческому делу не в виде синекуры, а я могу трудиться с пользой для дела, и желаю того всемерно. Коронная служба, не скрою от Вас, мне далеко не мила, да и мне, в моем литературном чине, нельзя на это рассчитывать; а главное, она мне глубоко противна при нынешних порядках, и самого уч<еного> комит<ета> я держусь поневоле, – торговая же деятельность, которая дала бы мне средства урывать час-два для неспешных занятий литературою, особенно такая, при которой бы я мог освежить свои впечатления в столкновениях с новыми типами и новыми фактами русской жизни, была бы для меня самым желательнейшим. Словом: я хотел бы, чтобы меня взял к себе на службу кто-нибудь из добрых торговых людей, как брали Громеку, Данилевского, Полонского и им подобных. Взявший меня во мне литератора не заметит, а понадобится ему мое перо, – оно готово к его услугам, как перо его служащего. Вот мое «заглавие» в некотором подробнейшем развитии. Мне прежде всего нужно отдохнуть от литературы, чтобы служить ей несколько по-иному.

Если я изложил это понятно и для Вас убедительно, то, пожалуйста, поспешите мне на помощь, пока Кокорев здесь! Прошу Вас написать ему (Англ<ийская> набереж<ная>, собств<енный> дом), «под каким заглавием» он может быть мне полезен. Я человек от природы застенчивый и особенно неумелый в ролях искательного характера: облегчите мне, ради Христа, мои затруднения; я у Кокорева буду отныне через пять дней – в это время к нему может доспеть Ваше письмо, если Вы его напишете завтра или послезавтра; а это будет мне облегчением несказанным. Иначе я опасаюсь, что вследствие недоговоренности все может кончиться одним знакомством, которое, конечно, само по себе весьма интересно; но в это время я, к сожалению, потерял вкус ко всему на свете. По примерам, какие вижу, просьба моя Кокорева не может затруднять – коммерсантам тоже люди бывают нужны, а я работник и способный и не ленивый. Что к себе, так к другим он может меня пристроить – разумеется, если захочет.

Катков теперь здесь и совсем на меня надулся, но тем не менее отношения мои с «Р<усским> в<естником>» я оставляю поконченными. Не думаю, чтобы это имело влияние на положение мое при Толстом, но не удивлюсь, если и там затрещит и станет рваться... Сам Т<олстой>, разумеется, ничего, – что я ему? – а другие могут быть влиятельнее. Вообще мне так мудрено, что могу кричать: кто в бога верует, – помогите!

Прилагаю Вам мою статью, посланную в поддержку освобождения России от новой повинности. Это должно интересовать Кошелева, и я усердно прошу Вас передать ему эту статейку и сказать, что 25 и 26 числа проект обязательно будет провален, несмотря на большинство (18 прот<ив> 3), которое стояло за эту новую повинность. Три противника были: я, Майков и Страхов, и силою «доводов Кошелева» побеждали.

Нетерпеливо буду ожидать от Вас хоть коротенькой строчки.

Преданный Вам

Н. Лесков.

Графиня Толстая говорила мне, что Вы ее спрашивали почему я знаю духовенство? Откровенно Вам отвечу: я сам этого не знаю.

И. С. АКСАКОВУ
5 декабря 1874 г., Петербург

Милостивый государь
Иван Сергеевич!

Трудно сочинять благодарность, которая шла бы сколько-нибудь в меру доброго внимания Вашего к моим доукам, но зато я не стану пытаться соплетать слова в выражение моей Вам признательности: мне верится, что Вы будто знаете, как полно мое сердце Вашим участием. Не к себе будь сказано, я всегда думал, что ужасающая цифра самоубийств зависит весьма много от входящей в моду «юридической правды», которою заменяется милосердие, дорогое во время свое, как милостыня во время скудости. Утешь человека одною готовностью поддержать его, и он переживет день, а другой день принесет с собою и другие мысли и другие утешения. Общий эгоизм страшен безмерно, и ему мы обязаны нашею страшною цифрою самоубийств. Я, конечно, весьма далек от этого, и по обстоятельствам и по убеждениям, или, лучше сказать, мною себя быть далеким, по милости божией; но чувствую, сколь велика и важна радушная помощь в минуту тяжелой передрыги. Ваши два письма меня оживили – особенно второе, где Вы журите меня за спешность. Вы правы: я отношусь ко многому – к своему положению и к не своему – «слишком нервно», но во-первых... круто пришлось, а во-вторых, так уж меня, видно, бог создал. Не осудите строго: бесстрастных ныне не недород. Что же касается данного случая, то Вы совсем и во всем правы, так что, пожалуй, и предсказания Ваши грозят сбыться: Кокорев, кажется, хочет быть мне полезным. Какое будет сие? – не знаю, да и он сам, я полагаю, до сих пор не знает, но он обещал подумать, и я в том обещании слышу правду, а пока он просил меня прочесть заготовленную им книгу о бакинской нефти, за что я и взялся. Работы этой хватит недели на две, потому что он хочет иметь мои замечания на литературную часть. Сочинение это большое и, кажется, очень нескладное, и писал его некий Скальковский – человек Кокореву давно известный... Вот это немножко и щекотливо. Впрочем, поступлю по правилу: «делай что следует, и выйдет что нужно». Беседовали мы много и долго – от 9 до 12 утра – и потом вместе ездили в нефтяное общество. К<окорев> действительно очень умен, а всего более быстр и проницателен; на меня он произвел впечатление хорошее: здесь между да и нет не существует той истомы, без которой ничего не умеют решать наши государственные мужи. Книжки обе я ему отвез, и он их велел человеку положить у себя в спальне, добавив мне, что «Иван Сергеевич такой завет дал, чтобы непременно прочесть, – нельзя ослушаться». И за что это Вы за меня так работаете!.. Утешь и обрадуй бог Вас, как Вы меня утешаете и радуете Вашим горячим участием: меня браните, а сами за меня еще горячее меня идете. Что бы из этого ни вышло, но большое добро мне уже сделано; я оправляюсь духом и радуюсь, что знаю Вас, да еще вдобавок не по рассказам, а на сердце своем вас изведаль. Князь Алекс<андр> Петр<ович> Щербатов (которого Вы знаете), посещая меня, прочел Ваши оба письма и ручается, что Кокорев) сделает существенное дело, – дай бог его устами бы да мед пить.

«Захудалый род» продал Базунову, сколько вышло; 2-ю часть выпущу, восстановив все урезки; дописывая роман в целом не смогу теперь после этой встрепки и отложу до более спокойного времени; а вчера заходил ко мне кн<язь> Вл. П. Мещерский и пожелал взять в

свой «Гражданин» отдельные эпизоды 3-й части («Князь Кис-ме-квик» и «Смерть княгини Варвары Никаноровны».) Так, как с пожара, кусочки и разобрали. Занимаюсь рассказом для «Нивы» и довольно живою статью о штундистах для «Гражданина», назову ее «Практические христиане на юге России»: пристойно это или нет? Я был там, изучил эту штунду и убежден, что эго чистый пиетизм, родившийся не столько от чужеверного заноса, сколько от недостатка практической действенности в церковном обществе.

Преданный Вам

Н. Лесков.

Корша обязывают во что бы то ни стало взять инго редактора, причем, несомненно, имеется цель, кого он не представит, всех браковать. Лонгинов тяжело болен – почти при смерти.

Пока приведет бог свидеться, прошу Вас принять мою фотографическую карточку.

Катков третьего дня был принят государем и говорил с ним в течение 22 минут (верно).

И. С. АКСАКОВУ
23 декабря 1874 г., Петербург,
(вечером)

Милостивый государь

Иван Сергеевич!

То, что Вы называете «моими с Кокоревым делами», вчера вступило в некоторую новую фазу, и я сегодня все раздумывал, не надлежит ли мне сообщить Вам кое-что об этом, как вдруг в обед получил письмо от Вас.

Право, не знаю, как Вас благодарить за то, что Вы мною интересуетесь и возитесь терпеливо с моим устройством; а наипаче и предо всем преимущественно благодарю Вас за Ваши письма. Если Вы хотя сколько-нибудь знали меня по типам, худо или хорошо мною воспроизведенным, то Вы, конечно, знаете, что все мои симпатии клонят к простоте и искренности отношений, а потому едва ли мне нужно уверять Вас, что живые соотношения с Вами мне дороги бесконечно. Примите мой низкий поклон за Ваше обо мне памятование; а на письмо Ваше буду отвечать по пунктам. – Рассказы мои издавались спекулятором, и как они издавались – мне до того дела не было. – Штундисты меня очень занимают, и я сам становлюсь очень нетерпеливым к тому, что из моей работы выйдет. Замечочка, на которую Вы обратили внимание в «Гражданине», отнюдь не принадлежит к статье или к исследованию. Это именно так себе – *un discours en l'air*,¹⁰ но ей посчастливилось: она понравилась очень многим, и «Гражданин» в своем завтрашнем номере, кажется, оповестит, что самое исследование тоже будет у него напечатано. На «Москву» я всегда был подписчиком (и по сей час храню корректуру статьи, написанной для «Бирж<евых> в<edomостей>» в защиту Вашей газеты во время суда, но Трубников находил это «дело невыгодным»), однако статей Ваших о штундистах не помню. Все номера с останавливавшими мое внимание статьями у меня сбережены, а о штундистах ничего нет. Не знаю, как это могло случиться и во всяком случае прошу Вашей помощи и содействия: или укажите мне с точностью эти №№, или (если можно) пришлите их. Исследование еще все в голове, и всякий совет и всякое указание мне теперь сугубо дороги. План мой таков: я не буду держаться приема исключительно беллетристического и не стану избегать его, где он пригоден для придания образности. Кроме того, он в скользких местах гораздо удобнее со стороны ответственности. Затем я буду рассказы-

¹⁰ Здесь: пустячок, безделка (франц.).

вать истории, как их слышал и, не кривя душою, покажу, что штундизм идет не столько от немцев, сколько от небрежения нашею собственным духовенством, от дурной жизни клира и возмутительной холодности иерархов. Катехизис, составленный в Киев<ской> дух<овной> консист<ории>, я стану отвергать, как сочинение столоначальника (о чем имею право свидетельствовать со слов Авксентия Курки и епископа Филарета (ректора), играющего в истории со штундистами роль Гамалеева). У штунды теперь нет катехизиса, и я проведу параллели, чем штунда разнится с учением, изложенным в изъятom из обращения сочинении Новицкого. Из материалов я думаю пользоваться: 1) предисловием Юрия Федоровича к богословскому тому соч<инений> Хомякова; 2) сочинением проф. Знаменского «О русском духовенстве»; 3) исследованием Нечаева «О пиетизме», 4) «Догматическою системою Оригена» и 5) сочинением Новицкого «О духоборцах» 1832 г. Начать я думаю это скоро – на сих днях, и если Вы можете меня познакомить с Вашими взглядами на штундистов, то, пожалуйста, не откажите в этом. За замечание Ваше о маймистах очень Вам благодарен и совершенно с Вами согласен. Это нехстати; но оно бы не совсем так было, если бы не произошел довольно забавный казус: вслед за рассказом о маймистах шел рассказ о таких же делах, по нашей инициативе совершаемых, и вывод делался прекомичный, но конец статьи не влез в номер, и его потеряли, что Вы и можете видеть по тому, что под статью нет моей подписи, – она вместе с концом осталась в типографии. Кокореву я прочитал (про себя, разумеется) творение Скальковского о нефти и уразумел оттуда что мог, составил реестр моих заметок и вчера их ему отдал. Его инженер и компаньон (Игнатъевский) высказались в пользу моего взгляда, и затем пока (или совсем) все тут. Книги я ему подарил, но не для того чтобы он прочел их: ему, я думаю, теперь не до того, у него сын болен и т. п. неладица. Конечно, кто захочет, тот на все найдет и время и средства; но а впрочем призовем пока святое терпение и благое молчание: они ничего не губят. – «Захудалый род» кончать невозможно, даже несмотря на то, что он почти весь в брешь окончен. У меня руки от него отпали, и мне сто раз легче и приятнее думать о новой работе, чем возвращаться на эту ноющую рану. Это свыше моих сил! Пусть пройдет время, тогда, может быть, что-нибудь и доделаю, а теперь... от этого много черной крови в сердце собирается. Надо прежде забыть.

Журавского мне было не дивно обрисовать, – я его тоже знал, и он едва ли не первое живое лицо, которое во дни юности моей в Киеве заставлял меня понимать, что добродетель существует не в одних отвлечениях. Статью Юрия Федоровича о Журавском я отлично знаю и пользовался ею для составления очерка о Журавском при основании журнала, который направляли Юрьев и Майков. Мне в то время были присланы Веригиным письма Журавского к Веригину, к Нарышкину и к Перовскому – письма, в высшей степени интересные для определения характера времени и выражения освободительных идей покойного Дмитрия Петровича. Тут же находятся спокойные, но меткие аттестации, положенные Журавским Нарышкину и Перовскому. Все это я собрал, переписал и, приведя в начале статьи слова Ю. Ф. Самарина о значении Журавского, послал мою статью в «Беседу» Юрьева. Мне казалось, что этой «Беседе» очень бы хорошо договорить по вновь открывшимся материалам то, что было не договорено Ю<рием> Ф<едоровичем> вскоре после смерти Журавского. Юрьев так это и понял, и у меня по этому поводу образовалась особая литература из писем почтенного Сергея Андреевича. Однако Майков или кто-то другой ему посоветовал не заниматься такими мелочами, как Журавский – борец-де только за права человека в России, в самую глухую пору, и Юрьев рассудил за лучшее сначала отложить, а потом совсем потерять мою статью... Дивными путями Писемский как-то проник, где ее надо было и<скать>, и прислал ее мне уже гораздо после прекращения кошелевской или юрьевской «Беседы». Потом эти письма ездили к П. И. Бартеневу, и его они тоже не заняли: никакого эффекта нет. Жертвовал я их и Семеvскому, – тому велики очень (их будет листа на 3). Теперь просят их у меня Шубинский, который заводит старину с портретами, но а где же взять портрета Д. П. Журав-

ского? У меня нет его портрета. Нет ли у Юрия Федоровича? Какое бы доброе дело он сделал, если бы, имея таковой, ссудил им на время; а то земля русская дала бедняку Журавскому три аршина, а русская литература не хочет дать трех листов для того, чтобы сберечь самые задушевные слова превосходнейшего из людей. И это при том страшном многословии и пустословии, о котором даже стыдно подумать!.. У нас зима, Патти и граф Сальяс, которого вывозят. Приезжал П. К. Щебальский, но ему не повезло.

Ваш Н. Лесков.

Письма 1875 года

Н. С. АКСАКОВУ
1 января 1875 г., Петербург

Милостивый государь

Иван Сергеевич!

Прежде всего поздравляю Вас с новым 1875 годом. – Желаю Вас видеть целым, здоровым, долгоденствующим и благополучным во всех делах и начинаниях. Старый год канул в вечность, а сей новый всеми встречен как-то сумрачно и, так сказать, безуповательно: выдуманная на Страстном бульваре фраза о «пожертвованном поколении» облекается в плоть, и гнетет, и душит. Жить одним сознанием, что гимназисты учатся лучше, чем учились пять лет тому назад, – просто томление духа, и ничего себе так пламенно не желаешь, как того, чтобы не иметь никаких желаний. С такими мыслями встретили мы вчера полночь в кружке добрых людей (у Засецкой), где вспоминали Вас добром и пожелали, чтобы разомкнулись давно умолкнувшие уста Ваши, и тут же почувствовали, что на все это нет никаких надежд, что мы «пожертвованное поколение»... Дьякон Ахилла сидел под арестом «в пользу детских приютов», – мы благоденственно молчим обо всем серьезном в пользу читателей. Вот положение, ему же, по-видимому, несть конца!

Письмо Ваше я получил, взгляд мой на штундизм совершенно тот же, что и Ваш. Немец только потóm, примером доброй жизни, а мысль о протесте против церкви дали сами «требоисправители», которые в юго-западном крае бесчинны и нерадивы до крайности, а при том сверх меры своекорыстны и жадны. В Киевской губернии попы сделались ростовщиками и бывают в сем ремесле жесточе и немилостивее жидов. В самом городе, куда, как Вам известно, сходятся летом богомольцы со всей Руси и из земель, полно единоверных, небрежение в богослужении и наглость в обирательстве неописуемы. Мы имели семейный обычай служить по отце заупокойную обедню в июле и обыкновенно съезжаемся все к матушке в Киев, и платили причту не скупно, но они уже так изучились «сорохвату», что не умеют отслужить лучше. Покойный Анд. Муравьев любил мешаться не в свое дело, но в ссорах с Арсением за возмутительное бесчинство в церквях он был прав. Не знаю, читали ли в «Русском мире» мою статейку (заметку для археологов), что в Киевской лавре монахи по лености и небрежению перемешали мощи и не могут их теперь разобрать!.. Замечательно, что они это съели молча и ни слова мне не ответили. Так там и все, по целой губернии. Мне неловко рассказать, что отвечал Авксентий Курка Новикову (при мне и при епископе Филарете). Тот говорит:

– Разве все ваши священники недостойны почтения?

А Курка отвечает:

– Мы того не знаемо, яки вони уси; а що наш батюшка, то вин такій, що як владыко митрополит у нас були, то вони тода у пана, у двори кушали, а потим того на дорози до церкви подыхали... Мы стоимо и батюшка... А владыко як побачили батюшку, та отразу ему кажутъ, що ты дурак; ну и наши тода говорят: що же як винь дурень, бо вже его сам митрополит дурнем зове, то что же нам от его божьего научения пытати и т. п.

А владыка, по циничному, но верному выражению Дундукова, блюдет одно: «тяжелые обеды, да легкие беседы», – вот он и весь тут, на кого вся надежда!

Вы мне ничего не ответили: нет ли у Юрия Федоровича какого-нибудь портрета Журавского? Тогда Шубинский бы охотно напечатал о нем статью, которую можно составить по имеющимся у меня письмам. Не годится ли для Общества любителей русской истории

сл<овестности> записка Журавского об улучшении быта крестьян? Она тоже у меня. – Коко-рев не позволяет ни из чего заметить, помнит ли он меня? Работу ему нужную я сделал, как должен, и на праздниках у него побывал – он не отзывается. 1-м № «Петербургских; ведомостей» в «подлежащем ведомстве» недовольны – желали, вероятно, большей преданности. Как он взялся идти под столь тяжелыми и несогласимыми давлениями, – это удивительно; а если он их вынесет, то будет еще удивительнее.

Преданный Вам

Н. Лесков.

Менгден вчера говорила кн. Щербаковой, а та мне, будто гр. Л. Н. (Толстой) опять взял роман от Каткова? Чрезвычайно любопытно: неужто это взаправду так?

И. С. АКСАКОВУ **22 января 1875 г., Петербург**

Достоуважаемый Иван Сергеевич!

Спешу не замедлить ответом на письмо Ваше от 18-го сего генваря, где Вы пишете о дагерротипе Журавского, о штундистах, о книге Щапиной и о Григорьеве.

С Киевом я уже ссылаюсь письмом об изображении Журавского, но там ничего нет и искать нечего. – Исследования о штундистах я бы очень рад был отдать редакции «Православного обозрения», против которого ничего не имею, но Вы, вероятно, видели уже, что это исследование Мещерский обещал подписчикам «Гражданина»... Как же теперь с ним заговорить об этом? По-моему, это очень неладно, да и не вижу к тому же причины или побуждений, – мне кажется, что бесцензурный и наивно смелый «Гражданин» легче пронесет эту историю, чем «Прав<ославное> обозр<ение>». У них можно свободно говорить по вопросам экзегетики, но по живым, бытовым вопросам журналы, находящиеся в зависимости от духовной цензуры, мне кажется, совсем неудобны, и «Гражданин» в этом случае заслуживает предпочтения. Так и буду просить Вас передать почтенному редактору, сделавшему мне честь своим вниманием, за которое прошу его от меня поблагодарить. Если же он найдет, что я рассуждаю не право, то есть что они могут быть свободнее, чем я думаю, то пусть мне объяснит об этом что-нибудь поподробнее: может быть, я найду удобным выделить для сочинения о штундизме часть, – так самую интересную (напр<имер>, сравнение нынешнего штундистского учения с учением, описанным в исследовании Новицкого о духоборах, и определение значения, какое имеет у этих сектантов известная книга Ионикия Голятовского «Ключ Разумения», 1654 г.). Тут можно стать на строго научную точку и рассказать много интересного в виде необходимых объяснений к тексту и контексту. Если это редакторам «Обозрения» понравится, то об этом можно подумать и, пожалуй, можно и сделать. Теперь, принимаясь за дело, я хватился многого, о чем, в Киеве бывши, позабыл, и написал еп<ископу> Филарету в Киев и в<ысоко> п<реосвященству> Агафангелу в Житомир, но не знаю, будет ли их архипастьерское внимание мне благоспешно. (Я, например, ничего не перемолвил об отношении штундистов к молитве за усопших... Глядя на страдания живых, позабыл о мертвых, а теперь все это затрудняет.)

В министерстве нар<одного> просвещения есть комитет один, – он называется «Ученый»; но в нем два дела: отдел чисто учебный и другой – для книг детских народных. Я состою членом последнего (вместе с Майковым). О сочинениях г. Щетшной или Щапиной я имею понятие, потому что она уже представляла некоторые свои сочинения в министерство, и их рассматривал я. Помнится, что они именно «ничего», и их, кажется, «допустили». «Одобрение» у нас не дается за достоинства отрицательного свойства, – нет: в Комитете

существуют три категории: 1) Рекомендовать (значит обязательно для школьн<ых> библиотек), 2) Одобрить, то есть похвалить, указать на книгу и 3) Допустить. Последнее касается для тех, которые, как Вы говорите, «ничего». Впрочем, можете быть уверены, что все, что лишь только возможно сделать для обратившейся к Вам труженицы, будет сделано со всеусердием и добрым рачением. Пусть пошлет свои книжечки при просьбе на простой бумаге, адресуя в Ученый к<омитет>при м<инистерстве> н<ародного> п<росвещения>. Просьба должна быть самая простая и короткая. Формы никакой нет, – пусть выразит то, что хочет, и все тут. А чтобы ускорить дело, пусть она, послав просьбу и книги, тогда же известит меня, что они посланы. И я и Майков поддержим, сколько можем.

Ориенталист на полицеймейстерском поприще еще не показал ничего нового: до сих пор он, по-видимому, держится как человек пришлый, а не хозяин. Лонгинов еще канает, хотя совершенно безнадежен: вода дошла до живота, но все тянет. В так называемом «большом свете», ныне не чуждающемся более ни концессионных взяток, ни служебных интриг, говорят, что «это с его стороны даже неделикатно умирать так долго». На его место одни прочат Мартынова (губерн<атор>из Полтавы), другие – Мансурова, третьи – Маркевича, а четвертые, наконец, думают, что будет оставлен Григорьев; а наверное никто ничего не знает, и потому-то очень тяготятся «неделикатностью Лонгинова», который и в сей смертный час равнодушествует к «направлению» вообще и судьбе «Русского мира», в частности. Дивная печаль на пороге двери, открывающей неведомый путь! Вчера я слышал от людей случайных снова речи о Маркевиче, но говорят, что находят неудобным предать всю печать в руки «к<атков>ского агента», и, впрочем, право, теперь все возможно: проект Кузьмы Пруткова о введении единомыслия в России становится, по-видимому, возможным. Долго ли это так будет? – Духи Журавокого ничего об этом не знают, и духи Александра Николаевича Аксакова тоже не сюда смотрят, а Черняев вчера ходил к т-те Фельд гадать на картах г-жи Ленорман, но и она ничего не сказала. Кокорев тоже ведет себя как дух. Хотелось бы знать по крайней мере, доволен ли он тем, что я для него сработал? Знаете: это просто даже уже смешно и весело становится! А впрочем, все как-то живу и – право – удивляюсь даже, а бог как-то помогает

Низко Вам кланяюсь

Н. Лесков.

Кн. Ал. Васильчикову газета положительно не дозволена, а дела с Черняевым как-то у них позамялись.

Он этим очень недоволен и вообще продолжать издательства не желает.

Вот достойная внимания политико-экономическая новость: в Главном пр<авлении>по дел<ам> печати измыслили, что они потому не разрешают новых изданий, чтобы создать ценность изданиям существующим. Каковы доброты!

Н. С. АКСАКОВУ
27 января 1875 г., Петербург

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

В. А. Кокорев вчера с вечерним поездом уехал в Москву и теперь должен быть там. В Москве он пробудет дня три. Перед отъездом его мы с ним виделись два раза, и он обещал мне какую-то работу. В чем эта работа будет заключаться – не знаю; но во всяком случае, если бы Вам довелось с ним видаться и заговорить обо мне, – порадейте за меня немножечко. Судя по тому, что он платил за работу «некому», я признаю эту плату несоразмерно щедрою (напр<имер>, 4 т<ысячи> за компиляцию о нефтяном промысле), и вообще я работе рад, но

мне было бы вдвое милее, если бы он платил мне не сдельно, а вообще взял бы меня для своих работ, чтобы я делал все, что потребуется ему и что мне по силам. Это бы нас сблизило гораздо более, и, бог весть, может быть и я бы ему пригодился, как он теперь не думает. Во всяком случае: не найдете ли возможности бросить ему эту мысль?

Ваш Н. Лесков.

А. Н. ОСТРОВСКОМУ
14 февраля 1875 г., Петербург

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Я получил Ваше письмо и считаю себя обязанным поблагодарить Вас за этот скорый ответ, значительно разъяснивший мне дело. Соображения Ваши вполне верны, и я, признаюсь Вам, не ожидал, чтобы Вы могли отнестись к этому иначе, а писал к Вам под давлением неотступных просьб и ввиду недоразумений, к которым постоянно припутывали Ваше имя. Мне постоянно напоминали, что об этом просите Вы, принимая в судьбе осужденного особое участие по каким-то Вашим семейным отношениям. Я был в величайшем затруднении, колеблясь между чувством сострадания и ясным пониманием неуместности и бесполезности всего стороннего вмешательства. Мне говорили, что Вы можете что-то сказать и указать и что от Вас ежедневно ждут письмо, а между тем все настаивали, чтобы я ехал и просил. Мне ничего иного не оставалось, как отнестись к Вам прямо, и я это сделал и очень благодарен Вам, что Вы мне разъяснили дело. Понятно, что как мне ни прискорбно отказать бедной матери, но я в ее пользу ничего сделать не могу.

Пользуюсь случаем при этом просить Вас верить, что я действительно высоко ценю и уважаю Ваше имя.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ
23 февраля 1875 г., Петербург

Я почти такого ответа и ждал от Вас, уважаемый Петр Карлович, и ответ сей признаю справедливым, тем более что «грязная история», раскрываясь, обнаруживает такую тину, что от нее надо желать быть только подальше. Бобоша пал бесславно и низко и сносит свое падение со всей гадостью души мелкой и ничтожной, – визжит как высеченный щенок и не находит в себе сил обратиться к универсальному средству наших опальных дедов – бежать в свои местности на Галиче и дать стихнуть мерзкому скандалу, доколе его заменит новый, еще мерзейший. Нет: он жалуется, что «взял не в том смысле, – не как взятку (или, по выражению покойного Н. И. Соловьева, „братку“), а как гонорар вперед за свое перо»... Понимаете, что все это делает его еще более жалким и смешным и ничему не помогает, но он все бьется устоять на этом и хлопочет, чтобы его «принимали». На 4-й день скандала он собрался в Москву к К<атко>ву, которому в эти дни писал 3 письма и 2 депеши и ни на письма, ни на депеши ответа не получил. Насколько меня спрашивали, я не советовал и ехать, тем более что ко мне явился кн. Ш<али>ков с предсказанием, что К<атко>в Бобку не примет. «Пусть-де прежде счистится». Однако он поехал, и вот уже неделя, как сидит там и все просится впустить, а тот ему не отвечает и к себе не пускает. Я говорил Ш<али>кову, что ведь, однако же, он сказывал М<ихаилу> Н<икифорови>чу большую преданность, – нельзя

быть с ним чересчур суровым, но Ш<аликов>только сделал удивленные глаза и отвечал: «За что деньги заплочены»... Так этот Бобо и теперь там и пишет оттуда жене, что «надо туда совсем переехать», – все вероятно из того, чтобы встретиться с М<ихаилом> Н<икифоров-лчем>хоть на бульваре и броситься ему в ноги (что Бобо, несомненно, желает и что привести в исполнение может). Еничку напрасно сожалеете: его фонды стоят высоко, и его во всем оправдывают: «его-де вывели из терпения». Он давно расстроился со своим антрепренером и, прекратив с ним свидания, начал ссылаться письмами: в этой-то корреспонденции и вскрылось все дело. Б<айма>ков написал в одном письме, что он не может отдать К<ат>кову газету за 120 т., потому что кроме сих 120 он «дал обязательство выплатить 50 т. одному известному лицу в министерство». Еничка списал с этого письма 4 копии и послал их одну К<атко>ву, одну гр. Т<отсто>му, в III отд., а четвертую – самому государю. Таким образом, все вдруг было обнято. Следствие (негласное) проводил Пот<ап>ов, и Бобо выгнан в 21 часа, со снятием с него даже придворного звания. Перед рассылкою сих депеш Енька держал совет с Феклистом и подозрительным нарцизом, которые «недоумевали, кто это известное лицо», и будто опасались, не наводит ли это тень на них, и присоветовали все вскрыть... Таким образом, за Христа невинного один Пилат умыл руки, а за проворовавшегося Бобу трое измыслия. Теперь Б<айма>ков за этот месяц прислал Еньке вместо 500 р. – всего 150, прибавив, что и «это много». Оказывается, что у них никакого письменного условия нет; но как они развяжутся, – это интересно, ибо выражена высокая воля, чтобы Енька был укреплен на этом месте; Б<аймаков> же не отступает от газеты, если ему не возвратят его гласных и негласных расходов, всего 200 тысяч. Всего этого я не знал, когда писал Вам, а теперь с ужасом обоняю это смердящее болото и, конечно, не хотел бы видеть Вас в тумане его испарений. Бобо свое условие на 60 т. 12-тилетней аренды, разумеется, уничтожил и получит только 5 т. за первый год, но и в них дал расписку, которая представлена к делу. Желая выручить расписку, он дал Б<аймако>ву на 5 т. заречных векселей Кушелева, и Б<аймако>в векселя взял, а расписки не отдал и теперь по векселям взыскивает, и уже 1 т. взыскал. Общество выражает свое великолепное негодование, не разбирая, что оно негодует не на мерзость поступка, но на его глупую неловкость, и злорадство не пойманных плутов отвратительнее изловленного неумелого Бобки, который тем провинился, что вошел в сделку письменную, а не взял «братку» наличными и не свез их в банк... До чего все это отвратительно – рассказать Вам не могу: это падение заносчивого хлыща с его двухаршинной высоты взбуравило такие нравственные подонки общественных страстей, что мнится, не стоят ли уже какие-нибудь вестготы за шлиссельбургскую заставу вашего сгнившего Рима? Что за подлые и жестокие сердца! что за низкие умы! Теперь недостает, чтобы Боба, возвратись после своего московского сиденья, вскинулся на К<ат>кова и Т<ол>стого и начал вскрывать какие-либо их тайности. Приступ к этому он уже сделал и обнаружил, что К<атко>в хочет взять газету и Б<айма>кова и иметь Еньку своим петербургским приказчиком. Теперь остается это доказывать, – что и нетрудно. О фельетонистах тоже напрасно мечтать: всем редакциям «рекомендовано» ни одним словом не касаться этого дела, и «Голос» лишен права розничной продажи за самый отдаленный намек, заключающийся в словах: «мы, граф С<алиас>, не рапортуем там, где Вы рапортуете». Светские люди из кружка чистого гадливо молчат или говорят, что «М<аркеви>ч сделал для „Петербургских ведомостей“ – то самое, что он делал всегда для „Московских ведомостей“, то есть продал министерство Б<аймакову>, как продавал его К<атко>ву». Правды тут, разумеется, мало, но нечто к делу идущее есть. О двухклассных школах сейчас ничего Вам не могу сообщить и сомневаюсь: есть ли их правила напечатанные? По крайней мере мы их очень недавно еще обсуживали, и я не думаю, чтобы они были уже готовы. Вашим всем кланяюсь. Внимания «Р<усского> вестн<ика>» к себе не заметил и не надеюсь его заметить. Будьте здоровы и долгоденственны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.